

КИРА ЛАФФ

МОЙ ПОРОЧНЫЙ
ПИСАТЕЛЬ

— Как там говорят? — мужчина усмехнулся — Для женщины лучше быть «босой, беременной и на кухне»? Хотя лично я предпочитаю босую в моей постели. Хотя, может быть, тебе больше нравится на кухне? — он вопросительно вскинул бровь.

— Ты просто самодовольный идиот, если думаешь, что я когда-нибудь соглашусь на подобное! — гневно выпалила я.

Кто думал, что я влюблюсь в этого нахала с татуировками и в рваных джинсах?

Лично я даже предположить такое не могла!

Я старалась забыть нашу первую встречу как страшный сон, пока мне не позвонили из университета и не сказали, что тот ужасный мужчина — мой новый босс!

И вот теперь этот демон пытается разрушить мою спокойную жизнь...

Что бы вы сделали на моём месте?

Убежали и спрятались?

Или стали сражаться за свою свободу?

За шанс остаться собой?

Мой порочный писатель. Луна твоей жизни
Кира Лафф

Теперь мне остаётся лишь вспоминать то сумасшествие, которое происходило со мной год назад. Однако, он, ведь, не всегда был таким. Мой демон. Мой спаситель. Во мне всё ещё живы воспоминания, в которых, как мне казалось, он любил меня. Конечно, всё это было лишь притворство. Очередная маска. Но, чёрт возьми, насколько же правдоподобно он играл свою роль...

Мы шли по вечернему Арбату, и Кирилл рассказывал мне удивительную лекцию об архитектуре, истории создания многих зданий и о непростых судьбах их владельцев. Мы подошли к какому-то ресторану, и Кирилл предложил зайти. Я в ужасе отказалась.

— Что, девочка, не хочешь остаться со мной наедине? — Он усмехнулся.

— Да, не хочу. — Я немного покраснела, вспоминая, что произошло в прошлый раз, когда мы остались только вдвоём.

— А я думал, ты уже не боишься меня? — Он подошёл ближе, слишком близко ко мне. Я немного попятилась назад, отступая в темноту переулка.

— Я не боюсь тебя. — Я с вызовом посмотрела ему в глаза. — Я боюсь себя.

— Не боишься меня, значит? — Он продолжил наступление.

Я почувствовала его внезапный азарт, будто в моих словах он уловил некий вызов.

— Ты думаешь, что людное место более безопасно для тебя? Что здесь я не смогу до тебя добраться? — При этих его словах я отступила ещё на два шага и упёрлась спиной в стену здания.

— А ты сперва догони меня. — Я улыбнулась с вызовом, потом резко уклонилась от него в сторону и побежала вперёд по тёмному переулку, обратно к людному Арбату. На секунду мне показалось, что я успею добежать до безопасной, освещённой улицы, но в этот момент сильная рука схватила меня сзади за талию. Кирилл сгрёб меня в охапку и потащил обратно во тьму, всё дальше и дальше. Когда мы оказались под аркой в узком проходе между домами, он резко поставил меня на землю и, пригвождая лицом к стене, завёл мои руки за спину.

— Мне кажется, что сегодня наше привычное общение началось с неправильной ноты. — Одной рукой Кирилл удерживал мои руки, а другой впился в волосы на затылке, сжал их и впечатал меня щекой в стену. — Ты сегодня слишком дерзкая, девочка. Ты пытаешься меня спровоцировать? — Я пыталась вырваться, но он удерживал меня мёртвой хваткой. — Я преподам тебе урок. Всего один раз, но так, чтобы ты навсегда запомнила, что я очень легко поддаюсь на провокации.

— Кирилл, отпусти меня! Что на тебя нашло? Рукам больно! — Мне стало реально страшно, когда он прижался ко мне всем телом, и я почувствовала поясницей его возбуждение. О, Боже, что он собирается делать, больной ублюдок?!

— Пожалуйста, не тут, пожалуйста!.. — я громко всхлипнула.

Мои волосы выбились из причёски, слёзы подступили к глазам и теперь скатывались по щекам, размазывая тушь.

— Ты же сама меня заманила сюда. Или маленькая глупышка думала, что центр города не может быть малолюдным? — Я ощутила его хриплое возбуждённое дыхание на своей шее, отчего она покрывается мурашками.

— Сегодня я тебя накажу, потому что ты давно на это напрашиваешься. — Он провёл языком по моей шее. Потом поднялся к щекам и слизнул мои слёзы. — Какая ты вкусная! Знаешь, девочка, я не мыл свой палец целый день после того, как трогал тебя там — так вкусно он пах тобой. Я вспоминал во всех подробностях, как ты боялась и стеснялась своего возбуждения, но всё равно ничего не могла с собой поделать и отчаянно кончила по команде, как маленькая распутница.

От его грязных слов я начала увлажняться, а все мои лепестки набухли и запульсировали. Я попыталась сдвинуть ноги, чтобы он не заметил моего возбуждения, но Кирилл резко раздвинул их своим коленом. Он властно сжал моё бедро, продолжая удерживать руки в болезненном захвате, и его пальцы поднимались выше, задирая платье до талии.

— Ах... — Я всхлипнула и ещё раз попыталась вырваться, но волны предательского удовольствия начали разливаться по моему животу.

Кирилл стремительно проник ко мне в трусики спереди и резко потянул на себя, вжимая в мою попку свой твёрдый орган.

— Не пытайся скрыть, девочка, я давно знаю, как сильно ты увлажняешься в моём присутствии.

— Я умоляю тебя, пожалуйста! — задыхаясь, проговорила я.

Он начал требовательно водить пальцем по моему пульсирующему клитору. Электризирующие волны удовольствия пронзили всё моё тело. Я начала стонать вперемешку с громкими мольбами: — Кирилл, я не хочу здесь, не делай этого, прошу...

— Ты слишком много болтаешь. — Он оттянул мои трусики, рывком потянул их в сторону, и я услышала звук рвущейся ткани.

Он избавил меня от белья. Через секунду он нажал рукой на мою челюсть, отчего мой рот непроизвольно открылся, и затолкнул в него трусики. Моё сердце готово выпрыгнуть из груди. Я задыхалась от негодования и пыталась кричать даже сквозь кляп.

— Надеюсь, твоя узенькая дырочка готова немного расшириться для меня? Я не могу больше ждать. — Я услышала его сумасшедшее сбивчивое дыхание. — Сегодня я возьму тебя в наказание. Для себя. Потерпи, девочка. — Услышав звук расстёгивающейся ширинки, я ощутила, как его большая твёрдость упирается мне в попку.

Я инстинктивно выгнулась ему навстречу. Страх, беспомощность и боль яростным кнутом подстёгивали моё запредельное возбуждение. Ещё чуть-чуть, и он возьмёт меня прямо здесь, в переулке, как какую-то грязную шлюшку. Последняя мысль ярким всполохом пронзила моё сознание, возвращая к реальности, я начала кричать и брыкаться изо всех сил... О, Боже! Как же я могла пасть так низко?!

Кира

Когда на улице ночь и холод пробирается сквозь приоткрытое окно, я открываю свой ноутбук и погружаюсь в тёплое море электронных слов. Они убаюкивают меня своими ритмичными волнами. Когда я погружаюсь в стройный водоворот букв, точек и запятых, то чувствую свободу. Свободу от гнетущего настоящего и от призраков прошлого. Чувствую силу и власть над своей жизнью, полный контроль.

Я не хочу выходить из комнаты. За несколько последних месяцев этот маленький мир стал моей жизнью. Что я готова отдать за него? Бессонную ночь? Сладкий отдых? Именно в эти ночные часы я ощущаю себя настоящей, собой. Чувствую, как виртуальные чернила проникают с экрана внутрь, в моё естество. Они становятся мной, обладают мной. Я готова отдать им себя, ведь именно эти строчки — моя жизнь, они останутся, когда уйду я. Живу этими мгновениями, зная, что они не предадут мою посвященность, они наплодятся, родят ещё, и будут смотреть на меня, как отражение в зеркале. Моё отражение. Моё лицо, моё тело, мой разум. Я пишу себя.

Но кто я? В кого я превратилась? Год назад я была лишь слабой напуганной девочкой, не способной взглянуть в глаза своим страхам. Поэтому мои страхи постепенно взяли надо мной верх, смогли сломить мою волю. Мой демон, мой тиран схватил за горло мою безвольную душу и сжимал до тех пор, пока не кончился кислород. И как раз в тот момент, когда я думала, что бой проигран, что готова сдаться на волю победителя, моя внутренняя тьма взбунтовалась. До этого момента я не знала, что во мне тоже живёт тьма, но он показал мне её. Своими жадными и настойчивыми губами он впился в мою душу и высосал из неё весь свет, не оставив ничего. Будто вампир, страшный в своём одержимом желании обратить меня, он оставил на моей коже слишком много отпечатков своих зубов. И вот теперь, я стала такой же, как он — одержимой жаждой мщения бестией.

Всю свою жизнь я пыталась добиться полного контроля над своей жизнью, однако не знала, что обрету его, даже не выходя из своей комнаты. Хотя так было не всегда. Ещё год назад я не готова была взять на себя ответственность за свою жизнь. А когда мы не можем подчинить что-то, то оно само начинает подчинять нас. Таков вечный баланс борьбы.

Год назад

Я спешила вверх по эскалатору станции метро «Ломоносовский проспект». Двери у выхода из метро никак не хотели выпускать меня. Как всегда, в конце весны было достаточно прохладно. Сильный ветер, казалось, имел личные счёты с моими волосами и неистово прохаживался по ним своими властными порывами. Я немного поёжилась, поплотнее закутавшись в ветровку. В Москве в конце мая всегда довольно зябко, а солнце не спешит радовать теплом. Неприветливые прохожие торопливо проталкивались мимо меня. В основном это были студенты, которые, как и я, спешили в университет. Я уже опаздывала на встречу с деканом, поэтому ускорила темп. Декан нашего факультета, активный мужчина с

просе́дью в волосах, возглавлял преподавательский коллектив уже несколько лет. Я не знала точно, для чего он вызвал меня в разгар сессии. В этом году мне как аспиранту второго года доверили принимать экзамены у студентов третьего курса. Я читала им лекции по английской литературе XIX века в течение года. Группа была небольшая, в основном девушки, но и несколько молодых людей периодически радовали нас своим присутствием. С девушками проблем не было, все готовились и исправно посещали пары, а вот один молодой человек никак не хотел вникать в суть моего предмета, постоянно пропускал занятия, а если и удостоивал нас визитом, то демонстративно спал на задних партах, прячась за чёрными солнцезащитными очками.

Конечно, на экзамене, который я принимала два дня назад, он продемонстрировал полное невежество, и я не без удовольствия отправила парня на пересдачу. А что мне ещё оставалось? Если делать поблажки одному, то и остальные студенты расслабятся. Тем более, он настолько вызывающе вёл себя весь год, что делать ему одолжение не было никакого желания. В роли преподавателя я взглянула на учебный процесс по-другому. Оказалось, что стать крутым, задорным и популярным среди студентов преподом, каким я мечтала быть ещё будучи студенткой, не так-то легко.

Зайдя в нужный корпус, я быстро побежала по лестнице на третий этаж и уже через несколько минут с сильно колотящимся сердцем стучалась в дверь кабинета декана.

— Добрый день! Я к Анатолию Степановичу, — сказала я секретарю, жадно глотая воздух.

Секретарь приветливо улыбнулась мне, и я прошмыгнула в кабинет. До сих пор чувствую себя тут вороватой студенткой.

Анатолий Степанович оживлённо разговаривал по телефону:

— Конечно, конечно! Мы очень его ждём! Студенты будут в восторге! Сегодня в 13:00? Да, мы всё подготовим ко встрече. Да, и вам всего доброго!

Он отключился и с довольным видом посмотрел в мою сторону.

— Присаживайтесь, Кира Петровна, я как раз вас жду, — сказал он, расплываясь в улыбке. Так радушно он меня ещё никогда не встречал.

— Как ваша первая сессия в роли преподавателя? — Он быстро оглядел меня. — Со студентами не всегда просто, особенно когда вы сами не сильно старше их.

Я внутренне сжалась, понимая, как я, должно быть, раскраснелась от быстрой пробежки по лестнице. Этот невольный румянец не добавлял мне преподавательской представительности.

— Спасибо, Анатолий Степанович, с сессией пока справляюсь, — сказала я, пытаюсь выровнять дыхание. — На нашей кафедре студенты достаточно добросовестные, приятно работать.

— Рад, рад слышать! Но, конечно, не без исключений? — Он многозначительно подмигнул. — Я слышал, вы уже успели отправить одного юношу на пересдачу. Строгость — прекрасное качество, без неё, к сожалению, мы не сможем воспитать юное поколение, однако не лучше ли сначала использовать пряник, а уже потом кнут? Уж поверьте моему опыту. Тем более что молодой человек, как мне рассказывали, подаёт надежды, верно?

— Какой молодой человек? — удивилась я. Я не помнила, чтобы отправляла на пересдачу кого-то ещё, кроме того хамского парня.

— Преображенский, конечно же. Виктор. Я слышал о нём много положительного от

самого ректора. — Анатолий Степанович расплылся в своей самой слащавой улыбке.

— Вы, наверное, что-то путаете. — Я задумчиво закусила губу. — Он прогульщик и бездарь, почти не ходил на лекции. Вот, у меня тут есть журнал посещаемости, сами посмотрите. — Я начала растерянно рыться в сумочке, думая, что такого уникального я могла упустить в этом Викторе.

— Послушайте, Кира. — Анатолий Степанович убрал с лица дурацкую улыбку, снял очки и потёр переносицу. — Виктор очень одарённый молодой человек, племянник профессора Преображенского, автора нескольких учебников по истории и методологии языкознания. Вы, наверное, просто его не разглядели.

Я вспыхнула, начиная понимать, к чему он клонит. Предательский румянец стал только ярче. Я потупилась, но не хотела так просто сдаваться.

— Если он такой одарённый, то пусть придёт на пересдачу и ответит хотя бы на один вопрос! — тихо, но чётко сказала я, разглядывая свои пальцы. Не могла поднять глаза на декана. Мне было неудобно и противно.

— Вот как мы с вами поступим. — Декан сделал вид, что не расслышал меня. — Вы поставите ему четвёрку, и он к осени сдаст письменную работу по вашему предмету.

— Работу он, конечно же, напишет сам? — Я не могла удержаться от усмешки.

— Кира, вам нравится работать в нашем дружном коллективе? — В его тоне не осталось дружелюбия. Он медленно выдвинул ящик стола и достал какую-то папку. — А то у нас тут много соискателей на вашу должность. Вот, сами посмотрите. — Он разложил передо мной несколько десятков резюме и отошёл к окну.

Я ещё в студенческие времена заметила эту его любовь к театральности — декан задавал каверзный вопрос и отходил в сторону, оставляя человека наедине с проблемой. Какая деликатность! Повисла пауза, отчего движение секундной стрелки на часах в тишине казалось оглушительным.

— Мне нравится тут работать. — Я не смотрела на лица людей с фотографий, ненавидя всю эту комнату с доской его достижений, дурацкими картинами и хрустальной фигуркой совы — подарком какого-то успешного выпускника, участника игры «Что? Где? Когда?».

— Значит, мы поняли друг друга? — Анатолий Степанович вернулся на место и вновь надел очки. Одним движением он убрал талантливых соискателей на место, запирая их в своём столе. Потом посмотрел на меня и продолжил:

— Сегодня в 15:00 Виктор придёт на кафедру со своей зачёткой. Подождите его.

Не говоря ни слова, я выбежала из кабинета. Сейчас было 12:40. Мне нужно ждать этого придурка ещё два часа! Я была вне себя от негодования. Какая несправедливость! Мои губы были плотно сжаты, я быстро шла по коридору, размахивая руками. Внутри себя я проигрывала возможные варианты ответов декану, колкие фразы, которыми нужно было бросить в него. Один вариант лучше другого! Какая же я мягкотелая и безвольная! всю жизнь мне приходилось иметь дело с мажорами, которые вытирали об меня ноги, а я даже ничего не могла возразить.

От злости мне захотелось выкурить сигарету, хотя последние несколько месяцев я успешно боролась с этой дурной привычкой, появившейся у меня ещё в подростковом возрасте. Я решила купить сигареты, и, конечно же, у меня потребовали паспорт. Его у меня не было, и я предложила преподавательское удостоверение. Но парень продавец только развёл руками — мол, не положено. Я выглядела очень молодо, особенно без косметики, и в

кроссовках вполне могла сойти за незадачливую старшеклассницу. Прекрасно! Мой день становился всё более чудесным. Я решила пойти в укромную курилку для преподавателей — она находилась в закутке, во внутреннем дворе нашего кампуса.

Придя туда, я угостилась сигареткой у знакомого с исторической кафедры. Он ушёл, а я осталась в одиночестве, надела наушники и стала придумывать пост, который опубликую в своём блоге в «Лайв Джорнал». Я вела блог уже пять лет, и последнее время он становился достаточно популярным. Я всегда обожала литературу, находила в писательстве отдушину. Хоть и не верила, что когда-то смогу стать известным автором, поэтому блог вела скорее для себя.

Приехав в Москву шесть лет назад, я была так одинока, а книги и литература всегда помогали мне пережить тяжёлые времена. Это была моя вторая личность, свободная и остроумная, вольная и гибкая. И, конечно же, защищённая вымышленным именем. Она могла говорить, и никто не имел права её заткнуть. Начинала я с остроумных заметок о Москве, об организме города, о его мышцах и артериях, скелете и мозге. И о нас — микроскопических клетках, из которых состояло это могучее тело. Мы рождались, жили и умирали в нем, встраиваясь в ткани этого монстра, а он даже и не замечал нас, переваривая и выплёвывая отработанные части. На место отработанных уже спешили новые, стекаясь к сердцу города с площади трёх вокзалов.

Я не любила современных авторов, предпочитая им проверенных временем. Мёртвые писатели стали моими друзьями ещё со школьных времён. Именно они помогли мне вырваться из своего маленького города и поступить в столичный вуз. Они были моими старыми боевыми товарищами, проверенными и удобными. Приятно знать, что ты обладаешь всей полнотой творений автора, можешь изучить его, углубиться в него. Он никогда не преподнесёт тебе неприятных сюрпризов — он ведь уже умер. Я любила изучать не только их творчество, но и жизнь. Творчество не может быть правильно понято без контекста жизни.

Я вспоминала своих любимых писателей и предвкушала, кого из них прочитаю, когда вернусь сегодня домой, когда внезапно ощутила, что кто-то находится рядом со мной. От энергетики этого человека по моей голове пробежались мурашки.

Я открыла глаза и увидела напротив себя мужчину. Он был интересный, ничего не скажешь. Весь вид его источал некую бунтарскую небрежность. Мне сразу бросились в глаза причудливые завитки татуировок, которые подобно рукавам покрывали его крепкие руки. Волосы у этого мужчины были тёмными и взъерошенными. Они спускались на лицо, создавая яркий контраст с острыми серыми глазами. Я поёжилась под его оценивающим взглядом и стала с преувеличенным интересом изучать собственные ладони. Я не смогла рассмотреть его подробно, так как привитое с детства правило не пялиться на незнакомых людей так плотно укоренилось в моём подсознании, что при встрече взглядом с незнакомыми людьми, особенно с привлекательными, я сразу опускала глаза. Я лишь успела отметить его строгий тяжёлый взгляд, блуждающий по мне. Мне вдруг стало неудобно, мои щёки предательски вспыхнули, и я поёрзала на скамейке, пытаясь принять нарочито расслабленную позу.

Однако мужчина явно игнорировал правила этикета и продолжал нагло рассматривать меня, цепко и остро. Почему-то мне всегда казалось, что если незнакомые люди рассматривают меня, то это значит, что в моём внешнем виде что-то не так. Я постаралась

припомнить, в каком состоянии пребывали мои волосы и не застряло ли что-то в зубах.

Я осмелилась ещё раз посмотреть на мужчину. Он что-то говорил мне, а я, конечно же, не слышала его из-за наушников. Я сняла наушники и сказала:

— Извините, не расслышала вас. — Мой голос прозвучал как-то неестественно высоко, поэтому я откашлялась.

— Я говорю, не рано ли тебе курить, девочка? Тебе сколько лет? — проговорил мужчина хрипловатым голосом.

Я подняла на него глаза и отметила лёгкую усмешку на его тонких губах. Он как-то косо скривил их, и непонятно было, что это значит — издевку, веселье или агрессию.

— Мне есть восемнадцать, — пробурчала я. Как же все достали сегодня моим возрастом! Декан, с его покровительственными вопросами, продавец сигарет, а теперь ещё и этот тип. — Я вообще-то преподаю в этом университете, — зачем-то добавила я и, сказав это, сразу поняла, как по-детски это, должно быть, прозвучало. Будто я кичусь своей должностью.

— Серьёзно? — Он поднял брови в притворном изумлении. — Крутая у тебя, должно быть, работа! Важная! — Он затянулся сигаретой. — А почему тогда выглядишь, как мелкая школьница?

Я смутилась и потупила взгляд. Спорить было бесполезно, особенно сегодня, когда моя одежда не отличалась элегантностью.

— Смешно представить, как ты там пищишь своим студентам, стоя у доски в большой аудитории. Наверное, никто с задних парт и разобрать не может твоей болтовни. — Он расплылся в улыбке, как будто сделал мне комплимент. Я заметила, что в уголках его глаз появлялась лёгкая паутинка морщинок, когда он улыбался. Он был явно старше, чем обычные студенты, но на преподавателя он был тоже не похож. Интересно, что он тут забыл?

Я делала вид, что его тут нет, продолжая разглядывать ногти, и только дурацкий румянец выдавал мои чувства.

— Я вообще считаю, что ошибкой человечества было допустить женщин к наукам, а тем более разрешить им преподавать, — небрежно продолжал мой новый знакомый. — От этого все демографические проблемы, упадок в Европе, который скоро придёт и к нам. — Он смачно плюнул на землю.

Выкинув окурочок под ноги, мужчина продолжил:

— Как там говорят? «Лучшее для женщины — быть босой, беременной и на кухне»? Хотя лично мне больше нравится вариант, если она босая и в моей постели. — Сказав это, незнакомец пошло подмигнул мне, будто намекал на более интимное продолжение нашего знакомства.

Меня прямо захлестнуло негодование. Я сжала кулаки, поднялась и бросила в него недокуренной сигаретой.

— Знаешь, что мне было бы интересно? — гневно сказала я. — Посмотреть, что такой неотёсанный мужлан, как ты, говорил бы, стоя за кафедрой в аудитории! Уверена, ты настолько тупой, что и двух слов связать не сможешь! Чёртов сексист!

Я круто развернулась, успев заметить, как его губы сжимаются в тонкую линию, а брови стремительно сдвигаются к переносице.

Не дожидаясь, пока он опомнится, я бросилась ко входу в соседний корпус

университета, весьма довольная собой. Я улыбалась себе, пока обдумывала свои слова. Этот идиот, с его рваными джинсами и татухами, вряд ли обладал хотя бы подобием интеллекта!

Я шла по коридорам, мысленно продолжая нашу перепалку. Пока я придумывала ещё сто и один способ унизить высокомерного засранца, мне навстречу хлынул поток студентов. Они взволнованно и с энтузиазмом обсуждали что-то. Девушки хихикали и игриво бросали взгляды то в одну, то в другую сторону, как будто высматривали кого-то в толпе. Наверное, мероприятие какое-то? Я увидела знакомую преподавателя с кафедры русской филологии.

— Анна Павловна, добрый день! Что тут у вас творится? — Я оглядела коридор и человек сто студентов, толпившихся около входа в актовый зал. Большинство из них были хихикающие девушки, весело толкавшие друг друга в бок.

— Кира, добрый день! У нас тут помешательство! — улыбнулась преподаватель. — Сегодня в нашем университете даёт лекцию популярный писатель Кирилл Миронов. Знаете такого?

— Анна Павловна, я не особенно увлекаюсь современной прозой. — Я озадаченно почесала висок. — Не думала, что наши студенты так хорошо разбираются в современных русских авторах. Почему такой ажиотаж? — Я окинула взглядом коридор.

— Ах, Кирочка, я думаю, что любовь к литературе тут не на первом месте! — Анна Павловна вздохнула. — Дело в том, что этот писатель достаточно популярен в светской тусовке. Он эксцентричен и даже эпатажен. Привлекает внимание к своей персоне всеми возможными способами, что, конечно же, положительно сказывается на продажах его книг. Если у вас есть время, можете пойти со мной, послушать кумира молодёжи. У меня лишний билет в первом ряду.

Я посмотрела на часы. Оставалось ещё чуть больше часа свободного времени.

— С удовольствием, Анна Павловна, составлю вам компанию, — сказала я с улыбкой. Ну что ж, оценю современное искусство.

Мы зашли в зал, уже битком набитый людьми. Это был просторный актовый зал, недавно отремонтированный. Его использовали для различных массовых мероприятий. Я проследовала за своей знакомой к нашим местам в первом ряду. Погас свет, и шёпот сотен голосов стих. Я думала о том, каким образом этому модному писателю удалось собрать тут столько людей. Он не известный актёр, не певец, не телеведущий. Почему стольким молодым девушкам не терпится на него посмотреть? Я начала немного переживать, что моё место было на первом ряду. Ведь прямо во время его лекции мне придётся уйти, так как нужно встретиться с этим Преображенским, поставить ему оценку и забыть уже об этой неловкой ситуации.

Погружённая в свои мысли, я перевела взгляд на сцену и увидела мужчину, выходящего под бурные аплодисменты. Внутри всё похолодело, а сердце забилося так отчаянно, будто я пробежала марафон, в тот момент, когда я разглядела уже знакомые рваные джинсы, небрежную футболку и руки в татуировках. Это был он, сексист из курилки.

Кирилл

Последнее время всё чаще думаю о нерациональности своей жизни. Конечно, какая может быть последовательность и рациональность в моём творчестве, когда оно, являясь единственным смыслом моей жизни, схватило меня за самое горло. Так крепко, что порой не вздохнуть. Оно диктует мне, как я должен поступать, вынуждая на отчаянные действия.

Периодически так хочется вырваться из этого яростного захвата и вздохнуть полной грудью, взять под контроль свою жизнь. Ведь так и должны поступать настоящие мужчины. Но я не мужчина, я — писатель.

Я сидел в небольшой комнате, которая, видимо, выполняла роль гримёрки в актовом зале университета. Я так давно не возвращался в родную альма-матер. Прошло уже лет пятнадцать с того момента, как я со скандалом ушёл из этого опостылевшего «дома знаний». Классическое образование с его напыщенными лицемерными преподавателями было мне противно. До сих пор помню, как мой научный руководитель орёт мне в спину: «Ты никто! А без диплома ты так и останешься никем!» Мне нравилось разрушать чужие планы. Я знал, что талантлив, но, по всей видимости, мне всегда не хватало немного лизоблюдства, чтобы закрепиться в обществе.

Каково же было моё удивление, когда мой агент позвонила мне месяц назад и озвучила предложение ректора дать лекцию студентам. «Нашим студентам будет очень интересно послушать молодого талантливого писателя, который когда-то учился в стенах нашего вуза. Я уверен, вы их вдохновите.» — передала мне слова Его Святейшества ректора МГУ Алина мой агент.

Я сначала отказался, но по мере того как извращённая литературная хватка стала всё крепче сдавливать горло, я решил согласиться. Конечно же, я пришёл сюда не вдохновлять молодых и задорных студентов. Я преследую свои цели. Или цели преследуют меня.

Я посмотрел на себя в зеркало. Когда я думал о предстоящей работе, на моём лице возникало какое-то нездоровое маниакальное выражение. Руки стиснуты в замок до побелевших костяшек, губы плотно сжаты в тонкую линию, на скулах играют желваки. Чёрт, иногда я сам себя боюсь.

Порой мне кажется, что я схожу с ума. Каждый человек хоть раз в жизни задаётся этим вопросом: «Всё ли со мной в порядке?». Но, откровенно говоря, мне похер. Я уже давно переступил все возможные рамки, и останавливаться теперь не собираюсь. Если цена моему таланту — психическая невменяемость, то я уже сполна заплатил по этому счёту. Не я первый, не я последний. Когда-то давно я взглянул в свою бездну, и когда она посмотрела в ответ, то поглотила меня целиком, без остатка.

Я провёл рукой по лицу и попытался выкинуть из головы непрошенные размышления. Уметь абстрагироваться, иметь дом для мыслей с множеством комнат, чуланов и даже подвалом, где можно расчленить и спрятать труп — вот оплот творца. Нужно всего лишь взять свои сопротивляющиеся мысли за волосы, протащить их по коридору памяти в заранее заготовленную тёмную комнатку без окон, бросить на диван, а потом быстро выйти и захлопнуть дверь. Закрыть на ключ и уйти.

До начала лекции оставалось примерно полчаса, я решил выйти покурить. Я вышел через запасной ход, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Ещё со студенческих времён я знал одно укромное место и решил пойти именно туда, надеясь, что там я буду один — хотел сосредоточиться. Но я ошибся. Там сидела какая-то девчонка. Её глаза были закрыты, в ушах — наушники. Русые волосы в беспорядке, как будто она только что пришла с урока физкультуры. Робкие лучики майского солнца освещали её белое, нет, даже бледное лицо. Кожа казалась очень тонкой и нежной. Интересно, она везде такая бледная? Мне хочется представить, как лёгких румянец трогает эти фарфоровые щёчки в ответ на моё прикосновение. Да, сосредоточиться эта картинка не помогает.

Я продолжаю наблюдать за девочкой. Она сидит в расслабленной позе, прислонившись к стене. Контраст с бордовым кирпичом за её спиной делает её неестественно светлой, даже сероватой. Она будто девушка со старинной картины, фон которой уже немного потрескался и потемнел, а краска поблёкла. Из-за этого контраста бледно-серое лицо кажется слишком ярким, и ещё оттого более притягательным.

Тут моя незнакомка затягивается сигаретой. От этого прозаичного действия весь образ рушится. Невесомая невинность дамы с картины испаряется, и теперь я вижу в ней лишь очередную простушку в кроссовках и джинсах. Меня начинает раздражать её глупая мечтательность, хочется вернуть её на землю так же резко, как и она только что оборвала моё минутное любование.

Я решаю испытать её терпение. Не особенно напрягаюсь, чтобы выдумать что-то изощрённое, просто бью словами наугад. Что в наши дни может безотказно вывести из себя девушку? Конечно, посягательство на святая святых — женское достоинство, феминизм и прочую херню.

Мне было приятно смотреть, как покорно она выслушивает мои колкости. Покорность весьма необычна для современного молодняка. Захотелось во чтобы то ни стало исследовать её лимиты. Как далеко я могу зайти, чтобы ей стало невыносимо? Во чтобы то ни стало, мне нужно получить хоть какую-то ответную реакцию! По истине, виктимное поведение женщин само притягивает агрессоров.

С любопытством трёхлетнего ребёнка я пытался дойти до грани, у которой мне скажут: «Всё, дальше нельзя». Так где же она, эта грань? Я её нащупал, когда выдал откровенную пошлость. Тогда моя незнакомка вспыхнула, открыла свой бледно-розовый ротик и поставила меня на место. Как она думала. Да, малышка, это было забавно. Меня одновременно развеселила и взбесила эта её несколько театральная выходка с сигаретой. Конечно же, она тут же решила сбежать от меня. Ещё одна ошибка неопытных зверят — пытаться убежать от хищника. Побег жертвы рождает непреодолимый азарт погони. Но сегодня ей повезло, я не буду преследовать её.

Ухмыляясь, я потушил сигарету и неторопливо вернулся в свою душную гримёрку. Там меня уже дожидалась Алина. Пришла проверить, готов ли к своему номеру её цирковой конь. Мой агент — единственная женщина, чьё присутствие в своей жизни я могу терпеть.

— Кирилл, ты готов? — спрашивает она, не отрываясь от экрана своего смартфона.

— Конечно, босс. — делаю особенное ударение на последнем слове.

— Слушай, давай в этот раз без глупостей. Помнишь прошлое интервью на первом канале? Вот так делать не надо! Всем будет лучше, если ты будешь вести себя хорошо.

Помнишь, что говорил декан? Давай без матерщины и пошлостей, ладно? — она оторвалась от телефона и требовательно посмотрела на меня поверх своих очков. Потом оглядела с ног до головы и поджала губы. — Я же тебе говорила, не надевай эти джинсы с дырками! У тебя что, нет денег на приличную одежду?!

— К службе на благо отечества готов! — я прикладываю открытую ладонь к виску, будто отдаю честь.

— Это важный шаг в твоей карьере, Кирилл. Признание научным сообществом твоих заслуг на литературном поприще очень важно. Было бы здорово, если бы тебя позвали преподавать в этот университет. Это придаст твоей заднице серьёзности. Возможно, твоё творчество даже включат в учебную программу. Там, глядишь, и до Букеровской премии недалеко. — Она заговорщически подмигивает.

Я знаю, она пытается манипулировать моим писательским эго. Не виню её. Со мной бывает непросто.

Алина уходит, оставляя меня одного. Я последний раз смотрю в зеркало и улыбаюсь своему отражению, пытаюсь запомнить, с какой улыбкой я выгляжу располагающе, а с какой больше напоминаю маньяка на первом свидании с жертвой. Выбираю нечто среднее и выхожу на сцену. Пошёл себя продавать.

Я уже не первый раз на сцене, поэтому не чувствую себя скованно. Я могу расположить к себе аудиторию, периодически вставляя относительно безобидные шутки в свою лекцию по современной литературе. Даже не будь я харизматичным скандально известным автором, бедным студентам всё равно было бы интересно. Они так привыкли томиться в душных аудиториях, внемля старым занудным хрычам, бубнящим себе под нос скучный бред о мёртвых писателях. А в моём творчестве жизнь бьёт ключом. Пусть и неприглядная, но завораживающая своей откровенностью жизнь. Моё творчество — словно проститутка, которая до поры до времени прикидывается девственницей. Стыдливо прячется и прикрывается, пока ты не срываешь с неё остатки одежды и не проникаешь в её плоть, чтобы ощупывать, исследовать этот невыразимый жар, скрытый внутри. Тогда шлюха раскрывается и уже сама начинает умело засасывать тебя. Тебе одновременно противно и любопытно. Когда любопытство перевешивает, ты уже не можешь оторваться от этой порочной плоти, желая всё глубже и глубже проникать в неё, познавать каждый сантиметр кожи, раскрыть каждую тайну. Однозначно мои книги как ненасытная шлюха: однажды попробовав, уже не хочешь возвращаться к скромным авторам, которые так заводили тебя ещё недавно.

Моя лекция подходит к концу. Нахожу глазами Алину. Она улыбается довольной улыбкой. Улыбаюсь ей в ответ: «Вот видишь, я был хорошим мальчиком, я сдержался.» — мысленно говорю ей.

Заканчиваю выступление под бурные овации. Встаёт декан, произносит приторную речь и предлагает перейти к «Вопросам и ответам».

Оглядываю аудиторию. Студенты возбуждены и явно заинтересованы. Один молодой человек с копной чёрных волос встаёт и задаёт свой вопрос:

— Литературные критики называют вас новатором. Скажите, что вы подразумеваете под жанром «брутальный реализм», изобретение которого вам приписывают журналисты?

— Брутальный от английского слова «brutal», что значит «зверский, жестокий, отвратительный». Мне кажется, слова «брутальный» и «жизнь» — синонимы, так как наша реальность часто ставит нас в коленно-локтевую позу и объезжает до изнеможения и боли в

затёкших конечностях. Если говорить о реализме, то да, я могу писать лишь о том, что пережил сам. Для меня это единственная реальность.

Паренёк садится. Встаёт девушка и, заливаясь краской, выпаливает:

— Ваши романы содержат много жестокости и злости. Вы так видите мир?

— Правда в том, что творчество — это боль. Слова — это боль. Они проникают в тебя и живут своей жизнью. А ты просто стараешься не шевелиться, пока они берут контроль над твоей личностью. В итоге уже не ты у руля. Ты — пассажир своего тела, безвольный и обречённый на долгое странствие. Твой корабль несётся по волнам слов, а ты только молишься, чтобы он не разбился о скалы.

Следующий вопрос от милашки в третьем ряду:

— Ваш второй роман «Ревность» вышел год назад. Скажите, скоро ли мир увидит вашу новую работу? О чём будет этот роман?

— Я думаю, что очень скоро вы сможете его прочитать. Пока не могу сказать больше. Тайнство творчества... — я многозначительно подмигиваю ей.

Милашка садится, немного недовольная отсутствием подробностей.

Блондинка из середины зала задаёт вопрос с места:

— В чём вы черпаете вдохновение?

— В алкоголе и женщинах. Я вдохновляюсь многоликостью жизни. Вдохновение — опасная тварь, которая любит адреналин и дурную компанию.

Наслаждаюсь тем, как блондинка смущённо отводит взгляд.

Парень откуда-то сбоку тянет руку:

— Кто ваш любимый писатель?

— Это всё равно что спросить у меломана «какая твоя любимая музыка?». Керуак, Миллер, Буковски... Вам огласить весь список?

Он продолжает, видимо, не удовлетворившись моим ответом:

— Дайте совет начинающим авторам. С чего начать, о чём писать?

— Если вы не знаете, о чём писать, то не могу вам помочь. А совет дам: лучше не пишите. Это может поглотить вас. Если вы ещё хотите жить своей жизнью, беззаботной и простой, то не вступайте на этот путь.

Взрослая женщина, видимо, преподаватель тоже решает взять слово:

— Вы признавались, что сами испытали многое из того, через что проходят главные герои ваших романов. Скажите, считаете ли вы опыт писательства сродни актёрскому опыту. Вы примеряете на себя маски разных людей?

— Актёры ничего не создают, они лишь воплощают в жизнь те образы, которые создали для них писатели. Писатель как бог, он истинный творец жизни.

Следующий вопрос прозвучал от хмурой брюнетки в середине зала. Она даже не потрудилась встать:

— Герои ваших романов не очень хорошо относятся к женщинам. Разделяете ли вы сами подобное потребительское отношение в реальной жизни?

— Лучше спросите об этом у моих бывших. Я уважаю выбор женщин и не делаю ничего, что они сами не разрешают мне делать с ними. — я гадко ухмыляюсь в лицо брюнетки.

В зале слышатся сдавленные смешки. Ловлю недовольный взгляд декана. Старый пердун, для тебя это слишком? Ну что же, ты сам меня сюда пригласил. Мысленно показываю ему средний палец. Уже хочу перейти к следующему вопросу, скольжу взглядом по аудитории и тут вижу её. Мелкая сидит в первом ряду и вжимает голову в плечи.

Наверное, хочет казаться незаметной. Но теперь я её замечаю. Бледное лицо в темноте. Моя луна в ночи.

— Если говорить о выборе женщин, — решаю продолжить ответ на последний вопрос — то сразу могу сказать: какого чёрта? Никакой логики нет и не может быть в их действиях. Если вы хотите управлять женщиной, то никогда не пытайтесь воздействовать на неё с позиции здравого смысла. Это бесполезно. — я говорю всё это и смотрю только на неё, не отводя взгляда, даже не мигая. — Женщина может ненавидеть вас всем разумом и одновременно хотеть всем телом. Воздействовать нужно на её эмоции и чувства — именно они в итоге всегда одерживают верх в её внутреннем споре. И женщины, конечно, не виноваты. Сама природа наградила их этим защитным механизмом. Главная цель женщины, биологическая установка, если хотите, — продолжить род. Для этого нужно выбрать самца, который сможет защитить её, быть сильнее неё, подчинить если нужно. И как только женщина встречает такого самца, инстинкты берут верх над разумом. Он гипнотизирует её, не даёт убежать. — я продолжаю неотрывно смотреть на неё. Некоторые люди в аудитории замечают мой интерес и начинают поворачиваться и искать объект моего внимания. — Но, если вы не альфа-самец, то всегда можете просто заплатить. Женщинам это тоже придётся по вкусу. — я ехидно усмехаюсь в лицо мелкой.

До этой фразы она как замороженная смотрела на меня, а теперь часто заморгала, покраснела и опустила взгляд. Чары спали. Я продолжаю:

— Мужчины хотят покорности, а уж каким именно способом они её добьются, каждый выбирает сам.

Вспоминаю репетицию перед зеркалом в гримёрке и решаю, что маниакальная усмешка сейчас как раз подходит для завершения образа. Но моя маленькая Луна не смотрит на меня. Она встаёт, поворачивается ко мне спиной и направляется к выходу. Какого чёрта? Убегаешь от меня уже во второй раз? Я ещё с тобой не закончил!

— К сожалению, не все женщины разделяют мои предпочтения. Вот видите, девушка, наверное, испугалась и решила спастись бегством. — говорю я.

Теперь взгляды всех в зале прикованы к моей незнакомке. Слышатся смешки, и весёлый шёпот. Специально выдерживаю паузу, чтобы не только я мог насладиться её капитуляцией. Но в этот раз она так просто от меня не уйдёт, я разыщу эту девчонку. Хищник вышел на охоту.

Кира

Поспешно покидая актовый зал, я пытаюсь унять рвущееся наружу сердце. О, Боже! Что это было?!

Оказываюсь в тишине пустого коридора. Мне кажется, что неистовый стук сердца о грудную клетку разносится по помещению будто удары набата. Пытаюсь перевести дыхание, рассеяно бреду в сторону выхода. Каждый шаг даётся мне с трудом. Ноги стали ватными и непослушными.

Мне срочно нужно оказаться наедине с собой. Больше всего хочется забиться под одеяло и больше никогда оттуда не вылезать. Как я теперь смогу смотреть в глаза собственным студентам, которые стали свидетелями моего эпичного унижения?

К сожалению, не могу всё бросить и отправиться домой. Ведь мне ещё нужно поставить незаслуженную оценку тому нагловатому студенту.

Выхожу из главного корпуса и направляюсь в сторону нашей кафедры. Взяв ключ от свободной аудитории на вахте, быстро бегу по лестнице на третий этаж. Молодой человек уже ждёт меня возле кафедры.

— Добрый день, Виктор. — поджав губы говорю я.

— Добрый, Кира Петровна. — бросает парень, довольно ухмыляясь.

Мы заходим в помещение, и я бросаю свои вещи на преподавательский стол. Парень садится напротив. Он достаёт зачётку и протягивает мне. Беру её и, повернувшись к нему спиной, облакачиваюсь на стол.

Прошлый раз в его зачётке не было ни одной оценки. Но сейчас я изумлённо ахаю, увидев пятёрки и четвёрки по всем экзаменам в сессии. Какого чёрта? Неужели ему удалось сдать все остальные предметы?

Поспешно ставлю свою оценку и возвращаю ему зачётку.

— Ну вот. — лениво тянет слова Виктор. — Это было не так уж сложно?

— Что, простите? — чувствую, как мои щёки покрываются румянцем.

— Говорю, приятно иметь с вами дело. — парень расплывается в противной ухмылке. — Надеюсь, в следующем году, у нас больше не возникнет таких недоразумений.

Вскипаю от гнева! Да кем он себя возомнил!?

— Надеюсь, что в следующем году ты вынешь голову из задницы и сможешь ответить хотя бы на один вопрос! — заявляю я.

С удовлетворением наблюдаю, как его лицо вытягивается. Как же меня достали наглые хамы, которые думают, что им всё можно!

— Сдай ключ на вахту. — кидаю на стол ключ. — У тебя на это, хотя бы, хватит мозгов? — не дождавшись ответа, гордо покидаю аудиторию.

Придя домой, я хожу из стороны в сторону, не зная, чем себя занять. Какое-то смутное беспокойство продолжает терзать меня. Образ развязанного писателя снова и снова возникает в голове. Когда волосы падали ему на лицо, он запускал в них руку и небрежным жестом забрасывал их назад. От этого, казалось бы, обиденного жеста всё внутри сладко сжималось. Мне почему-то тоже хотелось дотронуться до них... Пыталась рассмотреть

узоры его причудливых татуировок на крепких руках. Интересно, зачем он их сделал?

Продолжая думать об этом странном и пугающем человеке, я ложусь в кровать. Сон никак не идёт, и я долго вожусь под одеялом, пытаюсь выкинуть из головы его привлекательное лицо, жёсткую усмешку, холодные серые глаза...

Я снова бегу сквозь зелёные заросли. Все мои мысли сейчас лишь о том, как скрыться от опасности, от льва, который гонится за мной по пятам. Всё вокруг зелёное, будто это видео, снятое с фильтром из инстаграм. Постепенно становлюсь всё меньше и меньше, ноги вязнут в густой растительности. Почему мне никогда не удаётся убежать? Совершая отчаянную попытку вырвать запутавшиеся ноги, падаю и понимаю, что лев сейчас прыгнет на меня сзади. Оборачиваюсь и зажимаюсь перед его прыжком. Он догнал меня, как и всегда. Я просыпаюсь.

Этот сон я вижу периодически, начиная с двенадцати лет. Уже в мельчайших подробностях знаю, как и что должно в нём произойти, но чувство страха никогда не покидает меня. Беру смартфон и смотрю на время. Сейчас 5.50 утра. Ложусь обратно, но знаю, что сон больше не придёт. Почему я увидела этот сон сегодня? Конечно же, виной тому моё небольшое приключение с нахальным писателем. Теперь я его именно так и называю его про себя — «писатель». Странно, но, при всей моей любви к литературе, по отношению к нему это слово звучит скорее, как ругательство.

Я вспоминаю вчерашний день, и мурашки покрывают моё тело. Какой позор! Нужно было сразу покинуть лекцию, как только я его узнала. Тогда я не дала бы ему возможности прилюдно унижить меня перед моими же студентами. Но как только увидела его, предательское любопытство будто пригвоздило меня к месту. В его речи было что-то гипнотическое, завораживающее. Да, он умел увлечь публику. Словно опытный фокусник, он с помощью слов заставлял мои внутренности сжиматься от предвкушения, жаждать разгадки и ни на минуту не отпускал внимание от своей персоны. Старалась вжаться поглубже в кресло и быть незаметной, опускала лицо ниже, разглядывая ладони, чтобы его острый взгляд не смог уцепиться за меня. Но эти ухищрения не помогли. Он всё равно разглядел меня и с самодовольной усмешкой продолжил унижать, как будто мы и не уходили из курилки. Что ж, пусть радуется — он добился своего, а я сбежала, трусливо поджав хвост. Во второй раз.

Как он посмел так со мной обращаться? Чем я так привлекла его внимание? Мне казалось, будто по моей душе проехался целый состав гружёного товарняка. Единственным утешением было то, что я больше никогда не увижу этого хамского типа.

На душе было гадко, и я решила заняться единственным делом, которое могло принести хоть немного облегчения — своим блогом. Сама я себя писателем не считала. Это слово было слишком претенциозным. Думать о себе «блогер» мне казалось куда скромнее и компромисснее. Там, на просторах сети, я могла быть кем угодно. Изливать душу и чувства, не опасаясь последствий. Это было подобно игре, в которой каждый ребёнок может примерить разные роли: сегодня ты волк, завтра — овца, когда-то — отец большого семейства, в другой раз — капитан пиратского корабля. И когда тебе надоедает игра, ты просто говоришь всем, что мама зовёт домой, и выключаешь компьютер.

Я усердно работаю, не замечая, как быстро летит время. Постепенно тревожные мысли покидают меня, и я полностью отдаюсь творчеству. Почему «писатель» говорил, что слова

— это боль? Писательство всегда исцеляло мою душу, поэтому я никак не могла согласиться с его мрачным восприятием самого приятного для меня процесса.

Полностью сосредоточенная, не сразу слышу, как звонит телефон. Растерянно смотрю на входящий звонок и вижу номер декана. Ну что ещё ему нужно? Теперь попросит поставить Преображенскому пятёрку?

— Да, Анатолий Степанович, я вас слушаю?

— Кирочка, доброе утро! — декан в прекрасном настроении. — Я видел вас на вчерашней лекции. Вам понравилось выступление Миронова?

— Ну... было интересно... — лепечу я, краснея. Но декан продолжает, не обращая внимания на моё замешательство:

— Вы знаете, у нас чудесная новость! Миронов согласился преподавать на нашей кафедре! Я даже не надеялся на такую удачу! У нас как раз нехватка преподавателей для курсов «Creative writing», а агент Миронова сегодня подтвердила его готовность занять эту позицию. Как прекрасно! Молодой и, что главное, успешный автор привлечёт множество студентов, поднимет престиж нашей кафедры. Конечно же, не то, чтобы мы нуждались в этом, но, как говорится, нет предела совершенству. Многие известные люди, деятели науки и искусства, преподавали на моей кафедре. Теперь вот и Миронов пополнит их ряды. — говорит декан с гордостью коллекционера, ставящего на полку очередной редкий экземпляр.

— Ммм... да, звучит интересно. — соглашаюсь я.

— Да, Кирочка, я вам очень обязан! Спасибо огромное! Я никогда не забуду ваш вклад в развитие нашей кафедры! — льёт елей мне в уши декан.

— Не за что, Анатолий Степанович. — О чём он говорит? Опять об этом Преображенском? Он так рад, что я поставила оценку этому бездарю? Мне казалось, он уже забыл об этом инциденте из-за своего нового успешного приобретения.

— Так когда мы сможем наконец встретиться и обсудить учебную программу, зарплату и утрясти все формальности?

— С кем встретиться? — теперь я вообще ничего не понимаю.

— С Мироновым, конечно! — декан нетерпеливо продолжает, — Вы же сами его уговорили на эту работу. Мне сегодня всё рассказал его агент, не нужно скромничать, Кира. Я вам очень признателен.

— Я что сделала? — хорошо, что мы говорим по телефону, и он не видит ужас в моих округлившись глазах.

— В общем, Кира, я жду вас, как ассистента Миронова сегодня днём на кафедре. Он тоже придёт, и мы все вместе обсудим стратегию развития нового направления в учебной программе.

Я села обратно на стул. Голова идёт кругом, я ничего не понимаю. Что ОН задумал?..

— Я...я сегодня никак не могу! Я... эээ... я должна проверить экзаменационные работы третьего курса. — понимаю, как глупо это звучит, но это единственная отговорка, которая пришла мне на ум. — дайте ему другого ассистента. Я уверена, многие будут рады.

— Я уже предлагал ему других, более опытных, не обижайтесь, Кира. Но он согласился только при условии, что это будете именно вы. Сказал, что вы — старые знакомые. Уж мне, Кира, вы могли бы рассказать о вашем знакомстве, ни к чему скромничать. Откуда вы его знаете? — декан переходит на заговорщический шёпот.

— Он — мой дальний родственник, дядя моего двоюродного брата, седьмая вода, как говорится. — Что за бред я несусь? Я встаю и начинаю ходить из стороны в сторону. — я его с

детства знаю. — молчание декана в трубке заставляет меня придумывать небылицу дальше. Не могу же я рассказать ему, как послала его драгоценного автора в курилке? — Я его в детстве называла «дядя Кирилл», — О, боже! Надеюсь ему хотя бы больше тридцати лет, иначе весь этот бред о родстве даже отдалённо на правду не похож. — Он меня с горки катал, помню. Но потом я его лет пятнадцать не видела. — заткнись, Кира, просто заткнись! Я зажмуриваюсь и замолкаю. Не умею врать — меня всегда выдаёт румянец. Даже на экзаменах в университете по этой причине не списывала, однокурсники ещё надо мной смеялись.

— Кирочка, теперь всё встаёт на свои места! Понятно, почему научный руководитель так хвалит вашу диссертацию. Литературный талант у вас в крови! Вы случайно больше ни с кем из известных писателей в родстве не состоите? — он смеётся над своей же шуткой.

— Нет, что вы! — я выдыхаю с облегчением. Он поверил в мой бред про «дядю Кирилла».

Мы с Анатолием Степановичем обмениваемся ещё несколькими любезностями. В итоге он ставит меня перед фактом, что встреча с моим «родственником» состоится сегодня днём на кафедре. О, Боже! В какую игру «писатель» пытается меня втянуть?

Я прибыла на кафедру на 30 минут раньше назначенного часа, и всё оставшееся время нервно и бесцельно бродила по коридору возле кабинета декана. Но вот, наконец-то дверь открылась, и секретарь позвала меня внутрь. Меня любезно пригласили присесть за большой стол для переговоров, предложили чай, кофе и даже торт. Но мне кусок в горло не лез. Не понимаю, как преступники в камере смертников с удовольствием едят свой последний ужин, зная, что через несколько часов простятся с жизнью? Может быть, дело в каком-то смирении или раскаянии? Они понимают, что заслужили казнь. Но я ничего плохого не сделала, поэтому смириться с неизвестностью мне было очень нелегко. Зачем я нужна «писателю»? Что я ему плохого сделала? Чувствую себя ягнёнком из басни Крылова, который с ужасом спрашивает волка, чем заслужил быть съеденным, а волк отвечает ему: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать.» Сказал и в тёмный лес ягнёнка поволок.

Но, как говорила героиня моего любимого фильма, «Красота по-американски», I refuse to be a victim. Собираюсь с духом и готова взглянуть в лицо опасности. «Нет, я не буду жертвой, не буду...» — повторяю про себя я эту мантру, пытаюсь в неё поверить. Внезапно слышу звук открывающейся двери и сжимаю край стола ладонью до побелевших костяшек.

— О, вот и вы! Проходите, присаживайтесь — Анатолий Степанович показывает на место напротив меня, — Мы с Кирочкой вас уже ждём.

— Спасибо, мне удобнее будет тут. — Кирилл подходит к месту рядом со мной и садится на стул.

Не смею сдвинуться с места. Почему я инстинктивно боюсь его? Он же ничего не сделает мне. Пока с нами Анатолий Степанович.

— Ну, привет, Кирочка. — он делает ударение на моём имени. Чувствую его взгляд на себе. Ощущение его близости заставляет коленки трястись.

— Здравс... то есть привет — говорю почти шёпотом, не поднимая глаз.

— А я сегодня узнал от Киры, что вы родственники! — радостно сообщает декан. — а она скрывала, представляете?!

— Конечно, она никогда не любила открывать козыри сразу. — чувствую усмешку в его

голосе.

— Да, она мне рассказала, каким заботливым дядей вы были в детстве. Катали её с горки, гуляли с ней, когда она была ребёнком. Я не знал, что у вас есть родственники в Самаре.

— Да, мы с племянницей были очень близки. — в отличие от меня «писатель» врёт с лёгкостью. Конечно, это же его хлеб — выдумывать истории. — Она была моей любимой девочкой, хоть и тем ещё сорванцом! Когда она плохо себя вела, мне приходилось её наказывать. Вы же знаете детей, без кнута их не воспитаешь достойными людьми. — он улыбается, потом протягивает руку к моему лицу и треплет меня за щёку. От его внезапного бесцеремонного прикосновения я ужасно краснею, вся кровь приливает к месту прикосновения его пальцев к моей коже.

— Но я надеюсь, что ты, Кирочка, меня давно простила за вынужденные воспитательные меры? Смотри, какая ты теперь самостоятельная девочка. И преподаёшь в университете. Горжусь племянницей. — он продолжает похлопывать меня по щеке как собаку, которая радостно виляет хвостом и ждёт похвалы. Я не могу вымолвить ни слова, даже руку его убрать не могу, меня будто парализовало.

— Да, мы гордимся Кирой Петровной, её кандидатская диссертация подаёт большие надежды, — вставляет Анатолий Степанович. Неужели только мне происходящее кажется ужасно неприличным и полным двойного смысла?

— Ну что, давайте обсудим наш контракт, — декану уже не терпится перейти к делу. Я благодарна ему как никогда, потому что Кирилл нехотя убирает руку от моего лица, и его внимание переключается на Анатолия Степановича.

Они обсуждают суть учебной программы, количество рабочих часов и число студентов, которые смогут посещать лекции, и прочие официальные вещи. Я не могу сконцентрироваться на нюансах и, слава Богу, их не особенно волнует моё мнение, так как мне не задают ни одного вопроса. Через час декан наконец говорит:

— Кирилл, я очень рад, что мы так быстро пришли к пониманию по всем вопросам. Вы готовы сегодня подписать контракт?

— Конечно — Кирилл говорит своим хриловатым голосом, опять поворачиваясь в пол-оборота ко мне. — но у меня ещё есть условие. Мне нужно, чтобы мы официально закрепили за мной мою ассистентку. Дело в том, что её услуги мне понадобятся немного раньше, чем начнётся учебный год. Я бы не хотел, чтобы моя любимая племянница работала бесплатно.

— Я понимаю вас! — вдохновлённо говорит декан. — Конечно, мы готовы предоставить вам ассистентку прямо сейчас. Но скажите, в чём срочность?

— Я сейчас как раз начал работу над новым романом, и мне нужна личная ассистентка, что-то вроде секретаря. — он разводит руками. — найти ассистента с хорошим литературным вкусом сейчас очень сложно.

— Я уверен, Кира не будет против. Тем более, что такая практика будет ей очень полезна в профессиональном плане — Анатолию Степановичу явно не терпится заполучить новый трофей в свою коллекцию, и небольшая жертва с его стороны кажется весьма незначительной.

— Да, уверен, Кира сможет многому научиться за это лето. — Кирилл ухмыляется.

— Конечно, конечно! Я прямо сейчас попрошу отдел кадров внести изменения в её трудовой договор.

— Приятно иметь с вами дело, Анатолий Степанович, — Кирилл встаёт и протягивает

ему руку, потом оборачивается ко мне — я тебе позвоню, мелкая. Передавай привет родне. — его тонкие губы кривятся в ухмылке.

Я поднимаю на него взгляд впервые за время встречи. Сегодня он выглядит так же небрежно, как и вчера: те же джинсы, та же недельная щетина. Его небрежность ярко контрастирует с деловой отглаженностью Анатолия Степановича. Кирилл проводит рукой по своим тёмным волнистым волосам и подмигивает мне. Потом быстро поворачивается и уходит.

Когда у нас в России отменили крепостное право? Видимо, в нашем университете, основанном в 1755 году, сохранились не только учебные традиции того времени. Чувствую себя вещь, которую только что удачно продали. Хлопок закрывающейся двери как стук молотка лицитатора на аукционе: "Лот продан мужчине в серой футболке в третьем ряду..." Как так вышло, что я ничего не решаю в своей собственной жизни? Здравствуй, дивный новый мир.

Кира

Он позвонил лишь спустя два дня. Всё это время я толком не могла ничем себя занять: настороженность, любопытство, решимость и страх сменяли друг друга ярким калейдоскопом. Мне кажется, я никогда не испытывала столько эмоций одновременно. Они роились в голове, жужжа, сталкиваясь и перебивая друг друга. Целый улей жалящих чувств!

Иногда я была как студент в первую сессию — напряжённой и натянутой, как струна. В другое время как молодой воин перед битвой — возбуждённой и решительной. Именно эта неизвестность и полная зависимость от него больше всего беспокоили меня. Они поселялись в теле где-то под рёбрами, не давая вздохнуть полной грудью. Мне казалось, что Кирилл намеренно выжидает, пытается меня неопределённостью. Или, быть может, я всё придумала себе, и ему на самом деле просто нужен секретарь — кофе приносить там, ездить в редакцию с рукописью, отвечать на звонки... Чем обычно занимаются ассистенты?

Я честно пыталась отвлечься, звонила друзьям: бывшим одноклассникам и приятелям с кафедры. Как-то раз, когда мне стало совсем сложно справиться с собой, я решила наконец пойти и купить его книги. В конце концов, я даже не знала, почему все так хвалят этого самодовольного нахала. Я без труда нашла его романы в разделе современной русской прозы — для них в магазине был отдельный стенд. Приятная продавщица книжного неторопливо сложила мою покупку в фирменный пакет магазина и пожелала мне хорошего дня. Я подумала, что, если моя научная карьера не удастся, я всегда могу пойти работать в книжный магазин — тут уж точно меня не будут домогаться всякие сомнительные личности.

Вышла из магазина и уже направилась к ближайшей станции метро, как вдруг зазвонил телефон. Незнакомый номер.

— Алло, — чувствовала, как ком в груди стремительно поднялся куда-то в область горла.

— Привет, Кира. — сразу узнала его хриловатый голос.

— Привет. — ответила я, пытаюсь унять беспокойство в груди.

— Мы встречаемся с тобой завтра в 18:00. Адрес я пришлю тебе позже. Надень кроссовки и не опаздывай. — сухой, деловой тон.

— Хорошо.

— Ты уже читала мои книги? — внезапно спросил он.

— Эээ... да... то есть вот как раз купила — я зачем-то подняла и протянула вперёд пакет с книгами. Как будто он может увидеть мой жест.

— Не читай их. Пока. Я узнаю, если ты будешь непослушна. — ледяная угроза в его голосе.

— Ладно, как скажешь. — я пытаюсь звучать безразлично, будто бы мне и не очень-то этого хотелось. Будто я вовсе не сгораю от любопытства.

Через несколько часов мы встретились около «Парящего моста» на набережной. Это было прекрасное место, особенно, когда зажигались фонари, и их отражение плавало по поверхности Москвы реки. Кирилл уже ждал меня. Я была насторожена, так как место располагало к романтике. Чувствовала себя натянутой струной, готовой лопнуть от одного

прикосновения. Писатель улыбнулся при виде меня:

— Молодец, что пришла вовремя. — его чёлку развивал ветер, отчего она казалась ещё длиннее.

— Послушай, мне кажется, мы начали наше знакомство неправильно, — он смотрел мне прямо в глаза.

Каждый раз при взгляде на него я инстинктивно ощущала опасность. Хотя сегодня он и решил надеть маску деловой доброжелательности, меня было не так просто лишить бдительности.

— Давай отныне будем придерживаться сугубо деловых отношений, Кира. — Мне было странно приятно слышать, как он называет меня по имени. Писатель протянул руку. — Ну что, мир?

Я пожала его ладонь, тёплую и шершавую. Он несколько дольше, чем следовало, удерживал мою руку в своей, как будто принимая какое-то решение. Потом быстро выпустил её и больше не смущал меня изучающими взглядами за всю прогулку ни единого раза.

Он был забавным и остроумным. Сперва он рассказал, как впервые оказался на этой набережной двадцать лет назад без гроша в кармане, и ему пришлось ночевать прямо тут под мостом в течении месяца.

— Да, ладно! — не поверила я.

— Серьёзно. — грустно улыбнулся он своим воспоминаниям.

— Сложно поверить. — я обвела взглядом его брендовые вещи. — Просто ты выглядишь таким... — запнулась, подбирая слова. — таким успешным.

Кирилл поднял на меня серьёзный взгляд.

— Это всего лишь вещи. — на секунду замолчал, потом добавил. — От успеха твоя сущность не меняется. Всё самое важное у тебя вот тут. — он показал пальцем на мой лоб. — Тысячи миров в твоей голове. Разве не это больше всего привлекает в личности?

Я промолчала. Конечно, легко ему рассуждать теперь об истинной важности внутреннего мира, когда сам он уже добился успеха.

Всё остальное время Кирилл держался немного отстранённо и по-деловому, но мне было совсем не скучно. Мы болтали о разных вещах, с ним я чувствовала себя достаточно легко. Не так легко, как с подружкой или мамой, а скорее, как с интересным преподавателем из университета. Он и держал себя со мной несколько покровительственно и, казалось, знал обо всём на свете. Его кругозор по истине был достоин энциклопедии. Я ожидала от него чего угодно, кроме этого светского высокоинтеллектуального общения. Оно так сильно контрастировало с его брутальной и несколько небрежной внешностью.

Так начались наши почти ежедневные встречи. Он звонил и в приказном порядке назначал место и время. Писатель не терпел опозданий, поэтому я обычно приезжала за двадцать минут до назначенного времени. Надо отдать ему должное — сам он тоже никогда не опаздывал. Кирилл всегда называл эти встречи «общением», хотя я чаще всего чувствовала себя как на экзамене.

Несмотря на сдержанное дружелюбие с его стороны, я постоянно ощущала давление. Он проникал ко мне в голову своими дерзкими и прямыми вопросами. По началу наш разговор порхал над темами, лишь иногда задевая крыльями более глубокие слои. Мы говорили обо всём и не о чём конкретно. Так незаметно Кирилл узнал обо мне практически всё, касаясь своими вопросами всё более личных тем. Сначала совсем нежно, потом настойчивее. Теперь

он знал мою краткую биографию, любимую еду, тему моей научной работы и даже мой адрес. С какой-то маниакальной настойчивостью он выпрашивал меня обо всём на свете, и я терялась в догадках, чем вызван такой голодный интерес к моей персоне. Зачем ему знать столько о своей ассистентке?!

Я тоже пыталась узнать его, но он всегда переводил разговор на другую тему. В нашем общении не было никакого сексуального подтекста, он держался подчёркнуто по-деловому, что, конечно же, не мешало мне любоваться его серьёзным лицом, точёным профилем и задумчивыми глазами.

Был один странный нюанс, который по началу не давал мне покоя. Кирилл всегда давал чёткие указания по поводу моей одежды и внешнего вида. Сначала он говорил что-то типа: «Сегодня надень кроссовки», «распусти волосы», или «будь в платье», но очень скоро он начал подробно описывать то, в чём я должна явиться на «общение».

В начале меня это жутко раздражало. Мне казалось, он относится ко мне как к ребёнку, не воспринимает как личность. Но потом я смирилась и стала даже радоваться его инструкциям, так как все мои мысли были постоянно заняты другим, и на заботу о внешности не оставалось ни времени и ни желания.

Когда мы заходили перекусить в кафе или ресторан, он придерживался той же тактики — делал заказ за нас двоих. В первый раз я удивилась, когда официантка протянула мне меню, а он забрал его у меня, сказав с ухмылкой: «Она будет то же, что и я.» Наверное, мне нужно было тогда сразу расставить все точки над “i”, но я не решилась с ним спорить и промолчала.

Несколько раз мы встречались в картинных галереях, где он любил долго и упорно стоять возле одной единственной картины, молча и пристально изучая её. В такие моменты мне казалось, что он вообще забыл о моём присутствии, и я начинала отвлекаться и рассматривать других посетителей музея. Но потом, в самый непредсказуемый момент, он задавал мне вопрос или давал задание. Например, как-то раз мы стояли в Третьяковской галерее около картины Флавицкого «Княжна Тараканова» так долго, что мышцы в моих ногах начали затекать. Я уже всерьёз начала думать, что Кирилл забыл обо мне, как вдруг он повернулся ко мне:

— Опиши мне постель под ногами княжны. Создай словесный образ, чтобы я почувствовал цвет, запах и грубую ткань под пальцами.

От неожиданности я не нашлась, что ответить. Мне нужно было несколько минут на раздумья. Но он счёл моё замешательство за предательскую невнимательность и сказал:

— Не отвлекайся, девочка. В тебе нет глубины. — он ударил меня этими словами, от чего пелена непрошенных слёз заволокла глаза. Кирилл как ни в чём не бывало продолжил:

— Ты знаешь, что фамилия «Тараканова» — это фамилия незаконнорождённых детей императрицы Елизаветы Петровны? Женщина на картине, скорее всего, самозванка, выдающая себя за княжну. Она страдала психическими расстройствами, но всё равно представляла угрозу для Екатерины Второй, поэтому была заключена в Петропавловскую крепость, где и умерла при неизвестных обстоятельствах. Флавицкий выбрал самую ужасную легенду её смерти. Подвалы Петропавловской крепости затапливало во время весеннего половодья, и, согласно одной из легенд, она утонула в своей тюремной камере. — он остановился и помолчал несколько минут.

— Посмотри на выражение её лица. — продолжил он. — Это лицо человека,

обладавшего некогда положением в обществе, властью, но потерявшим всё это по собственной глупости. От бывшего величия — лишь роскошное платье, подчёркивающее контраст с убогой обстановкой. Если приглядеться, то видно, что пол уже покрыт водой. Крысы в попытке спастись, залезли на кровать княжны. Посмотри на её лицо. Она в бессилье прислонилась к стене. Как думаешь, какие эмоции отражает выражение её лица?

— Трагическое смирение? — тихо предположила я.

— Да, это в характере женщин смиряться перед неизбежностью. Интересно, каково потерять в жизни всё — друзей, работу, деньги и власть во благо некой высшей цели? — я увидела в его глазах какой-то одержимый блеск.

С тех пор он начал давать мне «домашние задания». Иногда он хотел от меня невозможного: прочитать за сутки роман какого-то писателя в восемьсот страниц, или переписать окончание главы романа, или всю концовку. Порой он просил меня выучить наизусть отрывок из прозы, или поэму, а потом заставлял декламировать ему прямо на улице, в людном месте. Ещё никогда в жизни я не работала так усердно, ночами просиживая над книгами и учебниками. Его знания о писателях и литературе были более обширными, чем у меня, преподавателя английской литературы МГУ. Я привыкла узнавать о романах из критических статей и учебников, которые и формировали моё мнение о них. Кирилл же требовал от меня отбросить все мои знания и сформировать свой собственный «нюх» на искусство.

Я оставляла всего несколько часов в день на сон. Писатель никогда не хвалил меня, зато часто тыкал носом в мои косяки и недоработки. Через три недели я начала замечать, что перестаю различать день и ночь, так как всё время провожу дома в работе. По какой-то причине мне безумно хотелось утереть ему нос, убрать его самодовольную ухмылку и заслужить хоть немного одобрения.

Я сидела как проклятая над бесконечными заданиями и постепенно начала понимать, что полностью растворяюсь в мире, который он мне навязывает. Он подчинил мой разум, постоянно бросая моему эго всё больший и больший вызов. Я не могла не думать о нём даже в редкие минуты свободы: в походах в магазин, или во время уборки. Я постоянно ловила себя на мысли, что веду с ним внутренний диалог. Пытаюсь предугадать его ответы и придумываю заранее заготовленные фразы и колкости, которые должны его поразить. Я не встречалась с друзьями, не звонила маме и даже забыла о дне рождения подруги. Хотя в отношении Кирилла ко мне не было и намёка на сексуальный интерес, я чувствовала, что он затрахал мой мозг до изнеможения.

Наше интеллектуальное общение начало всё больше походить на поединок. Прямое давление с его стороны и пассивная агрессия с моей. Я постоянно ощущала жуткое, почти физическое неудовлетворение. Моё самолюбие не давало мне спрыгнуть с этой иглы — я вспоминала его слова в курилке, когда мы впервые встретились: «Голая, босая и на кухне». Нет, дорогой босс, я не доставлю тебе удовольствия сломать меня. Я покажу, на что способна. Меня бесило, когда он высокомерно называл меня «девочкой». Как будто я и не женщина вовсе, а так, девчушка-хохотушка.

Одновременно с нарастающим раздражением я начинала чувствовать сильную зависимость от него. Мои подруги всё настойчивее стали зазывать на встречу и искренне не понимали, почему я просто не пошлю «писателя» куда подальше. Сначала я пыталась

объяснить им, рассказывала о наших интеллектуальных сражениях, но вскоре увидела, что им становится скучно, когда я завожу свою песню. Поэтому я перестала вдаваться в подробности нашего общения, всё больше отдаляясь от близких мне людей. Мне, в свою очередь, стало неинтересно слушать про их бесконечно сменяющих друг друга парней и планах на отдых. Вскоре наше общение сошло на минимум. Я нарочно будто бы отгородилась от всего прочего мира, выстроила стену, чтобы ничто из вне не могло помешать мне одержать моральную победу над Кириллом.

Я не заметила, как это произошло, но через какое-то время я уже чувствовала острую потребность в наших встречах. Мой мозг разогнался до небывалых пределов, и теперь мне просто необходимо было поддерживать эту скорость. Тем сильнее я чувствовала одиночество в те дни, когда Кирилл пропадал. Это случалось периодически и без предупреждения. Бывало, что он не звонил и не писал несколько дней, в то время, как я сгорала от безделья и напряжения. Какая-то странная тоска нападала на меня в дни вынужденного одиночества. Я лезла на стену, не имея возможности увидеть его, услышать звук его приятного уверенного голоса. Он стал наркотиком для моего мозга, и я дико нуждалась в дозе. В такие дни я становилась жутко раздражительной, не хотела ни с кем общаться и срывалась на всех, кто попадался под руку. Раньше я всегда считала себя уравновешенным человеком, но теперь со мной творилось что-то нездоровое.

Когда мы встречались после трёхдневной разлуки, я очень остро чувствовала напряжение между нами. Если Кирилл случайно дотрагивался до меня, поддерживал за руку, или наши пальцы встречались на корешке очередной книги, которую он мне давал, мне казалось, что заряды тока проходят по моей коже. Я с трудом подавляла желание удержать его руку, или самой дотронуться до него. Всё тело покрывалось мурашками, а сосочки предательски вставали под майкой. Я очень надеялась, что он не замечает моего помешательства, но с каждым днём скрывать его становилось всё сложнее и сложнее. Как-то раз мы задержались в парке до позднего вечера. Было ветрено. Тогда Кирилл снял с себя джинсовую куртку и надел мне на плечи. От его прикосновения к моим рукам даже через плотную джинсовую ткань, у меня в голове всё затуманилось. Почувствовала странную тяжесть внизу живота. В это время писатель о чём-то меня спрашивал, поэтому моя минутная слабость не смогла укрыться от него. Он лишь ухмыльнулся и пощёлкал пальцами у меня перед лицом:

— Сосредоточься, девочка. Не отвлекайся. — он с насмешкой посмотрел в мои полуприкрытые глаза.

О, Боже! Он всё понял и теперь смеётся надо мной! Мои щёки вспыхнули. На секунду мне показалось, что выражение его лица немного смягчилось. Но он тут же продолжил говорить о том, на чём мы остановились. Весь оставшийся вечер я была сама не своя и тайком вдыхала аромат его куртки, когда он отворачивался или увлечённо рассказывал о чём-то.

Мне казалось, он тренирует меня или, лучше сказать, дрессирует. Натаскивает, чтобы я могла с лёгкостью отыскать скрытый смысл любого произведения искусства. Он унижал, оскорблял меня или просто игнорировал в случае неудачи и соглашался, если я была на правильном пути. Фраза «да, согласен с тобой» стала наивысшей похвалой для меня. Что он делал со мной? За каких-то полтора месяца я превратилась из вполне довольного жизнью блогера в вечно нервную, неудовлетворённую и озабоченную... Так кем же я стала?

Кирилл

Узнать её имя оказалось совсем несложно. На самом деле она сама дала все карты в руки. Малышка сказала, что она преподаватель. Зашёл на сайт университета и в нужном разделе нашёл её. Девочка смотрела на меня с фотографии своим робким и наивным взглядом.

Я и не надеялся, что мне так быстро повезёт отыскать объект для своего нового исследования. Но, мать твою, повезло необычайно. Девочка была не простой невинной овечкой, она оказалась настоящим ценителем литературы.

Тогда в кабинете декана я с трудом сдерживался, чтобы не выказать свою истинную заинтересованность. Но мне нужно было сдерживаться до поры до времени, чтобы не спугнуть мою нежную пташку.

Женщины всегда хотят то, чего не могут получить, поэтому мне не составило труда заронить в этой наивной душе искренний интерес к своей персоне. Она не была похожа на тех женщин, с которыми я обычно имел дело. Слишком робкая, слишком пугливая и слишком доверчивая. Чувствовал себя охотником, который следует по пятам за прекрасной молодой ланью. Я терпеливо наблюдал, как она пряталась в зарослях, выжидал, пока пойдёт на водопой. Искал подходящий момент, чтобы выпустить в неё свою стрелу. Мне нужно было ранить её душу, обездвижить волю, чтобы потом подобрать несопротивляющееся тело и отнести к себе в хижину.

Несколько раз я всерьёз думал отменить свой дьявольский план. Однако её доверчивость и слепая наивность разожгли во мне такое адское пламя, что я уже был не в силах его потушить. Смотрел на её чистое, правильное и такое сосредоточенное лицо, робкие губы, послушно пересказывающие строки поэмы. Разглядывая её нежный розовый ротик, я гадал, какого цвета её другие губки, те, что скрыты от меня под одеждой. Такие же розовенькие и невинные? Интересно посмотреть, как они, наливаясь возбуждением, начинают краснеть. Представляя всё это, я прикрывал глаза от удовольствия, стараясь сохранить невозмутимый вид. Моя маленькая послушная ассистентка и не догадывалась, какая порочная тьма скрывается в её новом боссе.

Мне нравился её упрямый вздёрнутый носик, задорно взмывающий вверх, когда она осмеливалась поднимать на меня взгляд. Моя милая девочка. Сердце сжималось от непонятого трепета, когда я видел её маленькую фигурку, спешащую мне навстречу, взволнованную и возбуждённую от предстоящего общения. В такие моменты я мысленно одёргивал себя, не давая странным новым ощущениям завладеть моим разумом.

Я пытался показать ей изнанку искусства, его требовательность и неумолимость. То, как оно полностью поглощает тебя и требует постоянной верности. Всё искусство как балет — прекрасно в конечном варианте, но пропитано кровью и болью в потемневших от мозолей ступнях.

Однако моя маленькая Луна не хотела так быстро сдаваться. С упорством ребёнка, который запомнил из чудачковатого мультфильма, что Париж находится в Африке, доказывала мне свою точку зрения. «Искусство освобождает», «прекрасное лечит»,

«литература воспитывает душу» — такими тривиальными обывательскими идеями была заполнена её хорошенькая головка.

Когда я слушал её рассуждения, то руки чесались склонить её прямо в парке и отшлёпать по полной программе, чтобы доходчивее объяснить свою точку зрения. Но я сдерживался как мог. Иногда мне казалось, что она чувствовала некую тьму во мне, в моих глазах. Возможно, поэтому она периодически прерывалась на полуслове в своих рассуждениях, зябко ёжилась и обнимала себя обеими руками, будто желая отгородиться от меня. Тогда мы оба замолкали — я пытаюсь урезонить свои тёмные начала, а она... Она, наверное, инстинктивно боялась меня. И моим демонам это нравилось, не буду скрывать.

Иногда мне казалось, что она вот-вот сломается и сама отдастся мне в руки. В последние недели я начал замечать, как она разглядывает меня украдкой. Как нервно облизывает свои губы, когда я невзначай дотрагиваюсь до неё. Делал вид, что она меня совсем не интересуется, в тайне фантазируя о том, что вскоре позволю себе сделать с её мягким и податливым телом. Я знал, что моё показное безразличие только ещё больше раздражает её. В прошлом я пользовался такой тактикой слишком часто, чтобы теперь не разглядеть зарождающийся огонь желания в её чистых небесного цвета глазах.

Во время наших встреч этот упрямый ангелочек отчаянно пытался внушить мне уважение к своей персоне. К моему удивлению, у неё это получалось. Я отдавал должное её уму, пронизательности и литературному вкусу. Конечно, этого я ей никогда не показывал, ведь цель моего с ней общения заключалась вовсе не в дружеских встречах. Я должен был проникнуть в её разум, прочно укрепиться там, стать её внутренним голосом. Чтобы она, приходя в художественную галерею, театр, кино или просто читая книгу, невольно задавалась вопросом: «а что скажет на это он?». Мне хотелось, чтобы она вела со мной внутренние диалоги, оказалась под влиянием моей личности. Для этого требовалось полностью вытравить из неё ту уютную размеренную жизнь, которую она вела до нашего знакомства.

Всё шло хорошо, но порой мой внутренний писатель пытался бороться со мной, демоном, которого он сам пустил за руль. Это выливалось в трёхдневную разлуку. Просто не мог видеться с ней в те дни. Я был похож на сумасшедшего: ходил по квартире и громко спорил сам с собой. Успокоиться мне чаще всего помогали алкоголь, случайный секс и запрещённые вещества.

Когда очередная снятая мной шлюшка послушно ласкала опытным языком мою затвердевшую плоть, я закрывал глаза и представлял себе лицо Киры. Эти чистые голубые глаза, покорно смотревшие из-под опущенного бархата ресниц. Фантазировал, как нежные яблочки её щёчек трогает пунцовый румянец, когда она скользит маленькой ладошкой по моему члену. Чёрт, этого хватало для моментальной разрядки.

После того, как я брал «правильного» писателя обратно под контроль, мы продолжали наши встречи. И они с каждым разом становились всё более напряжёнными. Всего за пару месяцев наших регулярных встреч я начал чувствовать какую-то странную, навязчивую потребность в её обществе. В такие минуты начинал бояться глубины собственной одержимости. Последние несколько недель я больше не мог думать ни о ком, кроме неё. Уже и забыл, каково это. Быть настолько поглощённым какой-то идеей. Ведь виной моему наваждению был только корыстный творческий интерес. Конечно, иначе быть не могло! Каждый раз, когда во мне просыпалась некая чрезмерно чувствительная бесхребетная

натура, я отчаянно убеждал себя в этом.

Как-то раз, когда мы задержались на какой-то выставке, я провожал девчонку до стоянки такси. Приглушённые блики ночных фонарей подсвечивали её задумчивое бледное лицо. Я посмотрел на неё. Гораздо более долго и внимательно, чем того требовали обстоятельства. От порыва прохладного ветра она зябко поёжилась и обняла себя руками. Тогда я снял с себя куртку и набросил ей на плечи. Электрический разряд прошиб меня, когда я дотронулся до неё. Девочка томно прикрыла глаза и, облизнув сладкие губы, слегка приоткрыла их. В штанах всё вмиг затвердело. На секунду я представил, что мог бы сейчас дотронуться своими губами до её розовых лепестков. Нежно и мягко. Проникнуть в её горячий влажный ротик языком и исследовать его ласковую сладость. Как же хотелось трахнуть эту мелкую девчонку прямо здесь и сейчас!

Притяжение между нами было настолько сильным, что я с трудом поборол желание. Она была рядом. Такая нежная и беззащитная. Познать её было так просто. Только протяни руку и дотронься. Знал, что она даже не стала бы сопротивляться.

Моргнул несколько раз, чтобы стряхнуть заманчивую картинку. Девочка всё ещё стояла передо мной с закрытыми глазами. Её грудь высоко поднималась от частых глубоких вдохов. Постарался взять себя в руки и щёлкнул пальцами перед её лицом. Хотелось поскорее вернуть её на землю. Ещё несколько секунд, и я бы уже не смог себя контролировать.

Девчонка открыла глаза, и я увидел в них грустное разочарование. Захотелось прижать её к себе, сказать что-то ласковое. Успокоить. Твою мать! Да что это со мной происходит?! Она, ведь, всего лишь очередной трофей. Очень заманчивый трофей.

Вместо того, чтобы поддаться странным порывам, я иронично сказал что-то колкое. Она смутилась. Так искренне и застенчиво, как умела только она. В этот момент я вдруг чётко понял, что не могу. Не могу и дальше продолжать играть. Мне нужно было срочно охладиться. Необходимо встать под ледяной душ. Прогнать её. Накричать. Унизить. настолько сильно, чтобы она больше никогда даже не думала ко мне приближаться. Я вдруг реально стал обдумывать возможность найти себе другую игрушку? Вот это что-то новенькое!

Посадил её в такси, быстро повернулся и зашагал прочь. Терпеть всё это становилось просто невыносимо. Эта мелкая смогла забраться ко мне под кожу. Нужно было срочно стряхнуть с себя ненужные мысли. Какого чёрта я вдруг стал сомневаться? Я же уже давно всё решил для себя. «No strings attached. Just free love.» всплыли в голове слова любимой песни. Усмехнулся. И правда, никаких обязательств и никаких привязанностей я не планировал.

После той нашей последней встречи я перестал выходить на связь. Понимал, что уже невозможно оставить всё так, как есть. Но просто не представлял, что теперь делать дальше.

До встречи с Кирой я думал, что уже давно научился обуздывать свои низменные потребности. Ещё во время написания своего первого романа я добровольно отказался от дури, которая раньше была неотъемлемым спутником моих вечеров. Но вот, стоило этой упрямой девчонке ворваться в мою жизнь, и я снова опустился куда-то на дно.

Чтобы хоть как-то заглушить муки совести, я проводил вечера в компании полупьяных, обдолбанных прожигателей жизни, которые именуют себя «светской тусовкой». В один из таких разгульных вечеров, мне позвонила Алина, мой агент.

В том месте, где я находился, гремела музыка, поэтому, увидев на экране её номер, я с скинул с колен пьяную девицу и отправился в более тихое место.

— Да! — крикнул я в трубку, пытаясь заглушить оглушительные басы.

— Кирилл, — услышал я недовольный голос женщины. — Слышу, ты всё развлекаешься?

— Что тебе надо? — не собирался перед ней отчитываться.

Она что-то начала говорить, но я не мог разобрать её слов.

— Подожди... — крикнул я и направился к выходу.

Протиснувшись через толпы извивающихся в бесноватых танцах людей, я наконец, вышел на улицу. Сделал приятный глоток свежего воздуха и поднёс трубку к уху.

— Я тут.

— Я говорила, что через три дня состоится ежегодная вечеринка твоего издательства. Там будут награждать наиболее заслуженных авторов. — Алина вздохнула. — Я уже подтвердила твоё присутствие.

— Понятно. — заплетающимся языком пробормотал я.

— Ты ведь запомнишь наш разговор? Не нужно завтра перезванивать? — иронично уточнила моя агент.

— Когда это я забывал наши разговоры? — усмехнулся я.

— Помнишь то интервью на первом канале? — напомнила Алина. — Ты чуть его не проспал. И та фотосессия полгода назад...

— Ладно, ладно... — успокоил я её. — Через два дня. Вечеринка. Запомнил.

— Ты один придёшь? Или тебе нужно пригласительное плюс один? — усмехнулась Алина, которая всегда скептически относилась к моим вечно сменяющимся друг друга подружкам.

— Давай плюс два! — усмехнулся я.

— Понятно. — присвистнула она. — Вот честно, не понимаю, как они тебя терпят!

— Это всё природное обаяние, дорогая. — сладко пропел я. — Признайся, ты и сама не против была бы его отведать?

— Фу! — засмеялась женщина. — Ты не в моём вкусе!

Я закатил глаза. Мы с Алиной любили друг друга подкалывать, хотя оба знали, что между нами никогда ничего не может быть. Она была старше меня лет на двадцать, да и к тому же счастлива замужем. Не уверен, правда, что счастлива — с её-то сварливым характером. Но замужем.

— А что так? — не унимался я.

— Если захочу изведать новые горизонты с наглым, зависимым от алкоголя кобелём, то ты будешь первым в моём списке.

— О, я буду ждать! — пообещал я и отключился.

Возвращаться обратно к пьяным людям со стеклянными взглядами уже не хотелось, поэтому я решил пройтись до дома пешком. Ночная Москва располагала к прогулкам. Я шёл по широкому проспекту, разглядывая витрины брендовых бутиков. Они так и манили своей тёплой ламповой подсветкой. Внезапно мой взгляд зацепился за скромное чёрное платье. Манекен стоял вполоборота. Когда я остановился, чтобы повнимательней рассмотреть шикарный наряд, то обнаружил, что сзади платье абсолютно не закрывало спину. Такое скромное, даже строгое спереди, оно было до неприличия откровенно сзади. Тут же

представил в нём свою девочку. Оно бы так подошло ей. Эта девчонка тоже сперва казалась строгой и неприступной, но когда я смог узнать её поближе, то поразился пламени, скрытому в глубине её ярких синих глаз. Этот огонь мог сжечь без остатка. И я почти сгорел в нём. Из последних сил пытался вырваться из этого адского плена горящих синих омутов.

Но нельзя постоянно думать о ней! Представлять эти милые хрупкие плечики, нежно подрагивающие от моих лёгких прикосновений. Нужно срочно что-то предпринять. Только для того, чтобы поставить все точки над «і». Только для того, чтобы оглушить её своим равнодушием и заставить изнемогать от желания. Опять.

В моём пьяном разуме созрел некий хитроумный план. Улыбнулся своим мыслям и пошёл дальше. Теперь у меня был чёткий план действий. Я любил действовать по плану. Это приносило в хаос моих мыслей элегантную стройность. Я лишь надеялся, что смогу обуздать свою тьму, и она не вырвется наружу в самый неподходящий момент.

Кира

Примерно через два месяца после той нашей первой встречи у моста я начала задумываться о природе наших с писателем отношений. Я была его ученицей и ассистенткой, а он — моим боссом. По крайней мере, так думали в моём университете. Внутри я сгорала от неудовлетворённости по всем фронтам. Я совершенно, абсолютно точно не могла ему навязываться. Лучше умерла бы от тоски, но никогда не призналась ему в своих истинных чувствах.

Когда я пыталась проанализировать причину своего помешательства, то находила её именно в его недостижимости. Конечно же, каждая девушка привыкла к пассивной роли не только в знакомствах с мужчинами, но и в дальнейших отношениях: свидания, первый поцелуй и первая близость — всё это должен инициировать мужчина, разве нет? Дурацкая традиция.

Я чувствовала, что Кирилл совсем не заинтересован мной как женщиной. Но зачем тогда ему эти встречи? Мне казалось, что он ускользает сквозь пальцы. Именно эта неопределённость больше всего терзала меня. Я не могла понять, как этот наглый мужчина так прочно поселился в моих мыслях. Его власть надо мной, мой голод и неудовлетворённость просто сводили с ума.

Однажды он пропал на неделю. Я была взвинчена до предела, когда мне позвонила моя давняя подруга. С Лией мы познакомились давно, на первом курсе университета и сразу сошлись. Мы были из одного города. Обе одинокие, в столице почувствовали друг друга почти родственниками. Наша внешняя непохожесть совсем не мешала крепкой дружбе. Она — статная блондинка, высокая и хрупкая как тростинка, своей кричащей красотой привлекала к себе всеобщее внимание.

Мы были так же различны по характеру, как и по внешности. Её активная и увлекающаяся натура постоянно собирала вокруг себя стайку поклонников всех возможных возрастов и полов. Я, в свою очередь, предпочитала книги шумным компаниям, и была главным ботаником нашей группы. Но, несмотря на наши различия, а, может быть, и благодаря им, мы с Лией сразу сошлись. В нашу первую встречу мы обе почувствовали её судьбоносность и почти сразу перешли к тому глубокому и несколько фамильярному уровню, который появляется лишь у людей, чувствующих взаимное притяжение.

После университета Лия уехала покорять Америку, что, кстати, у неё получилось, хоть и не без труда. Я всегда была за неё спокойна. Несмотря на буйный нрав и любовь к экспериментам, моя подруга твёрдо стояла на земле. Конечно, мне сильно не хватало совместных безумств и тёплых вечеров за бокалом красного сухого, но я была искренне рада за успех подруги.

В этот вечер Лия звонила с незнакомого номера, а я была как никогда на взводе, поэтому, не разобравшись, рявкнула в трубку:

— Алло, кто это?

— Кирочка, это я, Лия. Это мой новый номер. — промурлыкала в трубку подруга, — какая муха тебя укусила, дорогая?

— А, это ты. Извини, я последнее время сама не своя. — я была рада слышать мягкий голос подруги, хоть и немного разочаровалась, глупо надеясь, что это звонил Кирилл с другого номера. Может быть, с его телефоном что-то случилось, и поэтому он уже шесть дней не выходил на связь.

— Что у тебя случилось? Как дела с твоим писателем? — во время нашего прошлого разговора я рассказала Лие про мои странные отношения, и она поддерживала меня, как никто другой эти два месяца.

— Вот, уже почти неделю не виделись. — не могу скрыть тоску в голосе. С Лией мне никогда не нужно притворяться, она всегда принимает меня такой, какая я есть. Она единственная из друзей знала про мой блог и регулярно читала его.

— Дорогая моя, мне очень жаль. Скажи, ты уже не так боишься его, как в первые дни?

— Боюсь?! Ха! Да, я боюсь той власти, которую он надо мной имеет! — я всплеснула руками.

— Почему ты не вызовешь его на откровенный разговор?

— Лия, с ним очень сложно. Понимаешь, он никогда не отвечает на вопросы, если ему этого не хочется. Тем более, я не хочу, чтобы он понял, какую власть уже надо мной имеет. Я всё ещё инстинктивно чувствую в нём опасность, некую темноту, которую он упорно прячет от меня под личиной сугубо профессионального интереса. Знаешь, он так порой на меня смотрит... У меня подкашиваются колени. А уж если я неправильно выполню хоть одно из его многочисленных «заданий», то я порой радуюсь, что мы находимся в общественном месте...

— Кирочка, а ты попробуй другой подход — ты пофлиртуй с ним, примени женские чары. Не стесняйся и не трусь! Я же знаю, какая ты скромница! — голос Лии такой родной и воодушевляющий. Он заставляет меня верить в её слова — ты в конце концов очень симпатичная девушка! Эдакий вариант подружки вампира — с виду бледненькая, милая и скромная, но в душе! В душе я знаю, дорогая, у тебя тлеет пожар! Ты дашь фору любой!

— Эх, Лия, умеешь ты заставить девушку почувствовать себя особенной! — я невольно смеюсь, и тугой узел в душе немного ослабляется.

— В конце концов, что он тебе сделает? Даже в случае неудачи — хотя я уверена, неудачи не будет — но даже если, то ты ничего не теряешь! И, поверь моему многолетнему опыту. Мужчина не будет проводить всё своё свободное время с симпатичной девушкой просто так. Неважно, в чём он тебя там пытается убедить. Я точно знаю, он что-то к тебе чувствует. Извини, но он выглядит так, будто только и думает всё время о сексе. Я загуглила его. Такой горячий мужчина. Скорее бери быка за рога!

Для Лии знакомство с парнями всегда было делом пустяковым. Точнее, они сами слетались на её огонь, как мотыльки. А я всегда чувствовала себя неуверенной, особенно, если парень мне нравился. Мне легче было начать с ним дружить, чем флиртовать.

— Значит, ты считаешь, что мне нужно самой ему написать?

— Ну конечно! Предложи встречу под каким-то предлогом. И главное — будь уверена в себе! Ты — огонь!

— Знаешь, он мне уже шесть дней не писал. Вдруг он уехал, или занят? Или с женщиной? — последнее предположение не давало мне покоя. Скорее всего, у него есть девушка. У такого мужчины не может её не быть. Такая красивая гламурная барышня с безупречным маникюром и силиконовыми губами.

— Слушай!.. а давай поищем в интернете? Так и запишем в поиске: «Кирилл Миронов и его девушка». Он же публичный человек. Я уверена, что папарацци всё сделали за нас! — слышу, как Лия набирает запрос на ноутбуке.

— Ну и что там? — с надеждой спрашиваю я. Почему мне самой не пришло в голову поискать его девушку в интернете? Я, конечно же, сохранила во вкладках браузера страницу из Википедии о Кирилле, так же как и несколько фотографий с его рекламных компаний и фотосессий в поддержку творчества.

— Дорогая, да тут целая коллекция! Мне кажется, он не упускает ни одной юбки. Во всяком случае, я вижу тут несколько моделей, с которыми он ходил на премьеры и награждения. И даже ту новомодную рыжую певицу... всё время забываю её имя — Лия напела песню — ну ты поняла, да?

— Ну вот... я так и думала — я еле сдерживалась, чтобы не заплакать.

— Да что ты переживаешь! Это же отлично! — голос Лии звучал так, будто мы наткнулись в интернете на тайное признание Кирилла в любви к своей ассистентке, а не всё это.

— Лия, ты издеваешься? Что в этом хорошего? Я никогда не смогу дотянуть до уровня этих красоток! — говорю в отчаянии.

— О, дорогая моя! Неужели ты не понимаешь? Это значит, что у него нет постоянной девушки! А все эти однотипные куклы его не удовлетворяют! Я уверена, у тебя есть шанс! — энтузиазм подруги так заразителен.

— Лия, дорогая, чтобы я без тебя делала? Ты мой ангел-хранитель! — я улыбаюсь.

— Да, я молодец. Видишь для чего нужен был весь мой не всегда положительный опыт? — она смеётся в трубку — чтобы поделиться им с лучшей подругой в трудную минуту! Кира, не томи меня, пиши ему скорее! Потом пришли скриншот с доказательством! Всё, жду твоих действий. Люблю тебя! — она отключается, а я с колотящимся сердцем нахожу номер Кирилла.

Я судорожно соображаю, какое сообщение лучше всего будет ему прислать.

"Кирилл, привет. Чем занимаешься?" — нет, это слишком банально.

"Добрый день, босс! Сегодня встречаемся?;-)" — зачем этот смайлик? "Босс"- не самое лучшее обращение для начала сближения. Нет, не то.

"Кирилл, мы давно не виделись. Хотелось бы сегодня пообщаться, у меня есть несколько вопросов по последнему заданию." — вот, достаточно по-деловому, но и подружески тоже. Скрепя сердце, отправляю сообщение.

Не могу ничем заниматься. Гипнотизирую телефон. Через 20 минут ожидания телефон вибрирует от входящего сообщения:

Кирилл: "Если ты соскучилась, так и скажи. Не нужно искать повод."

Вот засранец. Он не мог оставить свою наблюдательность при себе?

Телефон опять вибрирует:

Кирилл: "Завтра встречаемся в 20:00. Надень вечернее платье — это официальное мероприятие, которое устраивает моё издательство. Там будет много интересных авторов, тебе полезно его посетить."

Как всегда, этот безапелляционный тон.

Я: "Хорошо, я буду."

Кирилл: "Конечно, будешь. Не опаздывай".

Я, очень довольная собой, начинаю танцевать перед зеркалом. Можно ли расценивать

эту встречу как свидание? Если и нет, то это точно можно расценить как наше сближение.

Открываю шкаф в поисках подходящего платья. Мдаа... негусто. Я не очень-то люблю платья вообще, а тем более, вечерние. Оглядываю свой гардероб. Тоска какая-то. Сплошные джинсы, футболки, пара брючных костюмов для универа. У меня есть четыре платья — красное в горошек, зелёный сарафан, бежевое с тонкими лямками и строгое чёрное. В последнем ходила на вручение диплома. Наверное, его и придётся надеть, так как оно больше всех прочих подходит. Решаю померить его перед зеркалом. Оно оказывается мне немного велико, видимо, сказывается постоянный стресс последних двух месяцев. Я решаю постирать платье — может быть, оно немного сядет, и тогда меньше будет заметно, что оно велико?

Через час моих стараний в ванной слышу звонок в дверь. Открываю — это курьер. Просит поставить электронную подпись. Когда курьер уходит, я дрожащими руками распаковываю белоснежную упаковку — на ней значится название какого-то известного бренда — я не очень разбираюсь. Внутри оказывается роскошное чёрное платье. Спереди очень целомудренное, без вырезов и декольте. Зато сзади вся спина совершенно открыта. Платье длинное, но мне оказывается в пору. В пакете также нахожу туфли на шпильке; тоже чёрного цвета с красной подошвой. Очень элегантно. В коробке есть записка:

«Собери волосы в пучок, спереди оставь несколько прядей. Обязательно надень туфли. Будь готова завтра в 19:00, я пришлю за тобой машину»

Теперь сомнений не остаётся: никто другой, кроме Кирилла не даёт столько подробных инструкций по поводу внешности. Мне кажется, он будто вписывает меня в свою книгу, как героиню, образ которой уже готов у него в голове, и я не имею права этот образ изменить.

Я надеваю платье, собираю волосы, поворачиваюсь, чтобы посмотреть на себя со спины — она оказывается совершенно обнажённой до места, где поясница переходит в другую часть тела. Я такая бледная и немного переживаю об отсутствии загара. Очень хочется чем-то покрыть себя сверху. Может быть, найдётся шаль? Но, тщательно обыскав шкаф, не нахожу ничего подходящего. Ну что ж, придётся идти в таком неприличном виде.

На следующий день, сгорая от предвкушения, прибываю на такси по указанному адресу. Дома я решила выпить немного вина для храбрости, и теперь ощущаю лёгкое приятное головокружение. Тепло, подобно жидкому мёду, разлилось по всему телу. Машина подвезла меня к загородному особняку, утопающему в ухоженной зелени.

Я выхожу из машины и следую ко входу, где меня встречает кто-то наподобие дворецкого и интересуется моим именем. Я называю его и спрашиваю, приехал ли уже Кирилл Миронов.

— Да, господин Миронов уже здесь со своей спутницей — чопорно отвечает мужчина.

Я ослышалась? С кем он? Со спутницей? А я тогда кто? Конечно же, я — ассистентка, всего лишь долбаный секретарь. А я уже раскатала губу. Зачем тогда он прислал мне это дурацкое платье? Я уже ничего не понимаю!

Сначала мне хочется сразу покинуть этот особняк. Однако какое-то мазохистское любопытство берёт верх. Прохожу в помещение, в котором проходит вечеринка. Я захожу в зал полный красивых и разодетых гостей. Официанты с закусками и напитками снуют мимо меня. Приятная живая музыка создаёт расслабленное настроение. Никто не обращает на меня внимания.

Я подхожу к одному из столов в отдалении. С этого места можно разглядеть всех гостей.

Я начинаю искать глазами Кирилла. Найти его получается не сразу, так как он одет не в привычные джинсы и футболку, а в великолепный костюм. Его неформальную внешность выдают только татуировки, которые выглядывают на несколько сантиметров из ворота рубашки. Его волосы стильно уложены, а щёки выбриты. Так он кажется немного младше своего возраста, но, в то же время, строже. Он держится немного высокомерно. Моё сердце опускается куда-то вниз, когда я замечаю рядом с ним очень красивую девушку. Она стоит рядом, держа его под руку, и ослепительно улыбается их общему собеседнику. Кирилл при этом выглядит отстранённо, немного сучающе. Их собеседник — невысокий мужчина в возрасте — очень увлечённо о чём-то рассказывает.

Я беру у проходящего мимо официанта очередной бокал шампанского. Мне просто хочется выпить. Всё напряжение этого лета, как мне кажется, скопилось сейчас во мне, и, если не заглушить хоть немного подступающие к горлу чувства, они могут прорваться наружу и снести меня и всех, кто окажется на пути.

Я выпила залпом очередной бокал, облокотившись на стол, так как стоять на этих огромных каблуках становилось невыносимо. Я уже взяла четвёртый или пятый бокал, когда внезапно наши взгляды с Кириллом встретились. Я улыбнулась ему пьяной улыбкой и подняла вверх бокал, как будто говорила: «за тебя, до дна!» И осушила его. Предательские слёзы отступили, их место заняло какое-то яростное веселье. Я перестала смотреть в глаза Кириллу, и нашла взглядом первого попавшегося одинокого парня за барной стойкой. Я сладко улыбнулась ему, как мне казалось, весьма соблазнительно. Парень сразу же сообразил, что я им заинтересована и подошёл ко мне с двумя бокалами.

— Привет. Ты тут совсем одна. Составить компанию? — парень подошёл поближе и протянул мне бокал.

— Конечно. Как тебя зовут? — Я взяла бокал и поразилась, откуда во мне столько смелости? Обычно я сама ни с кем не знакомлюсь.

— Алекс. — он улыбнулся мне.

— Расскажи, Алекс, чем ты занимаешься? — беседа давалась мне с трудом, потому что я была уже изрядно пьяна, и слова путались.

Впрочем, так же, как и мои мысли. Алекс начал долгий и нудный рассказ об издательском бизнесе. О том, какой важный пост он занимает — помощник главного редактора или что-то типа того. Я не особенно старалась разобраться во всех тонкостях его должностных обязанностей, но улыбалась и делала вид, что мне безумно интересно. Не прошло и десяти минут, как прямо за спиной моего нового знакомого материализовался Кирилл. Один, без своей ослепительной спутницы. Я старалась не обращать на него внимания и обращалась только к своему новому знакомому.

— Здравствуй, Кира. — услышала низкий хриловатый голос Кирилла. Я продолжала его игнорировать, однако мой собеседник замолчал на полуслове.

— Алексей, мне нужно переговорить со своей ассистенткой. Можешь оставить нас? — голос Кирилла не сулил помощнику редактора ничего хорошего, поэтому Алекс быстро ретировался.

— Рад был познакомиться, Кира — немного растерянно сказал на прощание Алекс и быстро ушёл.

— Ты что тут устроила, девочка? — губы Кирилла сжались в тонкую линию. Его голос

перешёл в яростный шёпот. Он просто в бешенстве. Но мне было плевать на его чувства. Наоборот хотелось ещё больше его разозлить, чтобы он начал испытывать что-то похожее на мои переживания.

— А что такого? Ты же развлекаешься, босс? — я ткнула пальцем ему в грудь — значит и мне можно! Я тут не на работе! И вообще, что это за работа такая? Ты плохой начальник, ясно? — не заметила, как перешла на повышенный тон.

— Говори тише! — зло прошептал мне на ухо Кирилл. Его горячее дыхание обдало меня, электризуя воздух между нами. Но я как будто с цепи сорвалась.

— А то что? — я злобно посмотрела ему в глаза — боишься, что нас услышит твоя милая спутница?

— Какое тебе дело, с кем я пришёл? — я увидела усмешку в его глазах. Пристально глядя в его стальные глаза, я рассмотрела там ещё что-то. Злорадство? Триумф? Моментальная вспышка, и он снова обрёл контроль над своими эмоциями.

— Ты прав, какое моё дело? Я же всего лишь ассистентка, которой можно пудрить мозги! — я резко развернулась и сделала пару нетвёрдых, но решительных шагов по направлению к выходу, как вдруг его рука поймала моё запястье и больно сжала его. От его прикосновения к моей коже по телу разлетелись тысячи электрических разрядов. Мои щёки покраснели, и кожа вдруг стала очень чувствительной.

Он потянул меня к себе, требовательно сжимая моё запястье.

— Лучше не зли меня, девочка. — прошептал он. — Поверь, ты не захочешь, чтобы я увидел в тебе женщину. Лучше и дальше продолжай быть маленькой незаметной ассистенткой. Тебе ни к чему привлекать моё внимание. — Всё это он произнёс, не смотря на меня, куда-то в сторону. Но по сжатым челюстям и ходящим под кожей желвакам я поняла, насколько он взбешён.

Внезапно на сцену, где ещё недавно музыканты играли приятный джазовый мотив, выходит мужчина и привлекает к себе всеобщее внимание.

— Дамы и Господа, сегодня мы собрались тут не только для приятного общения. Хотя очевидно, что вечер удался. — Он подмигивает аудитории. — Но также я хочу вручить ежегодную награду нашего издательства за самый продаваемый бестселлер. Книга, которая с момента выхода не перестаёт занимать первые места по продажам и уже признана многими критиками как самая выдающаяся книга прошлого года. За этот год мы успели перевести этот роман на 20 языков, и наши продажи в Европе и Америке взлетели. Конечно, мы говорим о романе «Ревность». - послышались аплодисменты — Кирилл, где же ты? — все вокруг начали поворачивать головы и искать глазами виновника.

— Твою мать — Кирилл устало прикрывает глаза. — Жди меня тут — командует он. Потом отпускает моё запястье и удаляется. Он быстро отыскивает в толпе свою спутницу и направляется к ней.

Кирилл подходит к своей заскучавшей блондинке, обнимает её за талию, улыбается и шепчет что-то на ухо. Он не хочет, чтобы его видели в моей компании. Я внезапно чётко понимаю, что он никогда не захочет быть со мной. Мы слишком разные — он с планеты харизматичных, успешных и популярных интеллектуалов, а я... я с планеты серых мышек, синих чулков. Боже, да я даже своего творчества боюсь! Уж тем более не смогла бы вот так, как он, отдать на суд людей свою книгу, часть своей души. Подгоняемая чувством безысходности, злости на себя и на него, я проталкиваюсь к выходу мимо обращённых лицами к сцене людей.

Сжав руки в кулаки, я готова, мне кажется, ударить кого-то. Мне просто необходимо выплеснуть всё это напряжение, копившееся во мне последние несколько недель. Чувства, хоронившиеся на задворках сознания всё это время, отчаянно просятся наружу.

Я оказываюсь на улице, и свежий воздух немного отрезвляет меня. Уже достаточно темно, и я внезапно понимаю, что даже адреса этого места не знаю, чтобы вызвать такси. На пути мне попадается ухоженный куст с розами, и я, не раздумывая, начинаю срывать цветы. Шипы врезаются мне в пальцы, я чертыхаюсь и закусываю губу.

— Я же сказал тебе ждать меня на месте — Кирилл подходит ко мне сзади достаточно близко, чтобы голой спиной я могла почувствовать тепло его тела. — Ты что творишь сегодня, девочка? Ты ревнуешь, мелкая? Ты в меня влюбилась? — он вопросительно изгибает бровь.

Я задыхаюсь от негодования. Да что он о себе возомнил?! Резко поворачиваюсь и с ненавистью гляжу в его лицо:

— Да я видеть тебя больше не хочу, самодовольный придурок! Ты думаешь, ты такой уникальный и интересный? Думаешь, я маленькая университетская дурочка? Влюбилась! Ха! Да я жду не дождусь, когда ты от меня отстанешь со своими встречами! С тобой скучно, ты знаешь?! — подогреваемая алкоголем и всей той лавиной крышесностных чувств, что слишком долго ждали выхода, я снимаю с ноги туфлю, которую он подарил мне вчера, и запускаю в него. Туфля ударяет его в грудь, но Кирилл даже не думает защищаться. Он бесстрастно смотрит на меня, лишь губы изгибаются в усмешке. Да он смеётся надо мной! Тогда я размахиваюсь и со всей силы бью раскрытой ладонью его по лицу. Мне просто необходимо убрать эту ухмылку, пусть даже придётся разорвать, разбить, причинить боль.

— Знаешь, не только ты скучный! — на меня нападает какой-то нездоровый азарт, и я судорожно придумываю, как бы задеть его побольнее. — Но и книги твои. Я уже давно всё прочитала. Просто тебе врал. Так вот, это просто беллетристика, а не романы! Бульварное чтиво! Тебе никогда не достичь уровня классической литературы! Ты бездарность, самый посредственный автор! Вот шумиха уляжется, все забудут о тебе и тогда... — но я не успеваю договорить, потому что выражение лица Кирилла резко меняется. Он делает быстрый шаг ко мне, и крепко хватает за шею. Сжимает меня так сильно, что я не могу вдохнуть. За шею он тащит меня вперёд и впечатывает в стену здания.

От сильного удара воздух из моих лёгких куда-то исчезает, а сделать новый глоток я не могу из-за его цепкой хватки на моём горле. Я начинаю бить руками по стене, по нему. Бью, как мне кажется, сильно, но он не отпускает. Пытаюсь разжать его пальцы, но он начинает поднимать меня над землёй, удерживая за шею. Я ощущаю панический страх из-за невозможности сделать глоток воздуха. «Отпусти» — беззвучно говорю я одними губами. Смотрю в его лицо. Он так близко ко мне. Его глаза горят огнём бешенства, я вглядываюсь в его зрачки, расширенные от возбуждения и гнева.

Отсутствие кислорода в мозге внезапно даёт какую-то лёгкость и отрешённость. Перестаю сопротивляться и просто смотрю в серые омуты его глаз. Я полностью в его власти. Как это ни странно, но быть в такой нездоровой зависимости от него в эту секунду кажется очень... приятно?... Закрываю глаза и перестаю сопротивляться. Вдруг, его пальцы разжимаются. Судорожно делаю глубокий вдох и скольжу вниз по стене. Кирилл подхватывает меня, вжимая всем телом в холодную поверхность. Ощущаю его сильное тело

рядом со своим, и дикая волна возбуждения прокатывается по мне, концентрируясь влажным, горячим томлением внизу живота. Я так давно ждала его прикосновений. Адреналин, алкоголь, злость и возбуждение накатывают на нас. Он фиксирует моё лицо в своих руках и прижимается своей щекой к моей. Я могу почувствовать его аромат, и этот чудесный запах дурманит моё и так затуманенное сознание. Кирилл подносит свои губы вплотную к моему уху, так, что я могу слышать его прерывистое дыхание. Он шепчет мне:

— Эротическая асфиксия. — ещё никогда не слышала такой странной одержимости в его голосе. — весьма возбуждает, правда?

Что? О чём он говорит? Непонимающе смотрю на него. Лицо Кирилла кажется совершенно незнакомым. Таким я его ещё ни разу не видела. Глаза горят, лицо исказила гримаса гнева и желания.

— Попроси прощения, Кира. — шепчет он мне на ухо, обдавая меня горячим дыханием. — Ты же обманула меня, девочка?

— Прости меня... — мой голос, охрипший и какой-то чужой.

— Повторяй за мной: «прости, что я оскорбляла тебя и была маленькой врунишкой. На самом деле я была послушна и книги твои ещё не читала.» Повтори. — его голос ласковый, почти нежный. Я не могу соображать и от смеси страха и бушующего возбуждения становлюсь податливой и сговорчивой. Повторяю его приказ слово в слово. Больше всего мне хочется оказаться от него подальше и одновременно быть с ним так близко, как только возможно.

Кирилл гладит меня по голове, очень нежно прижимает к себе. Кожа на моём теле горит. Сердце в груди танцует какой-то странный отчаянный танец. Внезапно я обнимаю его в ответ, не обращая внимания на ноющую боль в шее. Он утешает меня какими-то ласковыми словами, прижимает к себе как маленького ребёнка. Сквозь слёзы я неразборчиво говорю ему в грудь:

— Кирилл, ты же чуть не задушил меня... — сказав это вслух, я вдруг понимаю весь ужас ситуации.

— Неправда. — мне кажется, или его голос звучит как-то неуверенно? — Я контролировал ситуацию.

— Что на тебя нашло? — мне страшно услышать его ответ, но, кажется, я уже знаю его.

— Я же просил меня не злить. — слышу боль в его словах.

Кажется, что он и сам не до конца осознаёт то, что только что натворил. Он делает глубокие вдохи, будто только что пешком взбежал по лестнице на десятый этаж.

— Понимаешь, — он на секунду замолкает, подбирая слова, — Я... я не могу по-другому. — он напрягается и каменеет в моих руках. — Я пытался этого избежать. Честно. — он что, сейчас оправдывается?!..

— Пойму, если ты больше не захочешь меня видеть. — хрипло продолжает он, уткнувшись лицом в мои волосы. — Пойму, но не смогу разрешить тебе уйти. Теперь уже не могу. Теперь ты моя.

Кирилл

Когда мы сели в такси, зазвонил мой телефон. Это была Лёля, моя спутница. Трубку брать не хотелось. Но настойчивая трель стала раздражать, и я ответил:

— Кирилл, — услышал капризный голос девушки. — Ты что, только что бросил меня одну на вечеринке? Ты куда делся?

Не поведя бровью, соврал:

— У меня возникли срочные дела, пришлось уехать. — старался говорить тихо, чтобы не потревожить Киру, которая прикрыла глаза, положив голову на спинку сиденья. — Тебе вызвать такси? — поинтересовался я.

— Да я сама могу. — недовольно сказала девушка. — Я думала, что мы сегодня сможем хорошо провести вечер. Ну как раньше, ты помнишь? — она перешла на соблазнительный шёпот.

— Да, я тоже. — вздохнул. Говорить с этой пустоголовой блондинкой сейчас совсем было некстати. — Но никак не могу. Дела.

— Нуу, малыыыш... — она капризно тянула гласные. Сразу представилось её глупое смазливое лицо с надутыми недовольными губами. — Я так соскучилась...

— Лёля, не могу сейчас говорить. — я постарался свернуть разговор.

— Я — Лина, придурок! — внезапно оскорбилась она. — Лёля — это моя подруга!

— Извини. — блин, эти блондинки с силиконовыми мозгами были все на одно лицо. Слово «детка» было очень удобным — оно избавляло от необходимости запоминать их приторные имена.

— Больше мне не звони! — прокричала она в трубку и отключилась.

Вполне довольный отсутствием необходимости продолжать беседу я убрал телефон в карман.

— Дела, значит? — рассеянно сказала Кира, не открывая глаз. — Твоя спутница тебя потеряла?

— Это неважно. — какого чёрта эта Лёля, или как там её, позвонила так не вовремя!

— Ты потом вернёшься за ней? — уточнила девочка. Она продолжала упрямо игнорировать мой взгляд, хотя я видел, что она уже открыла глаза и теперь с нарочитым вниманием разглядывала поверхность сиденья.

— Нет. — отрезал я.

— Кирилл, — она вздохнула. — Скажи, зачем я тебе?

Ох, чёрт. Девочка, если бы ты только знала ответ на этот вопрос, мигом бы остановила машину и убежала прочь.

— Ты же моя ассистентка. — решил пошутить я, не найдя нужных слов. — Я за тебя в ответе.

— Хватит уже всей это брехни про твою профессиональную заинтересованность! — внезапно вскипела она. — Хоть раз скажи мне правду!

Я взял её упрямое лицо в свои руки и приблизил к себе. Она так замечательно пахла.

Закрыв глаза и попытался представить, как бы всё могло быть, если бы я не был собой. Между нами было что-то неуловимо откровенное. Она дополняла меня. А я странным образом дополнял её. Но, к сожалению, я знал, что конечная цель была для меня важнее мимолётного увлечения.

— Если я скажу тебе правду, то ты от меня убежишь. — наконец прошептал я. — Но обещаю, что однажды я тебе всё расскажу.

Она удивлённо заморгала. Наверное, не знала, что ей думать. Твою мать, она, видимо, считает, что я какой-то одержимый сексуальный маньяк. Люблю издеваться над женщинами. Но в этот раз было не совсем так.

До этого эксперимента с Кирой я никогда не ощущал потребности физически подавлять женщину. Конечно, и раньше мне, как и любому мужчине, нравилось ощущать власть над женщиной, её покорность в постели. Чувствовать трепещущее тело, не способное ни справиться с тобой, ни оттолкнуть. Податливое и стговорчивое, тело, которым ты обладаешь и проникаешь, доставляя удовольствие и немного боли. Боль всегда делала удовольствие только ярче.

Я молчал, погружённый в свои мысли. Что я мог сказать ей? Ровным счётом ничего ободряющего. От этого мне становилось противно от самого себя.

Вспоминал события этого вечера. Её упорное желание обратить на себя моё внимание. Чёрт, именно из-за этого всё пошло не по плану! Я позволил себе то, в чём теперь так раскаивался. Просто не смог оторваться от неё. Такая хрупкая и милая девочка. Она настолько испугалась, что я чувствовал дрожь во всём её худеньком теле. Мне было тошно от себя. Отвращение сковало меня, но я должен был стерпеть. Повторял себе, что всё это делаю не я, что мне это никакого удовольствия не доставляет. Но я врал себе. Кем бы я ни был в тот момент, когда мои пальцы сжались на её горле, впечатав в стену, мне это понравилось. Ощущение безграничной власти опьяняло, лишало рассудка. Теперь я мог понять героя моего романа. Да, в этот момент я всё понял.

После близкого знакомства с разными, очень разными и непохожими друг на друга женщинами, я окончательно убедился в мазохистской природе удовольствия женщин. Им нужно чувствовать власть над собой, большинство из них не может расслабиться без ощущения этой власти, которая, словно приговор, лишает их необходимости принятия решений. Когда решение принято кем-то, то и ответственность за него несёшь тоже не ты. Необходимость нести ответственность за удовольствие прочно засела в голове большинства женщин. «Ты должна быть хорошей девочкой», «Ты не должна быть доступной», «Хочется секса — значит ты шлюха», «Будь скромной», «В этой позе нельзя» — все эти запреты неммым укором прочно поселились в подсознании женщин, укоренились в течении многих веков мракобесия и дали свои плоды. Плоды в виде закомплексованности и невозможности получать легитимное удовольствие от секса. Ох, я бы мог быть феминистом, если бы не был агрессором.

Я задумался об этом феномене женской психологии, изучая популярные ныне женские любовные романы. Почему большинство героев этих романов — грязные и brutальные подонки, которые вертят главными героинями и так, и сяк? При этом женские персонажи влюбляются в этих отбросов. Вот парадокс.

Конечно, я, как писатель, не мог обойти стороной тему подчинения. Очень мало

мужчин открыто рассказывают о своём опыте подчинения женщин. Я сейчас говорю об обычных женщинах, никогда не имевших дело с ДС отношениями. Тем более, отношения в стиле БДСМ являются лишь игрой. Любой состоящий в этих отношениях может добровольно выйти из них, или сказать «стоп слово», чтобы охладить пыл любовника. Меня же интересовало полное поглощение личности. Когда подчиняющийся добровольно переступает через свои лимиты, чтобы угодить тебе. Не это ли полная власть?

Я понимал, что власть может стать сильнейшим наркотиком, стоит хоть раз пустить её по венам. Но я обязан был попробовать. Не мог иначе. Дело в том, что смысл моей жизни — это мои книги. А пишу я только о том, что испытал сам. Почти никто не знает, что абсолютно всё, что происходит с героями моих романов — чистейшая правда. Все события не плод неуёмного писательского воображения, а реальные ситуации, происходившие со мной.

Когда я пишу новую книгу, я становлюсь героем своего романа буквально, не только в воображении. Я записываю все диалоги по реальным разговорам, персонажей — по настоящим людям. Даже ношу с собой включенный диктофон, чтобы потом проще было всё воскресить в памяти. Впуская этих попугачиков в свою жизнь, я перестаю управлять своим телом, открывая дверь в самую суть себя, давая им напрокат свой разум. Кто-то скажет, что это сумасшествие, но кто вы, чтобы судить меня? Никто никогда не думает, какие жертвы приходится приносить на алтарь творчества художникам и писателям? Свою душу, своё тело, свой разум. Я принёс всё сразу.

Не заметил, как такси затормозило около дома моей девочки. Я расплатился и вышел, чтобы открыть ей дверь. Она вышла и застыла около машины. Девочка не смотрела мне в глаза. Потом она вздохнула и, не говоря ни слова, повернулась ко мне спиной и зашагала в сторону подъезда.

— Я скоро тебе позвоню. — сказал я ей вслед.

Она застыла. Обернулась и наконец взглянула на меня. Этот её взгляд пронзил меня до самого сердца.

— Кирилл, — начала она. — Пожалуйста, не надо. Оставь меня в покое. — её голос звучал безжизненно и жалобно.

— Извини, но не могу. — ответил я, стиснув челюсти. Действительно, давать задний ход было уже чертовски поздно. Я уже начал писать свою историю и теперь ничто на свете не могло меня остановить. Каждой истории нужна концовка, неважно, насколько горькой она будет.

Кира лишь вздохнула. Наверное, она теперь боялась со мной спорить. Мне захотелось взять её за руку, притянуть к себе. Когда я сделал шаг навстречу, она в ужасе попятилась. Я так и застыл с протянутой ей навстречу рукой. Девчонка быстро развернулась и побежала к подъезду. Так и стоял, смотря ей вслед, пока её обнажённая спина не скрылась за дверью.

Сел обратно в такси и назвал свой адрес. Почему в моей жизни всё постоянно идёт не так? Мой талант порой требовал слишком большую плату. Я будто заключил какую-то сделку с дьяволом. Он дал мне дух писательства, а я взамен продал свою душу.

С новой книгой было непросто. С самого начала я знал, что для успеха мне нужно было выбрать объект исследования, некую неопытную душу, которая, к сожалению, в итоге должна была сгореть вместе со мной. Потеряться в тёмных аллеях строк, чтобы потом воскреснуть свежими чернилами на новой бумаге. Именно в поисках музыки для своего нового романа я согласился тогда на лекцию в университете. Увидев Киру в первый раз, я сразу

понял, что эта она. Это было ясно по тому, как она смущённо опускала взгляд, не желая возражать мне, по лёгкому румянцу на её щёчках. Однако, не взирая на неотвратимость её участи, я всё же попытался уберечь её, спасти, оттолкнуть. Не получилось. Она слишком покорно велась на все провокации.

Всё это время я будто затаившийся во тьме хищник выжидал момент, когда она будет готова сама пойти ко мне в лапы. Провоцировал её. И этот момент наступил на вечеринке. Я видел все её чувства так же явно, как отчаянно она пыталась скрыть их от меня. Затягивая узел крепче, я ждал, когда она порвётся. Однако её слова, сказанные сгоряча, так сильно задели меня, что от хвалёного самоконтроля не осталось и следа. Нет, всё пошло совсем не так — она должна была до поры до времени не встречаться с моим внутренним попутчиком. Но он внезапно просто слетел с катушек.

С ужасом вспомнил, как вдавил её тело в стену. Её спина была обнажена, и от её дерзких слов мне внезапно захотелось сделать ей больно. Так, чтобы она могла почувствовать хотя бы частицу той боли, с которой я мирюсь каждый день. На мгновение я перестал контролировать себя от гнева и возбуждения и сдавил со всей силы пальцы на её шею. Она бестолково пыталась отвести мою руку, но я не чувствовал её ударов. Секунда — и она перестала сопротивляться. Тогда во мне как будто сработал выключатель, и, быстро поднимаясь из душной темноты подсознания, вернулся писатель. Демона же загнали обратно в темницу.

Я попытался успокоить её. Сказать правду я не мог. Правда бы только сильнее испугала её, поэтому я решил сослаться на некую психологическую проблему. Это простое объяснение, видимо, устроило её. Мне было тошно от себя, я не знал, можно ли теперь что-то исправить.

Всю дорогу домой Кира вела себя очень послушно, что пугало меня даже больше. Она не протестовала и не пыталась убежать. Мне показалось, что я что-то сломал в ней этим вечером, и она никогда не будет прежней. Однако, как бы я ни сокрушался из-за своей несдержанности, мой внутренний демон потирал руки. Он был готов к следующему шагу.

Кира

Я оставалась дома три дня. Когда декан позвонил и напомнил о необходимости прийти в университет регистрировать новых студентов, я соврала, что подхватила простуду. Я не могла выйти на улицу не только из-за синяков, которые теперь украшали мою шею, спину и запястья. В попытке скрыть их мне бы пришлось надеть кофту с высоким горлом, что, конечно же, весьма странно в августе. Но не телесные повреждения стали причиной моего самозаточения дома. Я ощущала полнейшее опустошение и апатию ко всему на свете. Мне хотелось вечно лежать за закрытыми шторами в полумраке. Ни о чём не думать и не вспоминать. Не вспоминать свои глупые надежды и страшные последствия, к которым привела моя наивность.

Кирилл не писал мне три дня. Я не хотела больше его видеть. И не только потому, что боялась его. Нет, не в этом была причина. Я боялась себя и тех странных, будоражащих и нелогичных чувств, которые он во мне вызывал. Боже, да я готова была отдаться этому мужчине прямо там, в саду, возле стены, около которой он чуть не придушил меня в порыве гнева и страсти. Я должна была бежать оттуда, сверкая пятками, а вместо этого я обнимала его и жаждала его утешений. Я просто сошла с ума и не могла контролировать своё тело, когда находилась рядом с ним. Нет, я больше не могу допустить нашего сближения.

Сообщение от него пришло на третий день: «Мне нужно с тобой встретиться.» Проигнорировала и продолжила своё грустное одиночество. Я решила зайти в свой блог, которому уделяла последнее время не так много времени и сил, как раньше. Он всегда был моей тихой гаванью, оплотом надёжности. Я уже пожалела, что в порыве произвести впечатление на Кирилла рассказала ему о блоге. Мне не хотелось, чтобы он читал его и оставлял комментарии.

Благодаря своему популярному блогу я могла позволить квартиру в пределах Садового кольца. Конечно же, на смешную зарплату ассистента кафедры английской филологии я бы не смогла прожить в Москве. Моя мама не могла мне помогать финансово, поэтому я рассчитывала только на себя. Несмотря на душевную боль, я смогла составить небольшой забавный пост, отредактировала его и выложила. Потом я посмотрела входящие заявки рекламодателей с предложениями написать обзор или отзыв на те или иные услуги, товары и культурные мероприятия. Выбрала одно и начала составлять свой отзыв. Я долго работала, и не сразу заметила, что телефон разрывается от сообщений Кирилла — он был в беззвучном режиме. Я прочитала его нетерпеливые смс:

Кирилл: «Перезвони»

Кирилл: «Не игнорируй меня»

Кирилл: «Ты меня так наказываешь?»

Кирилл: «Я же знаю, где ты живёшь, ты помнишь?»

Кирилл: «Не заставляй меня идти на крайние меры.»

Я решила, что мудрее будет ответить на его угрозы, поэтому набрала сообщение:

Я: «Кирилл, не пиши мне больше. Оставь меня в покое. Пожалуйста!»

Он сразу ответил:

Кирилл: «Давай лучше встретимся?»

Я задохнулась от его самодурства:

Я: «Я тебя боюсь. Я пойду в полицию, если ты от меня не отстанешь».

Кирилл: «Послушай, девочка, давай решим наши вопросы по-хорошему?»

Я решительно написала:

Я: «Ты что, не понимаешь слова «нет»?! Ещё одно сообщение, и я добавлю тебя в чёрный список! Прекрати мне угрожать — нам ещё работать вместе в университете.»

После этого Кирилл мне больше не писал. Я почувствовала какое-то глупое разочарование. Поставив его на место, я почему-то не ощутила триумфа, только грусть. Ещё немного, и я бы согласилась на встречу. Именно поэтому, собрав в кулак остатки воли, я должна была разорвать эту пагубную связь. Иначе я бы полностью отдала ему контроль над своей душой, телом и жизнью. Мне почему-то казалось, что мой змей искуситель только этого и добивается. Он хочет вырвать меня из моего спокойного, устроенного рая и вручить мне знания о добре и зле. Только я не повторю ошибку Евы — я устою.

На следующий день я решила, что уже достаточно насиделась дома. Общение с Кириллом придало мне силы и решительности. Я расшторила комнату, сделала уборку и даже сварила себе ароматный кофе. Готовая к работе, я стала загружать страницу своего блога. Сначала она очень долго грузилась, а потом сайт огорошил меня: "данная страница заблокирована согласно требованию Роскомнадзора РФ". Я глупо моргала, пытаюсь осмыслить эту надпись. Тут какая-то ошибка, должно быть? Я попыталась зайти с другого браузера, несколько раз перезагружала компьютер, но результат оставался одинаковым — страница заблокирована.

Я связалась с компанией, на сайте которой публиковала свои заметки, обзоры и критические статьи. После длительного ожидания и многократных перенаправлений к другим специалистам меня наконец-то связали с менеджером. К моему ужасу, оказалось, что никакой ошибки нет, меня действительно заблокировали. Но почему же? Почему, чёрт возьми?!

Выяснилось, что вчера в компанию пришло уведомление о временной блокировке, которое у нас в стране выдаётся без суда и следствия. Я была в смятении и в панике! Что же мне делать? Этот блог был делом моей жизни, моим кормильцем и другом. Я никогда не публиковала там никаких запрещённых или экстремистских материалов, не оскорбляла ничьих чувств. Если я не придумаю что-то вскоре, мне придётся вернуться жить в общежитие или вообще уехать из Москвы.

Я написала несколько официальных писем на сайте Роскомнадзора с просьбой объяснить мне причину блокировки. Они не спешили мне ответить, но после многочисленных не совсем дружелюбных звонков с моей стороны мне наконец-то пришло официальное уведомление:

«Здравствуйте. В связи с частью 7 статьи 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 номер 149 об "Информации, информационных технологиях и защите информации" уведомляем, что Ваша страница в сети интернет на сайте livejournal.com, а также Ваш аккаунт на этом сайте были временно заблокированы в связи с поступившей на Вас жалобой о несоблюдении авторских прав. Вам необходимо удалить информацию со своей страницы, а также связаться с правообладателем, издательством "Русский дом книги", для отзыва жалобы. Только в этом случае администрация livejournal разблокирует Ваш аккаунт.»

Это что вообще за бред? Я никогда не публиковала чужие тексты у себя в блоге. Может быть, им не понравилась какая-то критическая статья, написанная мной на одну из книг этого издательства? Но я уже больше года не писала отзывы о печатных книгах, так как не любила современную публицистику.

Что это вообще за издательство такое? Я зашла на их сайт, нашла раздел «бестселлеры». Первой в списке была книга Кирилла Миронова «Ревность». Конечно, это его рук дело. Мстительный засранец!

Недолго думая, я набираю номер Кирилла. Сначала слышу долгие гудки, потом он берёт трубку.

— Получила моё сообщение, девочка? — хрипловатый голос с привычной издёвкой пробирает меня до костей.

— Кирилл, пожалуйста, прекрати преследовать меня. Это уже не шутки! Ты портишь мне жизнь, понимаешь? — моя решимость куда-то испаряется, когда я слышу его низкий властный тон.

— А я и не шутил, когда просил тебя вчера о встрече. Ты тоже портишь мне жизнь. Своим отсутствием. Я тебе всё объяснил ещё три дня назад: Я. Не. Позволю. Тебе. Уйти. — в его голосе появляются стальные нотки. — но ты опять не слушалась меня. И вот мне приходится унижаться до шантажа. Ты довольна, девочка?

— Я? Довольна ли я? Да ты издеваешься надо мной! Сначала ты втянул меня в эту нездоровую игру в ассистентку и босса, а теперь посягаешь на мою работу? — стараюсь звучать грозно.

— Ну, детка, если быть честным, твой блог был не так уж и хорош. — лениво отвечает он. — Тем более, ты позаимствовала пару моих идей в своём отзыве о выставке, которую мы вместе посещали. А я не терплю плагиата. Написано небрежно, скомкала концовку. Для меня ты лучше старалась, девочка. — он смеётся в трубку.

Я и правда упомянула некоторую часть наших совместных дебатов в своём последнем отзыве, но только потому что больше не могла ни о чём думать, кроме Кирилла.

— Что ты хочешь от меня? — я вздыхаю и закрываю глаза, представляя искажённое гневом и страстью лицо Кирилла. Таким, каким я видела его последний раз.

— Мне нравится твоя сговорчивость, девочка. — он говорит так спокойно и уверенно, будто и не сомневается в моей капитуляции. Этот его самодовольный тон ужасно раздражает!

— Конечно, при встрече с айсбергом, который уже вторгся в твою жизнь, лучше постараться прогнуться под него, — продолжает он, — иначе айсберг может пронзить своим льдом излишне упрямую плоть. — от его тихих, но с такой страстью произнесённых слов резкая и болезненная волна возбуждения прокатывается вниз живота.

— Но не беспокойся, малышка, — его слова отзываются дрожью в моем теле, — я не попрошу того, чего ты не сможешь выдержать, обещаю. Я всего лишь предлагаю сходить вместе в театр. Вполне выполнимо, правда? И ещё мне нужно, чтобы ты написала для меня небольшой рассказ. Сделай это, и я верну тебе твой маленький блог.

Ну что же, его предложение не столь ужасно. Во всяком случае, он не заставляет меня спать с ним. И я рада этому. Наверное.

— Хорошо, я согласна. — тихо отвечаю я.

— Тогда будь готова завтра вечером. Я пришлю тебе одежду с инструкциями. Сделай всё в точности, как я скажу тебе. — он понижает голос до интимного шёпота, — Хотя, ты

уже знаешь, что мне нравится, девочка. Веди себя хорошо. До завтра. — говорит он и отключается.

Ужасная усталость вдруг накатывает на меня. Ложусь на кровать и накрываюсь пледом. Я в полном бессилии. Мой мир рушится, а я пытаюсь вынести наиболее ценные вещи, пока потолок не обвалился. Я знаю, что не смогу держать себя в руках рядом с писателем. Но, в конце концов, что плохого может случиться в театре? Там же будет много людей, а в конце я просто уйду. Сбегу под предлогом, что мне нужно в туалет, и вернусь домой. Я засыпаю неглубоким и тревожным сном.

На следующий день, около девяти утра, ко мне приходит курьер с очередным пакетом. Внутри лёгкое свободное белое платье из шёлка, чуть выше колен. Юбка воздушная, и ткань разлетается от малейшего движения. Также в комплект входит шёлковый шарф, который я должна обвязать вокруг шеи. Слава Богу, никто не увидит моих синяков. Мне велено собрать волосы в хвост на макушке.

В конце записки я вижу последнее пожелание: «не надевай бельё». Что, простите? Он действительно хочет, чтобы я ходила по театру полному людей без трусов? Да он просто маньяк! Теперь начинаю понимать его слова о том, что я сама не захочу, чтобы он увидел во мне женщину. Да, он был прав — быть для него женщиной оказалось сложнее, чем я думала.

Я беру телефон и набираю сообщение:

Я: «Ты уверен в последнем пункте инструкции, босс?»

Он сразу отвечает мне:

Кирилл: «Абсолютно»

Трясущимися руками я стягиваю с себя трусики и надеваю платье. Ощущаю себя очень порочно и грязно. Необычная свобода и прохлада в интимных местах дарит новые ощущения. Мои щёки вспыхивают, когда я понимаю, что Кирилл будет думать об этой маленькой подробности весь совместно проведённый вечер. Интересно, он всех своих женщин заставляет разгуливать в таком виде? Конечно, так удобнее их брать — в любой момент, когда захочется. Чувствую себя развратной шлюхой. Выхожу из дома на нетвёрдых от волнения ногах сажусь в прибывшую машину.

Мне очень интересно, на какой спектакль мы идём? Кирилл не удосужился поставить меня в известность о том, в какой театр он меня пригласил. Видимо, чтобы я не могла зайти на сайт и уточнить репертуар на сегодня. Мне приходится пребывать в полном неведении, слепо доверяя тому, кто уже не раз не оправдывал моё доверие.

Мы ехали достаточно долго, куда-то на север Москвы. Театр, наверное, новый и находится не в центре города. Моё напряжение усилилось, когда спустя сорок минут, мы въехали в какую-то полузаброшенную промышленную зону. Тут явно не было никаких театров. Как глупо было соглашаться на эту авантюру. Он опять меня обманул!

Машина остановилась, но мне совсем не хотелось выходить. Страх сковал меня, и я будто приросла к сиденью.

— Отвезите меня обратно, — с мольбой в голосе обратилась я к водителю. Но он как в рот воды набрал. — я вас умоляю, пожалуйста! — я перешла на испуганный визг, когда дверь рядом со мной открылась, и уверенная рука Кирилла вытащила меня из автомобиля.

— Спасибо, Геннадий — обратился Кирилл к водителю — дальше я сам сопровождаю даму. — сказал он, захлопывая дверь. Водитель что-то дружелюбно ответил ему, и машина

уехала.

— Ну что, идём, девочка? — Кирилл только из любезности спросил меня, так как в это время уже тащил меня под руку ко входу в здание.

Теперь, когда я смогла разглядеть внимательней, увидела, что здание, около которого мы оказались, действительно оформлено как подобие экспериментального театра. Некое новомодное молодёжное место вроде Винзавода в центре столицы. Но это место выглядело куда более брутально и минималистично. Перед входом Кирилл повернулся ко мне, достал элегантную серебристую маску и повязал её мне на глаза. Потом надел чёрную маску на себя.

— Мы же не хотим, чтобы нас узнали, правда? — Кирилл взял меня за руку и повёл ко входу в театр.

— Кирилл, что это за место? Ты обманул меня? — я попыталась вырвать руку и остановиться.

— Нет, я тебе не врал. — внезапно он остановился и посмотрел мне в глаза. Потом подмигнул мне и улыбнулся. Открыто и задорно. Уголки его глаз чуть прищурились, и от них побежали лучики морщинок. Его улыбка была такой заразительной

— Да не бойся, трусишка. — весело сказал он, — Сегодня я не сделаю тебе больно, только приятно, обещаю.

Моё сердце пропустило удар от его слов. Он снова взял меня за руку, и я послушно переступила порог здания.

Внутри оказалось очень темно, освещение было приглушено. Иногда нам встречались другие люди — все были одеты либо в белое, либо в чёрное. В белом в основном женщины, в чёрном — мужчины. Некоторые еле заметно кивали Кириллу, как будто они знакомы. Их лица были скрыты масками. Кирилл так быстро провёл меня по затемнённому коридору, что я не успела никого толком разглядеть.

Мы подошли к двери, которая, как оказалось, вела в личную ложу — почти как в театре: выделенный балкон, отгороженный с обеих сторон стенами. С балкона открывался вид на сцену. Помещение камерное, свет приглушённый. Меня окружали холодные тёмные стены, бетон и кожа. Кирилл жестом указал мне на кресло. Немного нагнувшись вниз, я разглядела несколько рядов кресел внизу, прямо под нами. Они были расположены перед сценой и заполнены людьми в белых и чёрных одеждах.

— Так это и правда театр? — у меня немного отлегло от сердца. Я уже подумала, что он притащил меня в какой-то свингерский клуб.

— Конечно, девочка. И сейчас нас ждёт занимательная пьеса. — Кирилл как-то недобро усмехнулся. Свет начал гаснуть, я хотела было ещё что-то спросить, но Кирилл приложил палец к губам и устремил взгляд на занавес.

Когда он открылся, актёры стали выходить на сцену, но никаких аплодисментов в зале не послышалось. Наоборот, все зрители затихли, и я почувствовала всеобщее напряжение.

Удивительно, но это была достаточно вольная интерпретация Ромео и Джульетты Шекспира. Я не сразу поняла, что это за пьеса, потому что отступлений от канона было, мягко говоря, много — актёры были в чёрных кожаных нарядах, а обращались они друг ко другу исключительно по первой букве имени. Таким образом главных действующих лиц звали Д и господин Р. Примерно после двадцати минут прошедших от начала спектакля я начала понимать: что-то сгнило не только в Датском королевстве, но и во всём этом театре. В сцене, где Джульетта узнаёт, что Ромео — сын их заклятых врагов, она произнесла: «Я

воплощение ненавистной силы, Некстати по незнанию полюбила.» Господин Р вдруг поставил её на колени перед собой, расстегнул ширинку своих кожаных брюк, достал свой внушительный орган и с силой ввёл его в сопротивляющийся рот Д.

Я ахнула и дёрнулась на своём кресле. Но Кирилл схватил меня за локоть и притянул к себе. Я не смела больше дёргаться и с отвращением посмотрела обратно на сцену.

Там господин Р, совсем позабыв о сюжете пьесы, нагло имел бедную Д в рот. Она стонала и сопротивлялась ему, но он намотал её волосы на свой кулак и продолжал нещадно сношать свою партнёршу по сцене.

Моя кожа покрылась испариной, когда Кирилл положил свою руку мне на шею сзади и начал слегка поглаживать её — еле касаясь меня подушечками пальцев. Он начал немного массировать мою голову, подталкивая её то вперёд, то назад в такт движениям Господина Р во рту бедной Д. Движения Кирилла мне казались такими же властными и развратными, как и действие, происходящее на сцене.

Я прикрыла глаза, поддаваясь непреодолимой волне возбуждения, которая нарастала во мне от прикосновений Кирилла. Соски набухли под прозрачным платьем и теперь призывно оттопыривались в приглушённом свете ламп. Я облизала пересохшие губы и постаралась отключить назойливые мысли скромницы, которая настойчиво кричала мне, чтобы я встала и ушла, сейчас же, в эту же минуту.

В это время на сцене Господин Р поставил Д на четвереньки перед собой и снял ремень со своих брюк. Он хотел, чтобы она призналась ему в любви. Бедная Д попыталась сопротивляться, когда Господин решил наказать её непокорность. Он снял с неё платье и попросил «по-хорошему» в последний раз. Она отказалась подчиниться, и тогда он дал ей хлёсткую пощёчину, а потом зашёл сзади и неумолимо приказал: «Считай» — после этого он нанёс удар ремнём по её белой бархатной попке. «Один» — раздался её жалобный голос. Она всхлипывала.

Я будто сама почувствовала хлёсткий удар ремня из прошлого на своей коже. Один, ещё один, и ещё. Моя кожа покрылась мурашками. Стыд и унижение женщины со сцены передались мне, воскрешая в памяти давно забытые воспоминания. Унижение и боль тесно переплелись во мне. Жалящий стыд, стыд за наготу, за незащитность и за предательское желание, которое расползлось мокрым пятнышком на моём новом платье.

Я не могла терпеть эту изошрённую пытку. Я вся уже пылала и, как только прикрыла глаза, ощутила, как пальцы Кирилла сжали мою шею сзади. Он немного встряхнул меня и произнёс сквозь стиснутые зубы:

— Смотри, девочка. Смотри внимательно. — я бросила взгляд на своего мучителя и испугалась одержимого, маниакального выражения на его красивом лице. В такие моменты мне кажется, что он страдает раздвоением личности.

Я продолжала смотреть на сцену, моя грудь резко поднималась и опускалась от частого поверхностного дыхания. Внезапно я почувствовала ладонь Кирилла на своём бедре. Он нежно и медленно скользил вверх, вызывая спазмы внутри меня. Уже вся влажная, я испытывала стыд от своего непрошеного возбуждения. Я смотрела на порку девушки на сцене. Она уже дошла до тринадцати ударов, и её попка покрылась красными вспухшими полосами. Тут Господин Р остановился и спросил:

— Ну что, ты готова признаться мне в своих чувствах?

— Да, мой Господин — глухо и покорно ответила Д и начала свой монолог:

«Мне не подвластно то, чем я владею». — Господин Р в этот момент переместился к её

промежности, взял стек и начал ритмичные хлопки по её влажному лону. Звуки от хлюпающих хлестких ударов заполняли тишину зала.

"Моя любовь без дна, а доброта" - смачный шлепок.

"— как ширь морская." — шлепок.

"Чем я больше трачу", — шлепок. Девушка визжит от возбуждения.

"Тем становлюсь безбрежной и богаче" — он шлёпает её особенно сильно и Д бурно кончает со вскриками и стонами.

Моё сердце выпрыгивает из груди, я чувствую, как все мои складочки начинают бешено пульсировать. Кирилл как будто чувствует моё состояние, потому что резко просовывает руку мне под подол платья, дотрагиваясь средним пальцем до моего набухшего от запредельного возбуждения бугорка, в котором, как мне сейчас кажется, сконцентрировались все мои нервные окончания. Он надавливает на него средним пальцем, я вся дрожу, и с моих пересохших губ срывается громкий стон:

— Пожалуйста, я не хочу, чтобы это было так...

Но он неумолимо продолжает терзать меня, размазывая влагу по всем моим лепесткам. Меня начинает бить неконтролируемая дрожь. Кирилл склоняется к моему уху и шепчет:

— Кончай. Давай, сейчас. — его приказ звучит так властно.

Он будто нажимает на курок где-то внутри меня. Страстные пальцы не дают мне одуматься, и экстаз накрывает меня. Он такой же оглушительный, как выстрел из пистолета.

— О, да... — стону я и выгибаюсь навстречу ему, моему убийце и тирану. Сейчас есть только он и я, нет прошлого и будущего, только это мгновение всепоглощающей страсти и удовольствия. Я кончаю громко, и Кирилл накрывает свободной ладонью мой рот, заглушая мои стоны, я прикусываю его пальцы, продолжая бешено извиваться.

Когда подобие сознания возвращается ко мне, я чувствую, что Кирилл прижался своей щекой к моим бёдрам и нежно целует их.

— Хочешь, уйдём отсюда? — спрашивает он тихо.

— Да. Я хочу домой. — просто умираю от стыда и не могу смотреть ему в глаза.

Он замечает моё стеснение, берёт обеими ладонями моё всё ещё пылающее от жара лицо и произносит:

— Ты очень красивая девочка. И сладкая. Я полностью контролирую твоё удовольствие. Оно принадлежит мне, поняла? — он строго смотрит мне в глаза, — ты никогда не должна стыдиться меня, потому что ты — моя.

Мне почему-то становится легче от этих слов, которые должны были бы ещё больше унижить меня и обесценить как личность. Но, к моему удивлению, они вызывают обратный эффект. Я робко улыбаюсь ему в ответ, опустив взгляд. Кирилл немного отстраняется и произносит:

— Ну вот, теперь сможешь написать критический отзыв об этой постановке в своём блоге. Конечно, когда получишь его обратно. — он лукаво подмигивает мне и тянет к выходу.

Кирилл

Странная лёгкость овладела моим телом, когда мы с девочкой шли к выходу из театра. Чувствовали себя нашкодившими школьниками. Кира всё время озиралась по сторонам, стыдливо прикрывая рот рукой. Будто это не она несколько минут назад сотрясалась от экстаза, отчаянно лоя ртом воздух. Её щёки раздумянились, а губы теперь были алыми от возбуждения. Такой она нравилась мне ещё больше.

Около театра был припаркован мой внедорожник. Любезно открыл для девчонки пассажирскую дверь. Она застыла в нерешительности, будто раздумывая, доверяет ли мне настолько, чтобы сесть ко мне в машину. Эта её запоздалая рассудительность позабавила меня.

— Ты не думаешь, что уже поздновато?

— Для чего? — она нахмурилась.

— Решать, доверять мне, или нет. — я усмехнулся.

— Для этого никогда не поздно. — сказала она серьёзно, но от меня не укрылся лукавый огонёк в её глазах.

— Ну, если ты хочешь идти обратно пешком... — начал я, внезапно вспомнив, что на ней нет белья. Девочка слегка поёжилась, когда мой взгляд непроизвольно скользнул по её аппетитной фигурке. — то тебе нужно идти вон в том направлении. Минут через сорок выйдешь к автобусной остановке. — показал ладонью в нужном направлении и усмехнулся.

Её глаза округлились, и она замотала головой.

— Я так и думал. Садись. — скомандовал я и захлопнул за ней дверь.

Потом обогнул машину и сел на водительское место. Кира покорно сидела рядом, уже успев пристегнуть ремень безопасности. Завёл мотор и выехал на проезжую часть.

— И часто ты тут бываешь? — подала голос моя пассажирка.

— Иногда. — уклончиво ответил я.

Совсем не хотелось посвящать её в то, насколько я любил этот театр. Его владелец был моим старым другом. Когда несколько лет назад он открыл это заведение, то я сам адаптировал несколько пьес под нужды этой обители тайных пороков. В награду владелец выдал мне VIP пропуск и даже выделил отдельную ложу. Заведение пользовалось большим успехом у тех, кто предпочитал более провокационные зрелища, нежели мог предложить классический театр.

Какое-то время мы с Кирой ехали в тишине. Потом девочка вздохнула и поёрзала. Моментально представил, как её влажная и горячая плоть касается чёрной кожи сидения. Не мог отказать себе в удовольствии окинуть взглядом её чуть разведённые бёдра. Платье слегка приподнялось, и я с удовольствием таращился на её ноги, обнажённые выше колена. Гладкая кожа будто умоляла о том, чтобы её погладили.

Не замечая моего пристального внимания, девочка продолжала ёрзать. Она отвлечённо смотрела в окно. Боже мой, зачем она так делает? В области паха всё заныло от возбуждения. Я не мог сконцентрировать внимание на дороге.

— Прекрати так делать. — с предостережением в голосе начал я. — Ты меня

отвлекаешь.

Она смущённо притихла, одёрнув подол платья. Чёрт, наверное, подумала, что я — долбаный извращенец. Хотя, что-то я поздно спохватился. После нашего сегодняшнего похода в театр она, должно быть, и так уже была в этом уверена.

Чем ближе мы подъезжали к МКАД, тем плотнее становился трафик. Решил объехать пробку и свернул на дублирующую улицу. Через несколько минут мы оказались в старом спальном районе на окраине Москвы. Внезапно я узнал местность. Это были улицы моего детства. Сколько я не был здесь? Лет шестнадцать? Да, сразу после школьного выпускного я переехал в другое место.

Странно было проезжать по улицам, которые когда-то были моим домом. Действительно, ту квартиру, где я жил со своей чокнутой бабкой, я домом не считал. Именно на улице проводил большую часть своего времени.

Поддавшись странному порыву, я внезапно затормозил и припарковался возле кафе мороженого. Удивительно, что эта забегаловка всё ещё работает.

— Эй, ты что? — испуганно спросила Кира. — Я думала, ты везёшь меня домой...

— Хочешь мороженого? — поинтересовался я. — Мне вдруг жутко захотелось мороженого!

Не дожидаясь ответа, я вышел из машины и, обогнув, открыл пассажирскую дверь.

— Выходи. — сказал я.

— Эээ... ну ладно. — Кира послушно выпрыгнула из автомобиля. — Тут случайно мороженое не на теле обнажённых женщин подают? — лукаво поинтересовалась она.

— А тебе бы этого хотелось? — расплылся в улыбке.

— Ну, после сегодняшнего «шоу» я ожидаю от тебя чего угодно.

— И то верно. — взял её за руку и потянул за собой ко входу в кафе.

Внутри всё было именно таким, как я запомнил. Большой привет из СССР. Пластиковые столы и стулья, неприветливые официантки. Неужели когда-то это кафе было пределом моих мечтаний?

Вспомнил, как в детстве, мне было лет девять или десять, все одноклассники ходили сюда отмечать свои дни рождения. Меня, главного хулигана школы, конечно, никто не приглашал. Я из всех сил делал вид, что меня это ни капли не задевает, хотя в тайне мечтал, что когда-нибудь смогу позволить себе пригласить сюда своих друзей и угостить их самой большой порцией мороженого.

Пока я оглядывался по сторонам Кира заняла свободный столик. К нам подошла немолодая официантка и молча протянула меню. Удивительно, но я отлично помнил ассортимент и без него. Поэтому быстро сделал заказ.

— Нам, пожалуйста, два шоколадных молочных коктейля и две самые большие порции фисташкового мороженого с орехами, сиропом и печеньем.

Официантка коротко кивнула и удалилась. Кира перевела на меня удивлённый взгляд.

— Ты что, был тут раньше?

— Когда-то давно. — признался я. — Кажется, будто это было в прошлой жизни.

— Ты ходил сюда с родителями? — девочка испытующе посмотрела на меня.

— Нет, с родителями я сюда не ходил.

В детстве я любил приходить в это кафе в одиночестве и изучать меню. Читая его, я

почти чувствовал вкус продаваемого тут мороженого. Удивительно, но даже когда я подрос, и у меня появились собственные деньги, я так ни разу сюда и не вернулся. У меня появились другие интересы, и детская мечта так и осталась нереализованной.

Нам принесли заказ, и мы с удовольствием начали поедать огромные порции. Странно, но мороженое оказалось вовсе не таким вкусным, как я ожидал. Видимо, с мечтами так всегда. Стоит воплотить их в жизнь, и они уже не кажутся такими привлекательными.

— А я в детстве ходила в кафе есть мороженое с мамой. — призналась девочка.

— Это было лет пять назад? — не смог отказать себе в удовольствии подшутить над её возрастом. Когда встретил её впервые, то подумал, что она ещё школьница.

Кира фыркнула и забавно сморщила носик.

— Ну, вообще-то, десять. Хотя, я и потом любила посидеть с друзьями в кафе.

С друзьями. У неё, наверное, было приятное, доброе детство. С подарками на праздники, весёлыми компаниями и днями рождения. Я улыбнулся, представляя малышку Киру с задорными косичками по плечам и торчащим курносым носиком.

— Ты чего улыбаешься? — спросила она.

— У тебя мороженое на нос попало. — протянул руку и вытер её запачканное лицо.

На секунду девочка прикрыла глаза. Провёл пальцем по её щеке и заправил за ухо выбившуюся прядь волос. Её кожа была такой нежной. Захотелось поцеловать её прямо в губы.

Нахмурился и быстро убрал руку. Рядом с ней во мне просыпались какие-то странные, почти отеческие чувства. Желание защитить, уберечь. Тем более удивительно, что потом я поступал с точностью наоборот.

Какого чёрта мы вообще тут делаем? Совместный поход в кафе явно выбивался из общего плана. Мне нужно срочно взять себя в руки и прекратить вести себя как влюблённый подросток. Я знаю, чего хочу от этой девчонки. Остальное не для меня. На остальное я просто не способен.

Кира разочарованно распахнула свои огромные глаза и грустно посмотрела на меня.

— Кирилл, — тихо начала она. — Скажи, а куда ты ходил в детстве?

Я улыбнулся. Эта девчонка постоянно засыпала меня вопросами. Чаще всего я переводил разговор на другую тему. Но сейчас, поддавшись сомнительному обаянию ностальгии, решил ответить.

— Я, по большому счёту, никуда не ходил. Почти всё своё свободное время проводил на улице. Меня периодически не пускали домой ночевать, поэтому иногда я всю ночь гулял по Москве, исследовал город и его окрестности. — вздохнул. — На самом деле, это не так уж плохо — быть хозяином своей жизни, самому решать, чем тебе заниматься...

Сказав это вслух, я вдруг, понял, насколько жалко, должно быть, это прозвучало. Быстро посмотрел на девчонку. На её лице отражалась боль и сострадание. Чёрт. Это было совсем не то, что мне было нужно.

— Только не надо меня жалеть. — стиснув зубы резко сказал я. — Я был несносным ребёнком.

— Любой ребёнок достоин любви и заботы. — грустно сказала она. Потом Кира протянула свою маленькую ладошку через стол и накрыла ей мою.

Неприятное, щемящее чувство пронзило меня. Мне это совсем не нравилось. Внезапно ощутил себя потерянным маленьким щенком, которого подобрала на улице случайная прохожая. Я резко встал и спросил:

— Ты доела?

Кира кивнула.

— Тогда пошли. — схватил её за руку и потянул к выходу.

Приходить сюда было большой ошибкой. Казалось, я давно подавил в себе все ужасные воспоминания детства. И, вот, они выпрыгнули как черти из табакерки, в самый неподходящий момент.

Мы сели в машину и молча поехали дальше. Кира задумчиво смотрела в окно, пока я курил. Уже около четверти века я не позволял никому себя жалеть. Я вытравил из себя все чувства, хоть отдалённо напоминающие слабость. Простое человеческое сострадание в жестоких уличных компаниях считалось проявлением слабости, поэтому с юных лет я старался избавиться от всех ненужных и опасных эмоций. Со временем я превратился лишь в подобие человека. Вроде бы, был сделан из плоти и крови, но внутри у меня не было сердца. Я сам вырвал его, как ненужный орган. Быть бесчувственной машиной в этом жестоком мире было гораздо проще и спокойнее. И я не собирался ничего менять. Ни ради себя, ни ради кого-то другого. Даже ради этой упрямой наивной девчонки.

Чтобы избавиться от давящей тишины, я включил музыку. Приятный голос заполнил салон автомобиля. Кира улыбнулась и стала тихо подпевать.

Твою мать! Конечно же, эта, как и почти все современные песни, была о любви. Не слишком ли переоценивают это чувство, чтобы посвящать ему столько слов? Я всегда считал любовь слишком сложным феноменом, чтобы суметь вот так просто описать его на страницах своих романов. Всегда разбивал её на составляющие: вожеление, собственничество, ревность, зависть и контроль. Желание подчинить, удержать. Да, сейчас по плану романа я должен был испытывать как раз эти чувства. Нужно собраться и дальше играть отведённую роль. Больше никаких отступлений от плана.

Незаметно мы подъехали к дому Киры. Я припарковался и заглушил мотор. Девочка продолжала сидеть, не шелохнувшись. Я отстегнул её ремень безопасности, вышел и открыл ей дверь. Подал ей руку и помог выйти из машины. Девчонка не отпустила мою руку и потянула в сторону подъезда.

— Хочешь зайти ко мне? — тихо спросила она смущённо.

— Зачем?

— Ну, — она запнулась, заливаясь краской. — Можем фильм посмотреть, попить чай.

— То есть, ты уже меня не боишься? — уточнил я.

— Мне кажется, — она пожала плечами. — Ты не такой страшный, каким хочешь казаться.

Девочка подняла на меня свой серьёзный взгляд. Что-то в груди дрогнуло, когда я посмотрел в эти огромные нежные глаза цвета летнего неба. Мне нужно было срочно уехать. Остаться одному. Разобраться в своих мыслях. Но я будто прирос к месту и не мог двинуться. Эта маленькая ведьма просто околдовала меня.

Внезапно она подошла ближе и встала на носочки, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Она положила руки мне на шею и прислонилась ко мне всем телом. Я чувствовал затвердевшие вишенки сосков через тонкую ткань. Их нежное прикосновение заставило член моментально затвердеть. Чёрт. Она всегда действовала на меня как таблетка для эрекции. Прикрыл глаза, пытаюсь справиться с учатившимся дыханием.

Девочка слегка приоткрыла губы и приблизилась к моему лицу. Сейчас она меня поцелует. Если я познаю сладость её губ, этих прекрасных, нежных и таких манящих бутонов, то уже не смогу остановиться. Заклучу её в объятия и больше не отпущу. Не смогу контролировать себя. И наша горько-сладкая история закончится, не успев начаться. Я никогда не смогу закончить нашу книгу. Книга. Не ради неё я всё это затеял? Всё должно было быть не так!

Сделав над собой невероятное усилие, я мягко отстранился от неё. Кира удивлённо заморгала.

— Имей терпение, девочка. — сказал я и выдавил ухмылку.

Она обиженно прищурила глаза и потупила взгляд. Потом сняла свои руки с моей шеи и отошла. Я снова мог спокойно дышать. Снова контролировал ситуацию. Однако отчего-то этот факт совсем не радовал. В душе было пусто и тихо. Она повернулась и зашагала к подъезду. Почему-то мне смутно казалось, что я что-то упускаю. Только никак не мог понять, что именно.

Кира

Я закрываю глаза и мысленно перемещаюсь в пространстве и времени. Я снова оказываюсь в кожаном кресле, а руки Кирилла гладят мои бёдра. Тогда в театре он не принуждал меня в прямом смысле слова, но почему-то я чувствую себя использованной. Возможно, виной этому мой въедливый, привыкший всё анализировать разум. Надо просто отключить его и дать самой себе разрешение на удовольствие. Почему всегда после встреч с этим мужчиной я чувствую себя так гадко?

Мы даже не целовались с ним ни разу. В тот день, когда он подвёз меня домой, мне показалось, что его броня дала трещину. Этот новый, необычайно уязвимый Кирилл поразил меня. Так сильно хотелось показать ему, что он не один в этом мире. Что он не обязан жить вот так, ожесточившись. Но как только я дала почувствовать ему своё сострадание, в его голове будто что-то перещёлкнуло. И он снова надел свою непрошибаемую максу циника.

Помню свою отчаянную попытку поцеловать его. Какой позор! Он был так холоден и отстранён. Будто между нами была невидимая стеклянная стена. Я была по одну сторону, а он — по другую. Честно говоря, я всё ещё сомневалась в его интересе ко мне. Красоткой я точно себя не считала. Милой — возможно, но красивой в классическом голливудском понимании этого слова — точно нет. Я ненавидела свой слишком курносый нос, вечно бледную кожу, которая никогда не покрывалась приятным загаром — просто краснела под солнцем. Почему он выбрал именно меня, имея возможность заполучить любую? В этом его выборе я угадывала какой-то нездоровый, извращённый интерес к моей персоне, который явно не мог закончиться фразой: "и жили они долго и счастливо". В нашем случае возможно лишь: "и жили они долго и счастливо, пока он не задушил её в порыве ярости". Да, вот такое окончание отношений как раз про нас.

Любая умная девушка на моём месте поспешила бы сбежать, скрыться от этого невыносимого мужчины. Но я умной, видимо, не была. Мои ноги прирастали к земле, каменя от его взгляда будто повстречалась с Медузой Горгоной. Я была абсолютно уверена в его неменяемости, опасной властности и чувственной пронизательности. И теперь я точно знала, что без памяти влюблена в этого мужчину. Да, я больше не хотела себе врать. Я ненавидела себя и презирала за безволие, но не могла ничего с собой поделать. Он задел такие струны моей души, что я приняла его целиком, со всей той болью и страданием, которые он мог мне принести. Я знала, что Кирилл никогда не должен узнать о моих истинных чувствах. Узнав о них, он сможет делать со мной всё, что захочет. Мне не хотелось дарить ему столько власти над собой.

Когда я закрывала глаза, то перед моим внутренним взором вставал его образ. Когда я вспоминала о его длинных и умелых пальцах, сладостная истома поселялась внизу живота, а удовольствие влажным соком разливалось между ног. Я чувствовала предательское покалывание в тех местах, где он дотрагивался до моей кожи. Раньше я никогда не испытывала такого безумного влечения к мужчине.

Я не была девственницей, однако и особенно опытной тоже не была. Мой первый парень, с которым мы встречались в выпускном классе школы был вполне симпатичным. Мы

нравились друг другу внешне, но на этом взаимный интерес заканчивался. Он мечтал поступить в вуз в родном городе и до последнего надеялся уговорить меня остаться. Но я ощущала себя птицей в клетке и яростно мечтала улететь в столицу.

Между нами не было химии, поэтому первый сексуальный опыт получился неловким. Сначала всё шло хорошо. Мы страстно целовались, и я думала, что готова к продолжению. Он сделал мне немного больно от проникновения, но это странным образом больше возбудило меня. Как будто я понимала, что наши отношения — фальшивка, а боль добавила им некоторую грубую естественность. Но, к сожалению, всё закончилось, не успев начаться. Не получив удовольствия, я немного разочаровалась и в своём кавалере, и в интимных отношениях в целом.

Мы расстались после выпускного. Я поехала в Москву устраиваться, а он так опечалился моим отъездом, что даже не пришёл проводить меня на вокзал. Я так была рада своей свободе, что отсутствие моего парня в числе провожающих не сильно ударило по самолюбию.

Ещё был один опыт с парнем на втором курсе, когда мы отмечали экватор. Это был старший брат моей одногруппницы — красивый и широкоплечий спортсмен. Я была так пьяна, что даже не особенно запомнила всего того, что между нами произошло и окончательно пришла к выводу, что случайные связи — это не для меня.

Исходя из своего прошлого опыта, я даже не предполагала, что можно хотеть кого-то так отчаянно, больно и яростно. Когда твоё желание начинает диктовать тебе, как поступать, а страсть настолько застилает пеленой рассудок, что ты уже не можешь отличить хорошее от плохого и даже самые ужасные действия объекта твоего вождения ты оправдываешь и встаёшь на его сторону.

Кирилл позвонил мне через несколько томительных дней и предложил сходить вместе в ресторан, чтобы он мог более подробно изложить мне суть своего последнего задания.

Я понимала, что слишком сильно захочу оказаться с ним где-нибудь в туалете ресторана, поэтому предложила вместо этого погулять по Старому Арбату. Я не хотела, чтобы наша первая близость случилась в туалете, машине или ещё в каком-то общественном месте, поэтому пыталась обезопасить себя как могла. Меня немного пугали перепады в его настроении, и я не хотела стать безвольной заложницей ситуации, как тогда в театре.

Он прислал мне платье. Опять. Но я не могла отделаться от ощущения собственной продажности, поэтому предпочла одеть собственную одежду. Любой другой мужчина сделал бы комплимент при встрече, одарил восхищённым взглядом, но Кирилл лишь сложил руки на груди, в то время как его брови хмуро сдвинулись к переносице.

— Где платье, которое я тебе прислал? — он недобро осмотрел меня.

— А где "привет", или "рад тебя видеть"? — я попыталась улыбнуться и разрядить обстановку.

— Не хочу тебе врать. — он подошёл ко мне вплотную, — больше так не делай, ясно? Мне важно, чтобы ты была послушна. — процедил он сквозь зубы и закрыл глаза, будто я причинила ему боль — Во всём без исключения. — он требовательно посмотрел мне в глаза. Я не выдержала этого испытания и опустила взгляд.

— Хорошо, я поняла тебя. — тихо ответила я.

— Я рад. — его голос смягчился.

Мы шли по вечернему Арбату, и Кирилл рассказывал мне удивительную лекцию об архитектуре, истории создания многих зданий и о непростых судьбах их владельцев. Мы подошли к какому-то ресторану, и Кирилл предложил зайти. Я в ужасе отказалась.

— Что, девочка, не хочешь оставаться со мной наедине? — он усмехнулся.

— Да, не хочу — я немного покраснела, вспоминая, что произошло прошлый раз, когда мы остались только вдвоём.

— А я думал, ты уже не боишься меня? — он подошёл ближе, слишком близко ко мне. Я немного попятилась назад, отступая в темноту переулка.

— Я не боюсь тебя. — я с вызовом посмотрела ему в глаза — я боюсь себя.

— Не боишься меня, значит? — он продолжил наступление.

Я почувствовала его внезапный азарт, будто в моих словах он уловил некий вызов.

- Ты думаешь, что людное место более безопасно для тебя? Что здесь я не смогу до тебя добраться? — при этих его словах я отступила ещё на два шага и упёрлась спиной в стену здания.

— А ты сперва догони меня — я улыбнулась с вызовом, потом резко уклонилась от него в сторону и побежала вперёд, по тёмному переулку обратно к людному Арбату. На секунду мне показалось, что я успею добежать до безопасной, освещённой улицы, но в этот момент сильная рука схватила меня сзади за талию. Кирилл сгрёб меня в охапку и потащил обратно во тьму, всё дальше и дальше. Когда мы оказались под аркой в узком проходе между домами, он резко поставил меня на землю. Пригвозждая лицом к стене, завёл сопротивляющиеся руки за спину.

— Мне кажется, что сегодня наше привычное общение началось с неправильной ноты. — одной рукой Кирилл удерживал мои руки, а другой впился в волосы на затылке, сжал их и впечатал меня щекой в стену. — ты сегодня слишком дерзкая, девочка. Мне кажется, или ты пытаешься меня провоцировать? — я пыталась вырваться, но он удерживал меня мёртвой хваткой. — Я преподам тебе урок. Всего один раз, но так, чтобы ты навсегда запомнила, что я очень легко поддаюсь на провокации.

— Кирилл, отпусти меня! Что на тебя нашло? Рукам больно! — мне стало реально страшно, когда он прижался ко мне всем телом, и я почувствовала поясницей его возбуждение. О, Боже, что он собирается делать, больной ублюдок?!

— Пожалуйста, не тут, пожалуйста!.. — я громко всхлипнула.

Мои волосы выбились из причёски, слёзы подступили к глазам и теперь скатывались по щекам, размазывая тушь.

— Ты же сама меня заманила сюда. Или маленькая глупышка думала, что центр города не может быть малолюдным? — я ощущаю его хриплое возбуждённое дыхание на своей шее, от чего она покрывается мурашками.

— Сегодня я тебя накажу, потому что ты давно на это напрашиваешься. — он провёл языком по моей шее. Потом поднялся к щекам и слизнул мои слёзы — какая ты вкусная. Знаешь, девочка, я не мыл свой палец целый день после того, как трогал тебя там — так вкусно он пах тобой. Я вспоминал во всех подробностях, как ты боялась и стеснялась своего возбуждения, но всё равно ничего не могла с собой поделать и отчаянно кончила по команде как маленькая распутница.

От его грязных слов я начинаю увлажняться, а все мои лепестки набухают и пульсируют. Я пытаюсь сдвинуть ноги, чтобы он не заметил моего возбуждения, но Кирилл

резко разводит их своим коленом. Он властно сжимает моё бедро, продолжая удерживать руки в болезненном захвате, поднимается пальцами выше, задирая платье до талии.

— Ах... — я всхлипываю и ещё раз пытаюсь вырваться, когда волны предательского удовольствия разливаются по моему животу.

Кирилл стремительно проникает ко мне в трусики спереди и резко тянет на себя, вжимая в мою попку свой твёрдый орган.

— Не пытайся скрыть, девочка, я давно знаю, как сильно ты увлажняешься в моём присутствии.

— Я умоляю тебя, пожалуйста — задыхаюсь я.

Он начинает требовательно водить пальцем по моему пульсирующему клитору. Наэлектризованные волны удовольствия остро пронзают всё моё тело. Я начинаю стонать вперемешку с громкими мольбами — Кирилл, я не хочу здесь, не делай этого, прошу...

— Ты слишком много болтаешь. — он оттягивает мои трусики, рывком тянет их в сторону, и я слышу звук рвущейся ткани.

Он избавляет меня от белья. Через секунду он нажимает рукой на мою челюсть, заставляя рот непроизвольно открыться, и заталкивает трусики мне в рот. Моё сердце готово выпрыгнуть из груди. Я задыхаюсь от негодования и пытаюсь кричать даже сквозь кляп.

— Надеюсь твоя узенькая дырочка готова немного расшириться для меня. Я не могу больше ждать. — я слышу его сумасшедшее сбивчивое дыхание, — Сегодня я возьму тебя в наказание. Для себя. Потерпи, девочка — я слышу звук расстёгивающейся ширинки и уже ощущаю, как его большая твёрдость упирается мне в попку.

Я инстинктивно изгибаюсь ему навстречу. Страх, беспомощность и боль яростным кнутом подстёгивают моё запредельное возбуждение. Ещё чуть-чуть и он возьмёт меня прямо здесь, в переулке, как какую-то грязную шлюшку. Последняя мысль ярким всполохом пронзает моё сознание, возвращая к реальности, я кричу и брыкаюсь изо всех сил... Как вдруг мы оба слышим шум мужских голосов, раздающихся откуда-то со стороны улицы:

— Эй, Санёк, смотри, там кто-то есть!.. эй, вы что тут делаете? — я слышу сбивчивую пьяную речь.

— Я же тебя говорил, что там кто-то кричал. Эй, девушка, вам нужна помощь?! — слышу, как шаги мужчин сначала замедляются, а потом приближаются к нам.

Я чувствую, как Кирилл ослабляет хватку и одёргивает мою юбку. Я, немного пошатываясь и оступаясь, отхожу от стены. С ужасом представляю, как, должно быть, жалко выгляжу сейчас: заплаканная с всклокоченными волосами, тушь размазана по лицу. Пытаюсь трясущимися руками вытереть лицо, когда чувствую руку Кирилла на своей спине. Он, как ни в чём не бывало, застёгивает ширинку и разворачивается лицом к компании парней:

— Всё в порядке, ребята — он говорит сухо и сдержанно — мы — молодожёны, страсть взяла верх, с кем не бывает?

— Что-то не верится, чувак? Покажи, где кольцо. — парень настроен воинственно.

— Ты что тут удумал, козёл? Девушка, вы в порядке — заглядывает другой через плечо Кирилла.

Я с ужасом понимаю, что вся трясусь и не могу вымолвить ни слова.

— Она в порядке — твёрдо произносит Кирилл, а я вижу, как его ладони сжимаются в

кулаки.

— Слышь, Санёк, да он весь в татухах. Сидел что ли? — парни начинают наступать на нас.

— А что, если да? — слышу злобное веселье в голосе Кирилла.

— Да терпеть не могу вас, зеков, зачем вас вообще выпускают? Гнили бы себе там на нарах, нечего вас к нормальным людям подпускать. — слышатся одобрительные смешки его дружков — Пошли с нами, малышка, мы тебя не обидим. — парень подходит совсем близко к Кириллу, а я прячусь за его широкой спиной.

Я в панике, ведь этих парней трое, а нас двое — хотя, меня можно и не считать, наверное.

— Ребята, со мной всё в порядке, правда. — я стараюсь, чтобы мой лепет звучал уверенно.

— А что тогда кричала, будто тебя насилуют — с издёвкой говорит один из троицы.

— Я... я... мне просто нравятся острые ощущения... — я задыхаюсь от волнения. — Нет, правда, спасибо за помощь, но я сама хотела, так что всё по согласию — Говорю я, отчаянно надеюсь, что эти заверения их усмирят.

— Ладно, Санёк, пошли отсюда, вроде нормально всё. — двое друзей пытаются оттащить своего более пьяного соратника назад.

— Ладно, хрен с ней. — он разворачивается и, пошатываясь, направляется к друзьям, и тихо произносит — Шалава, видимо сама напросилась. Поделом ей.

Дальше всё происходит как в замедленной съёмке. Кирилл резко бросается вперёд, разворачивает парня и ударяет ему лбом в нос, слышится хруст костей. Пьяный хватается за нос одной рукой, а другую заносит для ответного удара, когда Кирилл одним точным выпадом бьёт его в солнечное сплетение. Парень беззвучно открывает и закрывает рот и падает на землю.

Слегка опешившие друзья бросаются на помощь товарищу, и я успеваю только ахнуть, когда они вдвоём нападают на Кирилла, я инстинктивно зажмуриваюсь и слышу звуки борьбы. Когда открываю глаза, то вижу, как ещё один парень согнулся и держится за разбитую губу, а третий закрывается от яростных ударов Кирилла, который двигается точно и уверенно. На его лице я вижу ужасающую гримасу злорадного веселья.

— Хватит! — кричу я изо всех сил. — Пожалуйста, прекрати! — я подбегаю и хватаю его за занесённую руку. Он вздрагивает и останавливается. — Давай просто уйдём. Наверное, кто-то вызвал полицию... — я слышу нарастающий гул голосов где-то неподалёку. Я тяну Кирилла изо всех сил, — пошли, скорее!

Он поддаётся на уговоры, и вот мы бежим по ночным улицам Москвы, бежим не оглядываясь. Моё сердце сейчас выпрыгнет из груди, а когда боль в правом боку становится нестерпимой, я останавливаюсь. Кирилл тоже останавливается и тяжело дышит. Я смотрю в его бледное лицо и ужасаюсь синякам и кровоподтёкам. Я подхожу к нему и беру его за руку. Костяшки его пальцев превратились в кровавое месиво.

— Кирилл, тебе нужно в больницу. Мне кажется, тебе потребуется наложить швы. — мой голос дрожит, я в каком-то оцепенении.

— Да, тот здоровяк хорошо меня приложил. — голос Кирилла звучит задорно и весело.

— Зачем? Скажи, зачем ты это сделал? — я с мольбой смотрю в его глаза. Взгляд его серых глаз заостряется и становится суровым:

— Я никому не позволю тебя оскорблять.

Внезапно Кирилл пошатывается, делает несколько шагов назад и прислоняется спиной к стене здания. Он пытается сделать глубокий вздох, но боль пронзает его грудную клетку. Его губы кривятся.

— Кирилл, что с тобой? — подбегаю к нему и пытаюсь определить, где ему больнее всего.

— Ничего страшного. — задыхаясь произносит он, — Давай просто вызовем такси и поедем ко мне. Нас остановили на самом интересном месте. — он пытается обнять меня, но каждое новое движение отзывается болью.

Я вызываю такси и прошу отвезти нас в ближайшую больницу под недовольное бурчание несогласного Кирилла, который почти отключается от боли у меня на руках.

Когда мы оказываемся в больнице, его сразу уводят на осмотр хирурга. Сонный мужчина пенсионного возраста в кабинете оказывается дежурным врачом приёмного покоя. Он придирчиво осматривает меня с головы до ног и хмыкает:

— Какой бойкий клиент попался, да?

Я готова провалиться сквозь землю. Конечно же, я похожа на проститутку, на кого же ещё. Частично порванное платье, размазанная косметика, волосы торчат в разные стороны. Вид у меня, видимо, весьма потасканный.

— Он никакой не клиент. Он... он мой парень. — я стараюсь сохранить невозмутимый вид.

— Ну да, конечно. — врач с усмешкой смотрит на меня. — значит, сможете заполнить документы на своего «парня»? — он делает особенное ударение на последнем слове — Фамилия, имя, отчество и дата рождения?

— Кирилл Миронов, ему 34 года. Или 35. - я нерешительно переминаюсь с ноги на ногу. — Понимаете, мы недавно познакомились...

— А отчество не помните? — врач весело подмигивает. Я отрицательно мотаю головой.

— Ладно, а адрес сможете назвать?

— Какой адрес?

— Ну адрес, место жительства? — он переходит на шёпот — ну куда он тебя вызвал?

— Никуда он меня не вызывал! — мои щёки пунцовеют от унижения, — мы на улице гуляли!

— В час ночи?

— Да, а что, запрещено гулять? Мне неприятны ваши намёки! — я вскакиваю на ноги и поворачиваюсь к выходу. Врач не пытается остановить меня, только бормочет себе под нос: «какие нежные шлюхи нынче пошли...» Я ускоряю шаг, и в два счёта оказываюсь у двери. Я уже открыла её, как вдруг слышу окрик врача:

— Ты это, телефончик мне оставь. Я тебя тоже хочу на прогулку пригласить. — он противно смеётся своей гнусной шутке.

Не оборачиваюсь и выхожу в коридор, громко хлопнув дверью. О, Боже, какой позор! С Кириллом моя спокойная жизнь превращается в снежную лавину, которая уносит меня своим бурным потоком.

Я провожу в обшарпанном коридоре приёмного покоя два томительных, невозможно долгих часа. Уже заламываю руки от неизвестности и предполагаю худшее, когда вижу красивую молодую женщину в форме хирурга, которая выходит из палаты, в которую отвели Кирилла. Я бегу ей навстречу.

— Скажите, вы — лечащий врач Кирилла? — во мне столько страха. Я не могу сдержать мольбу в голосе — Скажите, что с ним всё в порядке!

Доктор осматривает меня оценивающим взглядом и с холодной улыбкой произносит:

— А вы кто такая? Вы — родственник?

— Нет, извините — я вспыхиваю, понимая, что она, должно быть тоже приняла пеня за жрицу любви.

- Я его знакомая. Мы просто нарвались на компанию пьяных, и была драка и... — я растеряно развожу руками. — Мне просто нужно знать, что с ним всё в порядке!

— У него смещены два ребра. — её взгляд немного смягчается, — Понимаете, у него уже было два перелома рёбер справа и ему совершенно нельзя участвовать в драках. Но он никогда не слушает никого, кроме себя.

— Да, конечно... — я выдыхаю от облегчения.

Значит он жив, всё обошлось. Но что-то в её тоне заставляет меня насторожиться, и я решаюсь спросить:

— Извините, мне показалось, или вы говорите так, будто знаете Кирилла давно?

— А он вам не рассказывал? Я думала, он специально приехал именно в эту больницу... — её холодный образ снежной королевы начинает рассеиваться.

— Нет, мы просто были поблизости. Поехали в ближайшую. Меня, кстати, Кира зовут — я протягиваю руку моей новой знакомой.

— А я — Вера. Бывшая жена Кирилла. — женщина протягивает руку и жмёт мою. — Приятно познакомиться. А вы откуда знаете Кирилла?

— Я... эээ... мы просто работаем вместе. В университете. — я постаралась взять себя в руки, чтобы не доставить этой женщине удовольствия застигнуть меня врасплох.

— Работаете? Интересно. Кирилл, которого я знаю, никогда не мог просто работать с кем-то. — она с какой-то непонятной жалостью смотрит на меня.

В этот момент дверь палаты с грохотом распаивается, и я вижу Кирилла, поспешно натягивающего майку на забинтованную грудную клетку.

— Пошли. — он мрачнее тучи. Бесцеремонно хватает меня за запястье и волочёт к выходу.

Вера так и осталась стоять в коридоре, провожая нас грустным взглядом, и я услышала, как она тихо сказала:

— И я рада была повидаться. — потом она развернулась и, не оглядываясь, зашагала в противоположном направлении.

Кирилл вытащил меня на улицу. Прохладный ночной воздух спокоен, и лишь редкие машины, проезжающие вдалеке, нарушают тишину.

— Я отвезу тебя домой.

Я не сопротивлялась. Мной вообще овладела полная апатия ко всему внешнему миру. Это, наверное, была защитная реакция организма на стресс. Мы сели в машину. Кирилл долго молча изучал моё лицо в темноте салона, а я невидящим взглядом уставилась на пролетающие мимо нас дорожные фонари.

— Я её не люблю. — его хриловатый голос болезненно тих.

— Я тебя ни о чём и не спрашиваю — шепчу я. Мне и правда сейчас почти всё равно.

Кирилл берёт меня за руку, поглаживает ладонь. Он очень медленно приближается к

моему лицу и нежно, бережно, почти невесомо целует в щёку. Потом шепчет одними губами мне в ухо, отчего всё моё тело покрывают мурашки:

— Напиши рассказ о моменте твоей жизни, который сделал тебя такой, какая ты есть. Сделай это, и я отпущу тебя на волю, моя смелая птичка.

Кирилл

Как увидеть космос в случайных событиях жизни? Каким образом сцепления атомов, энергетические волны, способны колебаться так, что вся ваша жизнь превращается в череду препятствий?

Я привык всё держать под контролем. Каждый день содержит толику непредсказуемого безумства, но я всегда старался сводить непредсказуемое к минимуму, а безумство наоборот взращивал. Такое контролируемое сумасшествие получалось. Безумие — это хаос, а хаос — то, из чего по средствам творчества рождается порядок. В моём случае писательство всегда было способом познания мира. Оно лёгкой поступью новорожденной Афродиты выходило из бушующих волн моей жизни. Я бережно брал её за белоснежную руку и направлял на сухой песок, где солёные волны хаоса уже не могли лизать нежные ступни.

Порой мне было нелегко постоянно умирять темноту, поглощающую меня изнутри. Тем более сложным становилась моя жизнь, когда волны прошлого догоняли меня и накрывали с головой.

Внезапная встреча с человеком из прошлого воскресила в памяти, казалось бы, давно забытые воспоминания. Я вспомнил нашу первую встречу с Верой четыре года назад. Тогда я только выпустил свою первую успешную работу, которая наделала много шума и быстро стала бестселлером. До этого моя жизнь представляла собой бесконтрольный хаос, который пытался схватить меня и перемолоть в своих жерновах. Я отчаянно сопротивлялся и цеплялся за последнюю константу моей жизни — талант писателя. В первом серьёзном романе, «Злость», я приоткрывал читателю завесу, отделяющую его уютное и неспешное существование от моей бьющей через край бешеной скачки.

Я с детства чувствовал себя чужим в понятном и предсказуемом мире простых обывателей. Я был трудным ребёнком. Моя мама умерла, когда мне было пять лет. Кто был моим отцом, я точно не знал, и мать мне так и не успела сказать. Она работала корректором в издательстве и имела дело со многими известными авторами. Иногда она мечтательно намекала на то, что в будущем я просто обязан стать выдающимся писателем, потому что это у меня в крови. Я помню, как мы с ней подолгу придумывали сказки и рассматривали книги с иллюстрациями. С матерью я был счастлив, по-настоящему счастлив как единственный и любимый сын. Мы были с ней вдвоём против всего мира. Я помню, что она очень молодо выглядела. Когда её не стало, ей было всего двадцать пять лет.

Я был нежеланным ребёнком в семье моей матери, причиной всех её бед, как считала моя бабушка — суровая и хмурая женщина, к которой я попал после смерти матери. Тогда как раз началась перестройка в стране, и мы выживали лишь на пенсию бабушки. Она не упускала возможности попрекать меня каждым куском. Я предпочитал встречаться с ней пореже и проводил весь день на улице. Возвращался домой затемно, когда голод в желудке становился настолько невыносимым, что я ощущал лёгкое головокружение от быстрого подъёма по лестнице. Мои уличные друзья заменили мне семью. Хотя даже среди сверстников я чувствовал себя белой вороной. Дворовые компании считали меня слишком высокомерным и странным из-за моего одержимого увлечения литературой. Одноклассникам я наоборот

казался опасным и нестабильным парнем. Я часто влипал в неприятные истории, чем ещё сильнее подкреплял неприязнь учителей, сверстников и собственной бабки.

В зимнее время весь день я проводил в подвале дома с кипами старых книг, которые перевёз от матери. Я читал жадно и утолял свой физический голод литературной пищей.

В четырнадцать лет я стал публиковать свои заметки в местной газете. Тогда мне было всё равно, о чём писать: политика, светские сплетни или юмористическая страница. Я занимался своего рода литературной проституцией. Писал то, за что больше платили.

Утром перед школой я бежал в газету со свежими статьями и заметками, там получал деньги, а потом действовал по настроению — чаще всего пропускал школу и пропивал с друзьями заработанные гроши.

В школе я считался ребёнком из неблагополучной семьи. Меня часто вызывали к директору, промывали мозги о необходимости прилежно учиться, если я желаю получить счастливый билет в будущее. Но я упорно игнорировал все наставления. Экзамены сдавал легко, поэтому, несмотря на постоянные прогулы, чисто технически меня не получалось исключить из школы.

Бабка умерла, когда я учился в выпускном классе. Последние два года перед смертью она совсем выжила из ума и перестала пускать меня на ночь домой, поэтому мне часто приходилось ночевать в подъезде, или всю ночь слоняться по городу. Я любил ночную Москву. Фары проезжающих машин, свет фонарей, отражённый в лужах. По ночам почти все люди исчезали с улиц, и я фантазировал о том, что нахожусь один в городе. Иногда я заглядывал в окна чужих домов и пытался представить, каково это — иметь любящую, надёжную семью? Жизни этих людей, собирающихся по вечерам вместе перед телевизором в тёплом свете ламп, казались мне сказочно прекрасными и абсолютно недостижимыми.

Иногда меня приглашал в гости редактор газеты, в которой я продолжал трудиться. Я называл его просто по имени, Виктор, так как с детства терпеть не мог формальности. Он был пожилым одиноким мужчиной, немногословным и немного угрюмым. Я был очень благодарен ему за гостеприимство. Именно он взял надо мной шефство после смерти бабки, пытаюсь урезонивать мою буйную голову.

Виктор прививал мне литературный вкус, редактировал мои писательские работы, порой заставляя до поздней ночи переписывать очередную статью. Он показал мне искусство в изнурительном труде писателя. Если до этого я писал чисто механически, подбирая остроумные слова для удовольствия всеядной аудитории газетных читателей, то благодаря моему новому другу, начал чувствовать настоящую красоту и глубину слога. Перед выпуском из школы редактор похлопотал и устроил меня в МГУ на филологический факультет. Он считал, что мой талант должен пройти огранку классическим образованием.

Именно во время учёбы в старших классах я начал особенно остро чувствовать всю свою непохожесть на сверстников. Я был по-настоящему тёмной личностью и ощущал сильную разобщённость с одноклассниками. Их интересы казались мне мелкими и детскими. Наверное, тогда я начал становиться мизантропом. Одноклассницы стали проявлять к моей персоне повышенный интерес, когда слава о моих литературных успехах достигла школы. Внезапно из хмурого и нелюдимого хулигана я превратился в красивого, загадочного и подающего надежды молодого писателя.

Девчонкам не давала покоя моя таинственная персона, однако ни одна из них не могла

увлечь меня по-настоящему. Их глупый и наивный флирт раздражал, а откровенные попытки соблазнить вызвали отвращение.

Я брал то, что давали, и легко расставался с очередной подружкой. Чем отвратительнее я вёл себя с ними, тем больше новых жертв слеталось на мой огонь. Для девушек я был своего рода вызовом. Каждая новая уверенная с своей женской неотразимости с настойчивостью глупой овцы пыталась добиться внимания волка. Эта странная популярность немного вскружила мне голову, и именно тогда начало формироваться моё тотальное потребительское отношение к женскому полу, которое с годами приобретало всё более и более извращённую форму.

Со временем предсказуемость этой игры начала меня утомлять. Один и тот же сценарий повторялся из раза в раз: выжидаешь жертву, заманиваешь, она сопротивляется для приличия, ты наступаешь, ловишь и наслаждаешься добычей. В итоге я начал преследовать всё более изощрённые цели в своих играх, которые не всегда заканчивались привычной для большинства людей разрядкой. Именно процесс сопротивления и заманивания стал интересовать меня больше всего. Даже секс перестал быть самоцелью.

Моё воспалённое писательское воображение, требующее всё большей эмоциональной подпитки, не давало мне построить хоть сколько-то прочные отношения. В итоге я всегда оставался один, чувствуя очередное разочарование, отвращение к себе и к партнёрше, с которой я танцевал это странное, пугающее и завораживающее танго. Именно одиночество, непонятность и непринятие другими людьми ввергло меня в пучину беспробудного одержимого алкогольно-наркотического безумства, которое, как мне казалось, позволяло мне творить мои мрачные, горькие и лирические истории.

Несмотря на растущую популярность, я понимал, что в моём творчестве чего-то не хватает. Я привык добиваться идеала в образах и словах, но именно это стремление убивало душу текста. Мой добрый товарищ и советчик — бывший начальник и редактор Виктор — говорил, что мне нужно подчинить свои тёмные начала, заставить их работать на искусство. Но я не мог тогда сублимировать ту разрушительную энергию, что рвалась наружу, и только глубже опускался на дно божественной жизни.

Я бросил универ на последнем курсе и полностью погрузился в расхлябанную и беззаботную среду, в которой обитают писатели, музыканты и художники, творцы всех мастей и дарований. Через несколько лет я забросил писательство и выпускал только несколько сборников стихов в год — достаточно, чтобы поддерживать разгульный образ жизни. Не знаю, что стало бы со мной, если бы через пять лет после моего ухода из университета я не попал в тюрьму.

Сначала меня привлекли как свидетеля по делу о наркотиках, но из-за моего нежелания сотрудничать со следствием и вызывающего поведения быстро переквалифицировали в соучастника.

Я провёл в следственном изоляторе около трёх месяцев, прежде чем из меня начала уходить вся эта глупая одержимость саморазрушением. Всю жизнь чувствовал себя обиженным судьбой мальчиком, и эта засевавшая в глубине заноза отравляла меня ядом самосожаления. Постепенно я научился разграничивать две личности в своём сознании: больного ублюдка, съедаемого страстями, и писателя — наблюдателя и рассказчика. Я смог контролировать первого посредством второго. Давал демону свободу, но ненадолго. Подпитавшись его опытом и переживаниями, я снова запирал ублюдка в клетке книги, не давая ему до конца расправить плечи. Сам я оставался равнодушен к его страстям и находил

единственное удовлетворение в процессе творчества. Не смешивать свои и его чувства стало так же просто, как вести машину и одновременно разговаривать по телефону — при должной сноровке и опыте можно делать это параллельно без потери качества.

Таким образом, именно тюрьма помогла мне стать лучшим писателем. Я был готов теперь принести этому освободительному прозрению всю свою жизнь на блюде, потому что знал, что не выдержу больше бесцельного и бессмысленного существования обычного человека. Мне нужен был бог, которому я мог бы поклоняться, и я нашёл его.

После того, как я урезонил своего демона, смог потихоньку взять под контроль и всю свою жизнь. С помощью всё того же старшего товарища, который уже, видимо, успел во мне полностью разочароваться, но по какой-то необъяснимой причине всё ещё не поставил на мне крест. Виктор нанял хорошего адвоката, который за месяц сделал то, что полгода не могла или не хотела система государственного правосудия — оправдал меня. Меня выпустили и сняли все обвинения. В моём паспорте нет никаких отметок, поэтому кроме меня, адвоката и моего друга никто не знает об этой главе моей жизни.

После освобождения я работал с маниакальной одержимостью и уже через полгода был готов мой первый серьёзный роман — «Злость». Тюрьма дала мне достаточно материала для книги. Множество ужасных и душераздирающих историй, которые я смог превратить в сильный текст. Мой роман никого не оставлял равнодушным, и вскоре его популярность дошла и до Европы с Америкой. Я сам перевёл книгу на английский. С помощью моего американского редактора мы довели текст до совершенства, и он был восторженно встречен западным читателем.

С Верой мы познакомились на пике этой славы. Меня подкупило как раз то, что она понятия не имела, кто я такой и, как мне казалось, полюбила именно меня, без всей этой мишуры. Она зацепила меня своей серьёзностью. Будучи интерном хирургом, Вера днями и ночами проводила в больнице, а ко всем прочим видам деятельности относилась свысока. Я скрывал свою настоящую профессию до последнего, поэтому сперва она не знала, что обо мне думать. Терялась в догадках, кто же я такой. Считала, что я связан с криминалом, так как познакомилась со мной именно в больнице, когда мне нужно было наложить швы. Мой другой «я» всегда любил развлечься хорошей дракой.

Помню, как увидел её тогда, сосредоточенную и увлечённую, и понял, что во что бы то ни стало хочу поцеловать эти плотно сжатые пухлые губки.

— Молодой человек, вы можете сидеть спокойно? — недовольно спросила она.

— Рядом с вами — нет. — я расплылся в улыбке.

— Мне позвать санитаров? — хмуро спросила девушка.

— Вообще, я предпочитаю классический вариант, но если вам хочется разнообразия, то я не против.

От такого откровенного признания её брови поползли вверх. Она смущённо замолчала и продолжила накладывать мне швы. Я заметил, как её маленькая ловкая ладошка стала немного подрагивать. Протянул руку вперёд и дотронулся до её запястья. Её рука дрогнула, и иголка воткнулась немного глубже.

— Ой! — пискнула девушка. — Извините!

— Ничего. — я постарался перехватить её взгляд. — Мне будет не так больно, если вы меня поцелуете.

От моих слов девушка рассмеялась. Мне сразу понравился её смех. Задорный и звонкий.

Её лицо преобразилось, а на щеках появились милые ямочки.

— И что, — она поняла на меня лукавый взгляд. — Часто это срабатывает?

— Вы удивитесь. — ухмыльнулся я.

После этой встречи я не мог выбросить её из головы. Она даже начала сниться мне. Тогда я решил, что непременно должен добиться её внимания.

Поначалу Вера побаивалась моих настойчивых ухаживаний, но я всегда добивался того, чего желал. А тогда я желал её. Я стал появляться в её жизни каждый день: встречал и провожал на работу, выяснил, где она живёт и поджидал её возле дома. Делал ей дорогие подарки, чем ещё больше пугал и смущал её. Вскоре она была опугана мной в каждой сфере своей жизни. С помощью связей я добился её повышения по работе, что, конечно же, вызвало её праведный гнев. Я намеревался полностью захватить её. Мне казалось, что в этом обладании и кроется любовь. Даже наивно собирался назвать свой следующий роман в честь неё: «Вера = любовь».

В один прекрасный день я насильно увёз её с собой в путешествие. Просто похитил после работы и не отпускал в течение двух недель.

Я увёз её на Кубу. Другая часть света, жаркий климат казались мне весьма подходящими декорациями для развития нашей истории. Это приключение было сказочно эротичным. Моя пленница сначала была немного напугана и сдержана. Но вскоре перестала строить из себя скромницу. Она переделалась в крошечное бикини, и я просто сходил с ума от голодных взглядов других мужчин, которые провожали её аппетитную попку.

Сначала она бесилась от того, что жизнь вышла из-под её контроля и перешла под мой. Но потом устала со мной бороться и просто делала, что скажу.

Через несколько месяцев я женился на ней. Мне хотелось владеть её жизнью полностью, без остатка. Я не знаю, почему она в итоге сдалась и ответила взаимностью. Это до сих пор оставалось для меня загадкой. Я думаю, ответ кроется в психологии женщин, в особенности адаптации их нервной системы. Как известно, к стокгольмскому синдрому, при котором жертва начинает любить мучителя, больше склонны именно женщины. Когда я получил полный контроль над ней, мой внутренний демон опять ожил. Он захотел испытать её на прочность, недовольный счастьем, которое испытывал я, писатель. Да, именно я подтолкнул её к тому шагу, который в итоге привёл нас к разрыву.

Мне почему-то стало душно в нашем спокойном и милом мирке. Казалось, что я тону в море спокойствия, безмятежности и предсказуемости. За время, что я был одержим Верой, я не чувствовал ни малейшего желания писать. И это пугало меня больше всего. Вдруг счастье и творчество для меня — понятия взаимоисключающие? Я знал, что Вера до конца не понимает, что такое быть писателем, и не готова всегда играть вторую роль в моей жизни.

Я начал заставлять её встречаться с другими мужчинами. Сперва эта идея пришла ко мне в качестве шутки. Интересно, на что она готова ради меня? Сначала Вера протестовала, не понимала, зачем мне это. В итоге я смог сломить её сопротивление. Я объяснял ей, что это у меня такая психологическая особенность, что я извращенец, что мне нравится наблюдать. Конечно же, это была не совсем правда. У меня однозначно были проблемы с психикой, но не такие. Просто я не мог больше оставаться счастливым, мне нужно было почувствовать боль, такую боль, которая бы дала толчок для написания нового романа. Я дожал её, пригрозил разрывом, и она согласилась. Сделала это. А я сидел в соседней комнате и испытывал такую боль, топлива от которой хватило бы на тысячу страниц.

Я заперся в кабинете и провёл там очень много времени в одиночестве — пил и громко

разговаривал сам с собой. Вера сидела на полу под дверью, плакала и просила открыть ей. Но я не был в состоянии держать себя в руках, поэтому предпочёл не видеть её. Я быстро написал второй роман, который имел успех даже больший, чем предыдущий. Всем понравилось читать про историю любви, которая заканчивалась безумием.

Когда Вера прочитала мою книгу, она всё поняла. Она наконец-то поняла, что я готов принести в жертву писательству всё. Абсолютно всё. Она попросила меня изменить её имя, но и в этом я ей отказал. Тогда жена посмотрела на меня долгим серьёзным взглядом и сказала:

— Кирилл, ты же не любил меня никогда, да? — она задумчиво перевела взгляд куда-то в пустоту. — Ты просто владел.

Мы развелись через месяц.

Кира

Я твёрдо решила, что расстанусь с Кириллом. И дело было не только в том, что он пытался меня изнасиловать прямо на улице. Я просто не хотела становиться его собственностью, его птичкой в клетке. Мне казалось, что он накинул мне на шею удавку и теперь тащит на привязи. Лишь иногда ослабляя узел, чтобы могла вздохнуть и не потеряла сознание раньше времени. Мне было страшно впасть в зависимость от чего бы то ни было, испытывать слишком сильные эмоции. Я хотела контролировать свою жизнь, а он постоянно выбивал опору из-под ног, заставляя балансировать на краю пропасти.

Я сидела в библиотеке МГУ над стопкой книг и пыталась работать над своей диссертацией. К сожалению, именно пыталась работать, а не работала. Почему-то в последнее время у меня ко всему появилась стойкая апатия. Тема моей научной работы, ещё недавно так захватывающая меня, теперь казалась ненужной и мелкой. Кирилл за последние три месяца изменил всё моё мировоззрение, поэтому теперь я со скепсисом изучала труды известных критиков, которыми ранее так восхищалась. Подсознательно я сравнивала их занудные и витиеватые речи с ясными и страстными рассуждениями Кирилла. Мой взгляд скользнул по открытой книге. Это был сонет Петрарки:

*Все, в чем отраду сердце находило,
Сочту по пальцам. Плаванью конец:
Ладье не пересилить злого шквала.*

*Над бухтой буря. Порваны ветрила,
Сломалась мачта, изнурён гребец,
И путеводных звёзд как не бывало.*

Эти строки, которые я уже неоднократно читала ранее, нашли внезапный сильный отклик в моей истерзанной сомнениями душе. Да, я чувствовала себя как изнурённый плаваньем гребец, уже готовый сдаться на волю бушующего океана по имени Кирилл. Я опустила голову и закрыла глаза.

Кирилл дал мне неделю на написание рассказа. Я напишу его, и мой мучитель отпустит меня? Он обещал мне. Обещал выпустить на волю. Что это значит? Мысль о том, что мы с Кириллом перестанем общаться, что он потеряет ко мне интерес, больно ужалила в область сердца.

Я собрала недописанную работу, отнесла книги на пост библиотекаря и отправилась домой. По дороге я обдумывала, о чём же будет мой рассказ. Сперва я хотела написать о моих любимых писателях и о том, как они повлияли на меня. Нет, нужно что-то более личное. Потом я вспомнила одну историю из детства, которая действительно изменила меня, и не в лучшую сторону. Я тут же внутренне содрогнулась, не желая никого пускать в такое личное пространство. Нет, об этом никто не должен узнать. Никогда. Я немного съёжилась от воспоминаний и попыталась мысленно закрыть ящик того шкафа, где они

долгое время хранились, отчаянно подавляемые моим сознанием. Пусть там и остаются.

Я перебрала в голове ещё несколько тем и в итоге решила, что опишу первое время после переезда в Москву. Действительно, обретение самостоятельности в семнадцать лет сильно изменило меня. Воспитало и закалило мой характер. Да, я думаю, это как раз тот опыт, о котором говорил Кирилл.

Несколько дней я провела в работе над рассказом. Дмитрий Львович, мой научный руководитель звонил несколько раз, недовольный тем, что я задерживаю заключительную часть моей диссертации. Если честно, я должна была сдать последнюю главу ещё полтора месяца назад, но, по понятным причинам, мне это не удалось. Раньше я никогда ничего не задерживала, всегда сдавала даже раньше срока. Дурацкий синдром отличницы. Теперь Дмитрий Львович был раздосадован моим пренебрежительным отношением к работе. В очередном нашем разговоре он наконец не выдержал и спросил:

— Скажите, Кира, эта задержка из-за вашей летней практики у дяди? — слышу недовольный тон научного руководителя.

— Что? — я рассеянно отвечаю, продолжая в уме придумывать следующее предложение рассказа. — у какого дяди?

— Ну, у того, который писатель. У вас много таких родственников?

— Ах... да. Да, это он во всём виноват, — тут я даже не обманываю никого — Загрузил меня по самые плечи. — я вздыхаю.

— Я вас понял, Кира. — говорит Дмитрий Львович сочувственно — с другой стороны, это хорошая практика для вас как для писателя. Вы же хотите пойти по этой стезе?

— Я? Писатель? — я удивлённо поднимаю брови. До Кирилла я всерьёз не думала о писательстве как о ремесле, которое может прокормить. — Нет, это не моё. Я больше хотела бы стать преподавателем. Вот защищу диссертацию, может быть, освободится место постоянного преподавателя... — Говоря это, я вдруг чётко представляю всю унылость такого пути.

— Да, Кира, писателям очень трудно пробиться, — научный оживляется. — Преподавательство — более надёжный вариант.

— Спасибо за совет, Дмитрий Львович. Я обязательно сдам главу. Когда последний срок?

— Через неделю. Кира, обязательно нужно всё доделать до конца августа, иначе мы не сможем с вами выставиться на защиту. Сами понимаете, на кафедре не нужны вечные аспиранты. — Дмитрий Львович делает многозначительную паузу, и я понимаю всю шаткость своего положения.

Сначала Кирилл украл моё сердце, потом мой блог и вот теперь посягает на мою профессию. Нужно дописать этот дурацкий рассказ, вернуть блог и расстаться с ним навсегда. Он слишком опасен для меня.

Я прощаюсь с научным руководителем и продолжаю работать над рассказом до поздней ночи. Все оставшиеся дни я пытаюсь довести слог до совершенства, придумываю красивые эпитеты и метафоры. И в назначенный день, горя желанием разом решить все свои проблемы, сама пишу Кириллу и договариваюсь о встрече. Он отвечает не сразу и просит встретиться с ним у станции метро в центре города.

Я прибываю, и Кирилл встречает меня в своём расслабленном и шутливом стиле:

— Привет, мелкая. — он улыбается, и морщинки в уголках его глаз весёлой паутинкой

окутывают скулы. Я стараюсь не любоваться его красивыми чертами, сжимаю губы и решительно отдаю ему файл с рассказом.

— Вот, держи. — решительно говорю я.

— Сразу к делу? — он подходит ближе ко мне и сталкивает нас лбами.

— Правильно, со мной можно и без лишних сантиментов. Так по-быстрому отделаться и забыть?

Я чувствую его приятный запах, прикрываю глаза от внезапного сладкого трепета в груди. Его губы теперь так близко к моим. Мучительно близко. Моё сердце начинает биться чаще, когда я осязаю его горячее дыхание на своих внезапно пересохших губах. От него вкусно пахнет кофе. Будто читая мои мысли, Кирилл говорит:

— Хочешь кофе? — он почти дотрагивается до меня губами. Я приоткрываю свои и в порыве внезапной решимости дотрагиваюсь до его рта. Мягко провожу по его нижней губе язычком, приоткрываюсь и подаюсь вперёд всем телом. Я изгибаюсь в пояснице и приникаю к нему. Однако Кирилл остаётся неподвижен. Я только чувствую, как его сердце яростно бьётся в груди. Он мягко отрывает меня от себя и отстраняется.

— Ты же понимаешь, что тебе это не поможет? — он смотрит на меня с усмешкой.

— Не поможет с чем? — я всё ещё нахожусь в сладкой агонии.

— Не поможет сделать меня пристрастным при прочтении твоей работы. — он хрипло произносит, и я чувствую себя похотливой студенткой, бесстыдно предлагающей себя преподавателю в обмен на хорошую оценку.

Кирилл берёт меня за руку и ведёт куда-то. Я не совсем понимаю, куда мы так стремительно направляемся. Я будто превращаюсь в одержимую рядом с ним. Не могу трезво мыслить. Все мои решения, которые казались такими непоколебимыми ещё час назад, теперь куда-то испарились.

Мы заходим в фешенебельный жилой комплекс, и я начинаю подозревать недоброе.

— Кирилл, куда мы идём? — я замедляю шаг и подозрительно осматриваюсь.

— Ко мне, конечно же. Там будет удобнее читать. — он берёт меня под локоть и пытается повести дальше, но я сопротивляюсь.

— Нет, послушай, не надо к тебе. Я... я боюсь тебя. — краснею и смущённо опускаю взгляд.

— Я знаю. Так даже интереснее. — он вдруг хватает меня за талию и прижимает к колонне позади нас.

Кирилл запускает руку в мои волосы, сжимает их в захват и заставляет меня запрокинуть голову. Он наклоняет своё лицо к моему очень близко и жадно вдыхает запах моей кожи. Его глаза прищуриваются, потом он дотрагивается своими губами до моих. Делает это осторожно и медленно, прощупывая отзывчивость моего тела. Я открываюсь ему навстречу — будто приглашая внутрь долгожданного гостя. Тогда он яростно сминает мой рот в поцелуе. Он запускает свой язык внутрь и жадно обследует каждый потаённый уголок. Его руки до боли сжимают мою талию, я не могу вздохнуть и обречённо подаюсь вперёд, навстречу ему. Моё сердце колотится с бешеной силой. Я внезапно понимаю, что эта битва проиграна, и теперь уже нет смысла продолжать сражение. Кирилл чувствует мою податливость, отрывается от меня и спрашивает:

— Ты уверена в своей работе, малышка? — он требовательно смотрит на меня.

— Да. — стук сердца заглушает мысли.

— Тогда тебе нечего бояться. — он берёт меня за локоть и тащит к лифту.

С нами в лифт заходит пожилая пара, и мы стоим в неудобной тишине. Мне кажется, что все слышат, как громко бьётся моё сердце. Когда пара выходит, Кирилл не предпринимает ни одной попытки снова завладеть моим ртом. Он стоит с серьёзным, немного надменным видом, будто говорящим: «Сначала бизнес, детка».

Я отворачиваюсь от него раздосадованная. Он опять применил своё запрещённое оружие на мне и хитростью заманил к себе в логово. Я твёрдо решаю покончить с ним сегодня же. Освободиться и наконец-то улететь на свободу.

Лифт поднимается на последний этаж. Тут есть только одна квартира. Мы заходим в просторный пентхаус, который прямо-таки кричит о состоятельности своего владельца. Кирилл проводит меня через гостиную к себе в кабинет и жестом предлагает сесть в кресло.

Я с трепетом во всём теле устраиваюсь напротив него. Ощущаю себя как на экзамене. Но что он может сделать, если ему не понравится мой рассказ? Заставит переписывать? Оставит после урока? От этой мысли невольно улыбаюсь.

Кирилл тем временем с маниакальным блеском в глазах распечатывает конверт с рассказом. Не глядя на меня, он произносит:

— Ну что, приступим?

Кирилл

Вы когда-нибудь испытывали ярость? Таковую, которая застилает глаза, затмевает все мысли? Я, к сожалению, испытывал её слишком часто, чтобы не знать симптомов её скорого приближения. Сердце начинает учащённо биться, руки непроизвольно сжимаются в кулаки так сильно, что костяшки пальцев белеют. Мысли теряют ясность, и пелена застилает глаза. Как только я почувствовал эти тревожные звоночки, я должен был сразу выставить девчонку за дверь. Вместо этого я поднял на неё пылающий взгляд и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Это что такое? — я старался выровнять свой голос, но держать себя в руках удавалось всё труднее.

Она часто заморгала и непонимающе уставилась на меня своими испуганными глазами:

— Это — мой рассказ. — её голос больше похож на писк.

— Это какая-то херня. — отрезал я.

Девчонка так ничего и не поняла. Три месяца воспитания коту под хвост. Я не привык так бездарно расходовать своё время. Если она не понимает по-хорошему, я добьюсь ясности другим способом.

Малышка вспыхнула и опустила взгляд. Правильно, девочка, тебе есть чего стыдиться.

— Это полная брехня. Ты одна в городе. Ты одна против всего мира. Какая банальность. Мои глаза сейчас не понимают, что они увидели. Ты что, не знаешь, какой момент тебя сотворил? Самый тяжёлый и больной период твоей жизни? — вижу, как она нервно сглатывает и ёрзает на стуле. — Ты думала, я хочу читать ту же брехню, что ты втюхиваешь недалёким читателям своего блога?

— Это не брехня. Это правда. — Кира еле сдерживает слёзы. А меня ещё больше выводит из себя её упёртость.

Я встаю и резко подхожу к ней, склоняюсь ближе, к самому лицу и яростно бросаю:

— Это же полная бездарность! Ты хочешь доказать мне, что моя ассистентка так ничему и не научилась? Я знаю, что это не так. Зачем ты скрываешь от меня настоящие воспоминания?! — я резко ударяю ладонью по столу. Она вздрагивает, и слёзы начинают заполнять её ясные глаза.

— Кирилл, я... извини... мне лучше уйти. Я переделаю рассказ. — она делает попытку встать, но я хватаю её за плечо и надавливаю на него, чтобы она села обратно.

— Я хочу показать тебе, как надо чувствовать, чтобы написать что-то действительно стоящее. Поделюсь, так сказать, опытом. — я хватаю её за худенькие плечи и увлекаю к своему столу. — Вот, смотри, тут я творю. Прямо на этом столе. — я наклоняю её над столом. Малышка вся дрожит, слёзы каплют на мои книги.

— Сегодня ты научишься уважать литературу по-настоящему. — нажимаю на её спину и прижимаю лицом к столу.

Её попка аппетитно оттопыривается, пока она пытается высвободиться из захвата. От этой картины чувствую, как в штанах становится тесно. Но я пытаюсь усмирить свои желания. Они мешают мыслить здраво и не дадут остановиться, когда урок будет усвоен.

— Кирилл, пожалуйста, что ты делаешь?! — в ужасе кричит моя девочка.

— Кира, скажи, тебя в детстве пороли, когда ты была непослушной маленькой дрянью? — Чувствую, как она напрягается под моей ладонью и подозрительно затихает. — Знаешь, порка поможет тебе освободиться от всех комплексов, которые не дают тебе расправить крылья, моя птичка. — Я поглаживаю ладонью по мягкой упругой попке.

- Ну, ничего, сейчас я тебя освобожу. — Я расстёгиваю ремень на своих брюках и вытаскиваю его из петель. Кира жалобно съёживается. Я чувствую, как напряглись мышцы её спины под моей рукой. Она тихо шепчет:

— Кирилл, пожалуйста... ты не понимаешь... это ломает меня. Не надо, прекрати. — её голос такой бесцветный и тихий.

Но меня невозможно остановить. Всё напряжение и боль, которые годами копились во мне, сейчас требуют выхода. Я должен показать ей своё истинное лицо. Она либо сломается и подчинится, либо уйдёт. Она не сможет любить меня таким.

— Считай, девочка. — яростный шёпот срывается с моих губ.

Я прижимаю Киру к столу ладонью правой руки, а левой расстёгиваю её джинсы и резко стаскиваю их вниз вместе с трусиками. Кира делает отчаянную попытку вырваться, но я твёрдо удерживаю её. Теперь я могу любоваться белым как молоко бархатом её кожи. Я вижу, как её незащищённая обнажённая попка извивается в попытке избежать наказания. От этого напряжение в моём члене усиливается. Мне кажется, сейчас его разорвёт от возбуждения.

Я беру ремень, замахваюсь и с силой опускаю его на её плоть. Она взвизгивает и сжимается от боли. Потом начинает содрогаться всем телом под моей рукой. Чувствую свою безграничную власть над этой хрупкой маленькой фигуркой.

— Считай, я сказал — мой голос звучит очень хрипло и требовательно.

— О..один, — запинаясь выдыхает она одними губами

— Хорошая девочка.

Я глажу место удара ладонью. Потом резко заношу ремень и ударяю её ещё. Боль и унижение искажают её заплаканное личико.

— Два...

Я ударяю ещё раз. Красная полоска появляется на бледной коже. Она пытается сжать мышцы, но я начинаю гладить её по месту удара и, когда она расслабляется, я наношу ещё один, потом без перерыва ещё два.

— Три, четыре... ох, — она вся дрожит, — пять!

— Скажи, ты уже чувствуешь что-то новое? — хриплым от возбуждения голосом шепчу я. — Ведь это не я тебя бью ремнём, это искусство наносит ответный удар.

Я склоняюсь к её уху и облизываю мочку, обжигая горячим дыханием. Провожу языком по её шее. Она такая сладкая. Я чувствую её страх, она вся дрожит. Свободной ладонью я поглаживаю её по пояснице, спускаюсь ниже и провожу ладонью по красным пятнам. Ласково и нежно.

— Видишь ли, искусство не терпит дилетантов. — я продолжаю ласкать её шею. Потом наношу внезапный удар ладонью по её попке. Она, не готовая к нему, вскидывается и начинает стонать. Я ударяю ещё раз. Кира уже не ёжится от каждого удара, но незаметно выпячивает попку навстречу моей руке.

— О, детка, я вижу, ты приняла свою боль. — я ласково глажу её по красным следам на

коже, — ты на правильном пути.

Я кладу ремень ей на спину, опускаюсь рукой ниже и раздвигаю набухшие губки у самого входа. Она вспыхивает и оттопыривает свою попку, чтобы мне открылся лучший обзор.

— Детка, да тебе всё это нравится так же, как и мне. — я не могу скрыть злорадство в голосе.

Вопреки ожиданиям, замечаю, что она вся мокренькая. Провожу пальцами по кругу, делаю их влажными и вставляю в неё сразу два. Раздвигаю горячую плоть. Такая узенькая, что я с трудом проникаю глубже. Она громко стонет от потрясения.

— Какая же ты плохая девочка. — я люблю её до предела возбуждённым телом, которое теперь управляет ей вместо разума. — ты такая грязная, что даже наказание тебе не поможет.

Я начинаю двигать внутри неё пальцами, задевая чувствительную точку на внешней стеночке, в то время как другой рукой замахиваюсь и смачно шлёпаю её ладонью. Её кожа горит. Кира издаёт всхлип боли и наслаждения, пытается вырваться, но уже как-то неубедительно.

Я хватаю её за волосы и накручиваю их на свой кулак, приподнимая её голову. Ей приходится прогнуться в пояснице, открывая для меня ещё больший доступ снизу. Проникаю ещё глубже. Меня охватывает какая-то сумасшедшая одержимость, когда я резко пронзаю её своими пальцами. Её складочки такие розовые и манящие, что мне с трудом удаётся удержаться от того, чтобы не впиться в них ртом. Интересно, какая она на вкус?

Я двигаюсь в ней быстро, со смачными хлюпающими звуками, которые перемешиваются с громкими стопами моей возбуждённой девочки. Замечаю, как сильно начинают дрожать её ноги. Она стоит на носочках, лишь слегка ими опираясь на пол. Когда я слегка замедляю свои движения, она начинает сама насаживаться на мои пальцы. Бедняжка совсем сходит с ума от похоти. Так же, как и я.

— Я доволен твоей понятливостью, — шепчу я ей на ухо. — Поэтому разрешу тебе кончить вот так с моими пальцами в тебе. Ты ничего не можешь контролировать, даже свой оргазм, — произношу я и начинаю резко вбивать в неё пальцы, в то время как другой рукой я раздвигаю её губы и помещаю пальцы в её открывшийся от громких стонов ротик.

— Соси мои пальцы, девочка. — она послушно начинает сосать, содрогаясь в предвкушении разрядки. Я чувствую её приближение, так как её стеночки начинают резко сокращаться.

— Кончай. — даю я разрешение и совершаю ещё несколько резких движений.

Волна удовольствия накрывает её, она дрожит и стонет, приподнимается на пальчиках ног и долго извивается от моих толчков. Когда она затихает, я вынимаю из неё пальцы, поднимаю её беспомощное, ничего не соображающее тело и несу к себе в спальню. Она полностью обмякла и совсем не сопротивляется. Я усаживаю девочку на большую кровать, отворачиваюсь и незаметно, пока она приходит в себя после экстаза, достаю наручники из прикроватной тумбочки. Потом резко поворачиваюсь и набрасываю один браслет на её запястье, а другой — на железную решётку кованой спинки кровати. Кира только через пару секунд понимает, что произошло, и ошалело моргает непонимающими глазами. Она пытается вырвать руку, но ей это уже не удастся. Она смотрит на меня с ненавистью:

— Ты что творишь! Ну-ка живо отпусти меня! Кирилл!!! — её голос переходит на визг,

она бешено брыкается, пытаюсь освободиться.

Я отхожу от неё, любуясь её беспомощностью. Потом скрещиваю руки на груди и довольно улыбаюсь:

— Нет, девочка, пока ты не выполнишь свою работу качественно. — подхожу ближе и кидаю рядом с ней на кровать блокнот и ручку. — Пиши так, чтобы мне понравилось.

Она продолжает брыкаться и пытается лягнуть меня ногой, но я быстро уворачиваюсь.

— Большой ублюдок! Я ненавижу тебя! Урод! Я тебя ненавижу!! — она плюёт в мою сторону.

— Тебе же нравились мёртвые писатели за их предсказуемость? — я вопросительно изгибаю бровь. — Ну, что же, теперь ты познакомилась с одним из живых.

Я улыбаюсь ей довольной и открытой улыбкой, поворачиваюсь и выхожу из комнаты. Закрываю дверь и несколько секунд стою, пытаюсь унять неистово бьющееся сердце. Клетка захлопнулась. Теперь она моя.

Кира

Я лежала на роскошной кровати и смотрела в потолок. Не могла поверить, что всё это происходит со мной. Я была уверена, что Кирилл просто так жестоко пошутил, что через несколько минут он зайдёт и снимет наручники, весело интересуясь, испугалась ли я. Я всё ждала и ждала, когда он придёт. За окном уже стемнело, но его всё не было.

Через несколько часов услышала, как дверь открывается. Я напряжённо села на кровати. Сейчас он меня отпустит. Это всего лишь дурацкая шутка. Правда ведь? Но, вопреки моим ожиданиям, он молча поставил передо мной поднос с едой и ушёл. Я отвернулась к стене и заплакала.

Всё это было выше моих сил. Неужели я такая наивная дура? Он просто воспользовался моими чувствами, чтобы заманить меня сюда. Мои чувства для него были так очевидны, что он даже не сомневался в успехе своего дьявольского плана. И вот теперь я оказалась в весьма незавидном положении. Я всецело завишу от воли какого-то сумасшедшего писателя!

Мной вдруг овладела ужасная злость. Да что он о себе возомнил?! Вершитель судеб, тоже мне! Я со всей силы пнула поднос с едой и с удовольствием проследила, как он, пролетев пол комнаты, приземлился на ковёр у противоположной стены. Мне хотелось продолжения, и в неистовстве я разорвала постельное бельё, раскидала подушки, опрокинула прикроватную тумбочку и продолжала бить по ней ногами до тех пор, пока на стенке не образовалась внушительная вмятина. Я была босая, но из-за адреналина не чувствовала боли в ступнях. Мне хотелось ударить кого-то, но вместо этого я больно укусила саму себя за руку. Я стала дёргать наручники изо всех сил, до крови рая запястье, но ни одна решётка на кровати не поддавалась. Я в изнеможении опустилась на кровать и тихо заплакала. Меня била дрожь, я была в истерике. Свернувшись клубочком, в бессилии стуча ладонью по кровати, я постепенно провалилась в забытие.

На следующее утро я не сразу поняла, где нахожусь. Я потерянно оглядывалась вокруг. Потом, припомнив события прошедшего дня, я попыталась взять себя в руки и трезво оценить ситуацию. Мне показалось, что, если привести достаточно доводов и воззвать к разуму писателя, он точно отпустит меня. Грешным делом, я уже начала думать, не соблазнить ли мне его, когда дверь комнаты отворилась, и я увидела на пороге Кирилла. Он стоял, опираясь на косяк спиной и скрестив руки на груди.

— Как спалось? — спросил меня как ни в чём не бывало, невозмутимо осматривая беспорядок, учинённый мной прошлым вечером.

Теперь при свете дня всё выглядело ещё хуже. Прекрасная своим лофтовым минимализмом спальня была усеяна разорванными тряпками, разбросанным содержимым тумбочки. Довершением картины служил опрокинутый ужин, безвозвратно испортивший коврик из шкуры какого-то зверя.

— Нормально. — я решила поддержать беседу.

— Завтракать хочешь? Я неплохо готовлю. — он улыбнулся своей обаятельной улыбкой.

— Хочу. — мне не хотелось злить его, ведь для заготовленного мной внушения он должен был быть в хорошем расположении духа.

— Хорошо, скоро вернусь.

Через некоторое время Кирилл принёс поднос с дымящейся только что приготовленной едой. Там были вафли с различными джемами, каша с цукатами, ароматный капучино, оладьи и много всего другого. Он сел рядом со мной на кровать и начал есть прямо с этого же подноса. Я смотрела на него в растерянности. Он вёл себя так, будто мы влюблённая парочка после ночи прекрасного секса — проголодались и теперь хотим покормить друг друга руками.

— О чём задумалась, девочка? — он нежно ущипнул меня за нос — Сейчас я всё съем, и тебе ничего не останется, — сказал он и весело подмигнул мне.

Нет, он однозначно ненормальный. Он псих и хочет меня тоже свести с ума. Я взяла половину вафли с тарелки и начала вяло жевать. Мне кусок в горло не лез.

— Эй, что сидишь с такой кислой миной? Папочка старался, готовил, — он изобразил деланно строгий голос, — Смотри, доиграешься, накажу. — Он весело ухмыльнулся, наблюдая за тем, как мои глаза расширяются от ужаса и стыда.

— Что, ещё рано шутить на эту тему? — Кирилл посмотрел мне в глаза и протянул кофе.

Я с яростью приняла кружку, чуть не расплескав горячий напиток. Внутри снова начала подниматься злость, так и хотелось плеснуть ему кофе в лицо. Вместо этого я сделала два глубоких успокоительных вдоха и сказала:

— Кирилл, послушай, тебе необязательно меня тут удерживать. Я сама могу переписать рассказ. — Я старалась звучать искренне. — Понимаешь, я плохо работаю под давлением. Мне нужен простор для творчества, свобода, понимаешь? — я с надеждой заглянула ему в глаза.

Он молча прожевал свою вафлю, потом вытер рот салфеткой, взял поднос и вышел из комнаты, закрывая за собой дверь. Козёл!

По такому же сценарию прошли обед, ужин и утро следующего дня. Он полностью игнорировал все мои попытки серьёзного разговора и вёл себя крайне легкомысленно.

На следующие сутки я решила взять другую тактику. Когда он зашёл с едой ко мне в обед, я сообщила, что мне нужна свежая одежда. Сказав это, я сняла с себя майку и лифчик, бросила их рядом и обольстительно улыбнулась. Но Кирилл нервно сглотнул и заморгал. Но потом отвёл взгляд и, не обращая ни малейшего внимания на мою наготу, достал свежую газету и поинтересовался, что я предпочла бы почитать сегодня: политические сводки или светские сплетни. О, Боже, мне хотелось расцарапать его самодовольное лицо!

Вместо этого я, проявляя чудеса самообладания, ответила, что мне интересен прогноз погоды. Мне нужно знать, какую одежду выбрать, когда поеду к себе домой завтра утром. Кирилл сладко улыбнулся и сказал:

— Надейся, малышка.

Тем не менее он открыл нужную страницу газеты.

— Завтра ожидается сильный дождь. Лучше не выходить из дома без лишней надобности. — Нарочито небрежно прочитал он.

Потом он оторвался от газеты и посмотрел на меня, ухмыляясь.

— Вот видишь, даже погода на моей стороне.

От меня не укрылся его быстрый взгляд, скользнувший по холмикам моих сосков. Он

отвёл глаза и вздохнул.

— Такая милая попытка. Мне уже интересно, что ты сделаешь дальше, моя маленькая развратная девочка. — Его шёпот такой чувственный и страстный, что мои соски предательски затвердели, и теперь уже я попыталась смущённо скрыть предательское возбуждение.

— Я приду к тебе вечером, моя упрямая пленница. — Он забрал поднос, подмигнул и нежно щёлкнул меня по носу. — Не вешай нос.

Иногда мне кажется, что у него раздвоение личности. Как в этом человеке могут уживаться такие противоположности? У меня голова идёт кругом от этих эмоциональных качелей.

К вечеру на меня нахлынуло безразличие. Мне уже начало казаться, что я никогда не выйду из этой шикарной спальни и буду вечной пленницей в замке синей бороды. Когда Кирилл пришёл с едой, я притворилась спящей — не хотелось его видеть. Он проявил уважение к моему упадническому настроению, потому что не стал навязывать своего общества. Он просто оставил поднос на тумбочке, укрыл пледом и тихо вышел, прикрыв дверь.

В тот вечер я ещё долго лежала без сна, обдумывая своё положение. Этот внешне притягательный, но внутренне такой тёмный и отталкивающий мужчина просто помешался на мне. Неужели я сама дала ему повод думать, что согласна на подобное обращение? Прокручивая в голове события этого странного лета, я не могла отделаться от ощущения собственной вины. Всё это время, сама того не понимая, я будто танцевала с красной тряпкой перед разъярённым быком. Моя неопытность и непростительная наивность завлекли его, одурманили. Ведь с самой первой встречи я инстинктивно почувствовала в нём опасность. Мой разум посылал мне тревожные сигналы о том, что я должна держаться от него подальше. Но я проигнорировала их. Или это он не дал мне пути к отступлению? Я уже не знала, в чём правда.

Привычный черно-белый мир, в котором было чётко разграничено хорошее и плохое, вдруг окрасился в неопределённую серость. Каждый поступок Кирилла, сначала казавшийся мне ужасным, в итоге принимался мной. Я смирялась под натиском его страсти, его порока. В какой-то момент я так запуталась, что разрешила его тьме поглотить меня. Я поддалась на его провокации и теперь должна была расплачиваться за это. Моя робкая и некогда чистая душа настолько тесно переплелась с его жестокой сущностью, что я уже не могла разграничить, где заканчивается его одержимая похоть, и начинается моя собственная.

Он насильно приучил моё тело беспрекословно подчиняться его изощрённому разврату. Каждая встреча дарила мне боль, но он приправлял её шепоткой удовольствия, от чего вкус блюда становился всё более пикантным. Я всё глубже постигала бездонную пропасть его души. Если, конечно, у этого дьявола была душа.

В тот день мне снились пугающие, тревожно возбуждающие сны. И когда я открыла утром глаза, то почувствовала себя усталой и разбитой.

Вскоре после пробуждения я услышала, как Кирилл разговаривает по телефону в коридоре. Услышав знакомое имя, я наострила уши и вся обратилась в слух.

— Да, Анатолий Степанович, узнал вас. — Кирилл разговаривал с деканом. — Всё отлично, творческий процесс идёт. Сейчас как раз заканчиваю работу над новым романом. Да, скоро отправлю редактору. Ага... Да, спасибо. Что? Не можете дозвониться до Киры Петровны? Ах, да! — он сделал вид, что внезапно вспомнил о чём-то. — Кира поехала к

родственникам домой.

Какого чёрта он плетёт?! Я никуда не уехала! Я тут, лежу в его спальне, прикованная наручниками к спинке кровати!

— Не знаю на сколько дней — какие-то семейные сложности. — невозмутимо продолжил он. — Может, на неделю, или на две... Да, я тоже думаю, что это безответственно, но что поделаешь — молодые такие ветреные. — Он вздохнул и добавил, — Она просила передать, что, как только она найдёт решение проблемы, сразу сможет вернуться.

Вот негодяй! Теперь меня никто не будет искать! Я уже тысячу раз пожалела, что не придумала ничего лучше, чем представить его своим родственником. Что он там говорил? Меня не будет неделю или две? Но я не могу так долго быть его пленницей! Я должна через десять дней выставить на защиту свою диссертацию. О, Боже! Надо срочно что-то предпринять. Я судорожно соображаю.

Вдруг на меня находит какая-то отстранённая решимость. Другого выхода нет. Я сделаю, что он хочет. И плевать на мои чувства, плевать на последствия. Я доверю эту тайну ему. Пусть узнает эту сторону меня.

Пока я размышляю, ручка двери поворачивается, и заходит Кирилл:

— Звонил твой начальник. — Он скривил тонкие губы в усмешке. — Твой другой начальник. Я ему сказал, что ты пока недоступна.

Сейчас я ненавидела в нём всё. Я позволяла ему слишком многое: издеваться надо мной, доставлять мне боль и наслаждение, но не могла позволить ему копаться в самых глубинных своих чувствах. Он никогда не спрашивал разрешения проникнуть мне под кожу — просто вытворял со мной все, что хотел. Я чувствовала себя любимой игрушкой пятилетнего мальчика, безвольной куклой, с чьими чувствами никто не считается.

Кирилл тем временем подошёл ко мне ближе:

— Мне нравится, как ты сопротивляешься мне. От этого вкус победы только слаще. — он облизнул губы. В его глазах зажёгся какой-то маниакальный огонь желания.

— Малышка, почему ты так боишься подпустить меня близко? Почему ты не хочешь мне открыться? — он берёт меня за подбородок и фиксирует его большим и указательным пальцами.

Слегка тянет его вниз, и мои губы приоткрываются.

- Откройся мне, девочка. — Тихо шепчет мне в рот и облизывает мои губы. Сначала верхнюю, потом — нижнюю.

Я прикрываю глаза от удовольствия. Он снова пользуется своим запретным оружием. Ненавижу своего мучителя и страстно желаю его. Какой позор! Я немного отстраняюсь от него и опускаю глаза в пол, так как не могу сейчас видеть его воспламенённый взор.

— Кирилл, я боюсь этих чувств, понимаешь? Я боюсь этой боли. Мне кажется, если я достану её из своей памяти, распробую её, то она меня поглотит. — я краснею. Мне страшно.

— Девочка моя. — Он ласково проводит рукой по волосам. — Ты должна принять эту боль, чтобы преодолеть. Мой урок тебя ничему не научил? Боль — часть нашей сущности. Не борись с ней, не избегай. Чтобы взять её под контроль, нужно её вкусить.

Я поднимаю на него взгляд. Я слишком хорошо усвоила его урок. Больше я не могу ему доверять. Но, возможно, не нужно доверять человеку, чтобы прислушаться к его словам.

Откуда он столько знает о боли? Я припоминаю его лекцию в университете: «Творчество — это боль. Слова — боль». Вот, что он пытается мне доказать. Я зажмуриваюсь на секунду, надеясь, что, когда открою глаза, окажется, что мне всё это приснилось. Когда нахожу в себе силы, открываю глаза и пристально смотрю на него:

— Давай ноутбук. Я готова. Я сделаю это ради тебя.

Кира

В детстве я любила наблюдать за насекомыми. Могла подолгу сидеть в траве в поисках божьей коровки или кузнечика. Мне нравилось их маленькое царство — такое хрупкое и недолговечное, но полное жизни. Не верилось, что вся жизнь этих маленьких существ умещается в короткие месяцы лета. Они успевают родиться, вырасти, полюбить, построить жилище, родить потомство и умереть всего за пару месяцев. В свои двенадцать лет я чувствовала себя старым мудрецом по сравнению с этими букашками. Любила выходить на улицу, чтобы посмотреть, как поживают мои питомцы: я строила для них домики и приносила лакомства.

Мама не разделяла мою любовь к насекомым и не разрешала приносить их в дом. Она всё настойчивее советовала мне найти друзей среди других детей, однако все мои подружки разъехались на время летних каникул: кто в деревню, кто на дачу. Из всей нашей дворовой компании остался лишь Борька. Но мы с ним никогда не были особенно дружны из-за его упорного нежелания принимать участие в мало-мальски захватывающих играх. Ни на гараж не залезешь с ним, ни на дерево. Он всё время ходил на прогулки с бабушкой и бежал к ней заливаясь слезами по всякому удобному поводу. Плакса. Нет, с Борькой я не собиралась строить совместный шалаш.

Примерно в середине июня маме в голову пришла отличная, как ей показалось, идея — отправить меня в пионерский лагерь. Мама убеждала меня, что там будет свежий воздух и ребята моего возраста, с которыми мы обязательно подружимся. Я лично весьма сомневалась в этой задумке, но меня особенно никто и не спрашивал. Сказано — сделано. И вот я уже еду в автобусе в летний лагерь с другими такими же, как и я, бедолагами. Я чувствовала себя преступником, которого перевозят в специальном автобусе под конвоем в место отбывания наказания.

Половину пути я грустно смотрела в окно, но классический пейзаж русской равнины быстро мне наскучил, и я обратила внимание на соседку справа. Это была симпатичная девочка на пару лет старше меня. Я с восхищением разглядывала её мелированные волосы. Несколько прядей даже были выкрашены в синий цвет. Мне бы такое никогда не разрешили.

Я с завистью посмотрела на соседку. Она с закрытыми глазами слушала какую-то музыку на плеере, но, почувствовав мой взгляд, выдернула один наушник и повернулась ко мне:

— Привет. — сказала она, слегка жмуря накрашенные ресницы от яркого света, — тебя как зовут?

— Кира. А тебя?

— Я — Малина. — она весело улыбнулась

— Что? — Я не поверила, что её и правда так зовут.

— Ну на самом деле, я — Марина, но мне больше нравится так. — она подмигнула. — Знаешь, есть свои плюсы в том, чтобы целый месяц жить с толпой незнакомых людей — ты можешь быть кем хочешь! — Она заговорщически перешла на шёпот. — Ну а ты кем хочешь быть?

— Я даже не знаю пока что, мне кажется, что я — преступник, которого везут отбывать наказание. — грустно ответила я.

— Понятно. Первый раз в лагерь едешь? — Со знанием дела сказала Малина окончательно выключая плеер.

— Да. И пока мне не нравится. А ты?

— Я уже четвёртый раз. Моя мама с отчимом укатили в отпуск, а меня, как всегда, отправляют сюда.

— Сочувствую. — я представить не могла, чтобы моя мама уехала в отпуск без меня. Мне, наверное, было бы обидно.

— А что в этом плохого? — Девочка с вызовом посмотрела на меня, — мне их рожи и за учебный год надоели. Ещё и летом их терпеть. — Она фыркнула. — Знаешь, тебе повезло, что ты со мной познакомилась. Я тебе всё расскажу.

Следующие два часа пути Малина поведала мне во всех подробностях основные правила выживания в детском оздоровительном лагере. Во-первых, курить нужно было обязательно, иначе тебя не примут ни в одну приличную компанию. Во-вторых, на еду в столовой нужно всегда громко жаловаться, иначе прослывёшь неприятельной. В-третьих, обязательно нужно делиться одеждой со всеми подругами, если хочешь сойти за "свою". В-четвёртых, никогда, ни под каким предлогом нельзя целоваться с бывшим своей подруги. На этом пункте она особенно настаивала, от чего у меня закралось подозрение, что у неё есть какой-то личный негативный опыт.

Напоследок меня ждало ещё несколько наставлений: на дискотеку надо ходить каждый вечер, краситься обязательно, и вообще, начинать присматривать себе парня нужно с самого начала смены, иначе всех хороших разберут. Моя новая подруга была очень дерзкая и очень опытная. За прошлую смену она встречалась с тремя парнями, и я с восторгом слушала рассказы, как легко она играла их сердцами. Я до недавнего времени играла только в куклы и была безумно рада, что в последний момент решила не брать с собой своего любимого плюшевого мишку.

Когда мы приехали в лагерь, Малина настояла на том, чтобы мы записались в один отряд. Там были только старшие ребята, но её уверенность придала мне решимости, и вот через несколько часов мы уже были соседками по комнате. Оказалось, что Малина действительно всех знала. Она уверенно махала всем знакомым в знак приветствия, попутно вставляя шёпотом забавные и колкие комментарии по поводу их внешности или характера.

Благодаря моей подруге, я быстро вписалась в компанию ребят постарше — всем вокруг меня было от четырнадцати до шестнадцати лет. И только Малина знала о моём настоящем возрасте. Она мудро решила, что я не должна говорить никому правду.

— Поверь мне, парней это только отпугнёт. — по-деловому говорила моя новая приятельница, затягиваясь сигареткой.

С её лёгкой подачи я тоже начала курить. Сначала не затягиваясь, а потом, после того, как Малина подняла меня на смех в общей компании за неумелость, я стала затягиваться. Приятное головокружение и оцепенение овладевало мной от каждой сигареты. А одобрение окружающих только подпитывало мою новую зависимость.

Меня немного смущала одержимость моей новой знакомой противоположным полом. Она знала по именам всех симпатичных игроков в футбол, членов команды по плаванию, молодых охранников и тренеров. Она флиртowała с ними так легко, будто её в школе

научили этому искусству. Я завидовала той лёгкой непринуждённости, с которой она заводила знакомства, в тайне желая стать хоть немного похожей на неё.

В нашем лагере было множество интересных парней, многие из которых к середине смены уже были заняты. Но был один молодой человек, по которому сохли абсолютно все девушки нашего лагеря — это был вожатый нашего отряда — Владимир Дмитриевич. Или как мы его называли «за глаза» — «Вова чума». Тем летом как раз была популярна песня с таким названием, и каждый раз, когда вожатый проходил мимо нас, мы дружно начинали её петь, глупо хихикая.

Не знаю, зачем этот парень вообще решил быть вожатым в лагере. Он не проявлял ни малейшего интереса к воспитательному процессу. По началу он ещё пытался гонять курящих около забора и за туалетами подростков, но через пару недель забил на это, и сам стал курить и пить с нами пиво.

В то время мне, двенадцатилетней девочке, он представлялся воплощением красоты и мужественности. Он был широкоплечим и спортивным, умел играть на гитаре. Когда он начинал петь, я утопала в его звучном низком голосе. Конечно, я считала его недосыгаемым и очень взрослым, хотя ему самому на тот момент было лет восемнадцать — девятнадцать. Наверное, он решил подзаработать и отдохнуть перед поступлением в вуз.

Примерно за десять дней до окончания смены в лагере мы с Малиной начали замечать некоторые странности в поведении предмета нашего обожания. Неподальёку от лагеря располагалась деревня. Как-то раз мы заметили, как Вова, прощмыгнув в дырку в заборе, исчез часа на три. Мы обнаружили, что он исчезал так каждый день, и нам стало очень любопытно. Нужно было за ним проследить. Было решено во чтобы то ни стало разведать, куда он уходит на эти часы, так как моя подруга твёрдо решила добиться его внимания.

И вот, как-то раз нам выдался такой шанс. Это был вечер, время дискотеки, и все вожатые должны были присматривать за нами. Малину пригласили на медленный танец, а я стояла в сторонке, ища глазами Вову. Когда я нашла его в толпе, то увидела, что он пробирается между танцующими парами в сторону выхода.

Малина была занята своим кавалером, поэтому я решила сама проследить за ним. Я старалась двигаться бесшумно и шла следом на небольшом расстоянии. Мы выбрались за территорию. Я следовала за ним невидимой тенью. Так мы двигались вдоль лесной опушки минут двадцать, пока не оказались в поле, усеянном аккуратно собранными стогами сена. Вова прибавил шаг, и я поспешила за ним.

Я спряталась за кустом недалеко от стога, когда увидела, что Вова подходит к какой-то девушке. Я не могла расслышать, о чём они говорили, зато отлично видела их в ярком свете Луны.

Я видела, как они слились в страстном поцелуе. Потом Вова обхватил девушку за талию и прижал к себе. Она испустила сдавленный стон, и мне показалось, что он делает ей больно. Он так сильно прижимал её хрупкое тело к себе, что они будто стали единым целым. Вова с каким-то животным желанием целовал её шею, грудь, а руками гладил её под платьем. Потом он внезапно остановился, и я вздохнула с облегчением, думая, что всё закончилось, но в следующую минуту девушка уже стояла на четвереньках прямо на земле, а Вова подошёл к ней сзади, расстёгивая ширинку брюк. Моё сердце забило очень часто, а внутри всё сжалось от непривычных тянущих ощущений внизу живота.

Парень подошёл к девушке, задрал ей юбку до талии и резко проник в неё. Она громко вскрикнула и содрогнулась. Мне показалось, что ей очень больно, так как её лицо

искажилось и стало каким-то жалобным. Я хотела побежать ей на помощь, когда он начал свои резкие и грубые движения. Мои ноги будто приросли к земле. Я была уверена, что передо мной совершается насилие, так как никогда раньше не видела, как люди занимаются сексом. В моих смутных представлениях это должно было быть очень нежно и ласково, как некое подобие щекотания, только ниже пояса. Мне почему-то казалось, что люди при этом смеются, а не кричат и не стонут от боли.

Вместе с тянущими ощущениями я почувствовала приступ тошноты. Нет, я не могла поверить, что девушке нравятся эти резкие и грубые толчки, эта униженная поза. Будто животные — подумалось мне. Неужели все мои представления о сексе были неправильными? Неужели удел женщин в подчинении мужчинам? Нет, не может быть! Я содрогалась от отвращения, но не могла отвести взгляд от этой парочки. Вова начал ускорять движения, а девушка всё громче и сильнее стонала, пока вдруг не вскрикнула и не затряслась всем телом. О, Боже, бедная, что он с ней сделал? Может, ей нужна медицинская помощь?

Они повалились на землю и потом долго лежали в обнимку. Я начала всё сильнее переживать за её состояние, даже подумала, что, может быть, он её убил и теперь думает, где бы спрятать труп. Да он просто маньяк! И как только он мне нравился!

Внезапно девушка засмеялась, и её звонкий смех разлился по всему полю. Потом они встали и начали весело собираться. Я не могла поверить своим глазам. Я думала, что девушка должна была бежать без оглядки, а она вместо этого поцеловала Вову в губы. Потом они вместе отправились в сторону лагеря, держась за руки.

Когда парочка поравнялась с кустом, где пряталась я, мне удалось рассмотреть лицо девушки. Это была дочь одного из сотрудников администрации лагеря. Я плохо её знала, так как она была старше и не жила в отряде. Кажется, её звали Анна.

Я подождала, пока они скроются из виду, потом перевела дыхание и стремглав побежала обратно в лагерь.

— Где ты была всю дискотеку? — спросила меня недовольная Малина, когда я зашла в нашу комнату.

— Ох, Малина, я видела только что нечто ужасное!.. — я рассказала подруге обо всём, что увидела на поле. По ходу рассказа, лицо Малины всё больше мрачнело, что, как мне казалось, подтверждало мои худшие опасения.

— Кто, ты говоришь, это был? — Малина с яростью смотрела куда-то в сторону.

— Вова, конечно! Ты не поняла? Ты не слушала что ли? — я задыхалась от негодования. — Я же говорю, он её изнасиловал...

— Да нет, кто эта девушка?

— Кажется, это была Аня, дочь кого-то из бухгалтерии. Сколько ей лет вообще, ты не знаешь?

— Семнадцать. Чертова шлюха! — Марина вскипела от злости.

— Да что ты такое говоришь! — изумилась я. — Поверь, она явно была в ужасе от происходящего. Такое никому не могло понравиться... Просто кошмар! Представляешь, ведь он и тебе нравился... — я с ужасом представила, что на месте Ани могла оказаться моя подруга.

— Да уж, могу представить. — усмехнулась она.

Малина не хотела больше продолжать эту тему, и отвернулась на другой бок, укрывшись одеялом.

На следующий день моя идея об изнасиловании находила всё больше подтверждений. Когда я увидела, как та девушка, Аня, со слезами на глазах выбегает из здания администрации, я всё поняла. Бедняжка! Через что ей пришлось пройти!

Малина куда-то пропала, её не было всё утро, поэтому мне не с кем было поделиться своими опасениями. Но я твёрдо решила, что буду зорко смотреть за Вовой. Если увижу, что он вновь собирается уйти, пойду за ним и помешаю ему сделать это ещё с кем-то.

Через три дня состоялся финальным матч по футболу. Я сидела и болела за нашу команду, а Малина ушла за водой. Внезапно я увидела, как Вова встаёт и направляется к дыре в заборе. Я попыталась найти глазами Малину, но её будто след простыл. Вова тем временем потерялся из виду, и я решила, что не могу медлить. Я быстро встала и пошла вслед за ним. Было уже темно, и мне показалось, что я потеряла его, но потом заметила, что он стоит и курит недалеко в лесу, будто ждёт кого-то. Я незаметно пробралась вслед за ним. Он двинулся дальше. Вова держал путь всё к той же поляне, от чего мои подозрения только усиливались.

Внезапно он снова пропал, и я подумала, что он просто пошёл быстрее, поэтому тоже прибавила скорость. Я шла очень быстро, но его нигде не было видно. Я остановилась, смотря из стороны в сторону, как вдруг сзади послышался его голос:

— Так это была ты, Кира? — он спрятался сзади в кустах, используя мой же трюк.

— Ээ... Ты о чём? — мой голос предательски дрожал. — Я просто решила прогуляться... — я попятилась и сделала несколько шагов назад.

— Ты — мелкая дрянь! — Его лицо исказилось от ненависти. — Признайся, это ты следила за мной три дня назад? — он приближался ко мне медленно и постепенно.

— Послушай, я не знаю, о чём ты говоришь! — я закричала и повернулась к нему спиной, чтобы убежать, как вдруг ощутила его руку, хватающую меня за талию.

— Ты просто позавидовала? — Он провёл пальцами по моим губам. — поэтому ты донесла на нас матери Ани?

— Что? — Я открыла рот от изумления. Кто-то донёс на них? Неужели кто-то ещё знает о его проделках?

— Я никому ничего не говорила про вас! — закричала я.

— Всё ты врешь! — его лицо исказилось яростью, и меня обдало парами алкоголя. Парень был пьян.

— Я не вру! Честно! — я в ужасе попыталась отпрянуть.

— Да ты понимаешь, что натворила?! Мы с ней теперь не можем встречаться! А мне напишут ужасную рекомендацию в университет! — он орал мне в лицо.

— Раньше надо было думать! — Я набралась храбрости и посмотрела ему в лицо. — Прежде чем ты её изнасиловал!

— Да что ты несёшь? Тупая мелкая соплячка! — Он опешил и от неожиданности ослабил хватку. — Да я влюблён в неё! И она в меня! Мы всю смену встречаемся!

Я не могла поверить его словам. Неужели то ужасное, что между ними было, случилось по обоюдному согласию?

— Знаешь, я думаю, что ты просто ревнуешь. Думаешь, я не видел, как вы с подружками пускали по мне слюни? Но я выбрал другую, и ты решила отомстить? — он прислонился ко мне всем телом, удерживая неподвижно.

— Даже не смей! — я попыталась отодвинуть его.

— Ты знаешь, что Ане пришлось краснеть перед своей мамой за твои рассказы? Она до сих пор плачет целыми днями и видеть меня не хочет! — Он с болью посмотрел на меня. — Знаешь, что я думаю? Я думаю, что тебя нужно проучить. Чтобы впредь следила за своим поганым языком.

Он расстегнул ремень на штанах. Я с ужасом подумала, что он и меня сейчас изнасилует. Но он вытащил ремень и скрутил меня, поставив на колени. Потом Вова задрал мне платье, оставив трусики на месте, и сказал, еле сдерживая ярость:

— Тебя родители не учили, что нехорошо подглядывать за взрослыми? Сейчас я тебя научу хорошему поведению.

Он занёс ремень и со всей силы ударил по моим извивающимся ягодицам. Я громко вскрикнула от острой, обжигающей боли. Он ударил ещё и ещё. Каждая клеточка моего тела изнывала от саднящей, жалящей боли. Я чувствовала, что на коже появляются полосы, они вспухают и наливаются жаром. Он бил с остервенением, со всей силы взрослого мужчины, а я орала во всё горло, надеясь, что кто-то услышит и придёт мне на помощь. Когда я почувствовала, что сейчас потеряю сознание от боли, он вдруг остановился и прервал свою пытку. Я дрожала всем телом, а он тяжело дышал от физического напряжения.

— Всё, свободна. — он сел рядом со мной и закурил.

Я лежала на траве и не могла пошевелиться. Мне показалось, что я парю над своим телом и вижу себя со стороны. Я не могла поверить, в то, что только что произошло. Перед мысленным взором вдруг встало искажённое от боли лицо Ани. Может, в боли и есть женское наслаждение? — Пришла в голову мне странная мысль.

— Ну, чего лежишь? — как-то глухо спросил он.

Я не могла понять, почему не могу просто встать и убежать. Моё тело будто оцепенело от шока. Чувство отрешённости и опустошение овладели мной. Я буквально не могла пошевелиться.

Не дождавшись моего ответа, парень вдруг спросил.

— Ты куришь?

Я ошалело кивнула. Мне хотелось ощутить приятное головокружение и забытие от сигареты. Он поднял меня и усадил рядом, одёрнул платье и вытер слёзы. Потом прикурил сигарету и дал мне. Я трясущимися пальцами приняла её и затянулась. Мы молча сидели. Я пребывала в состоянии шока и не совсем понимала, сколько времени прошло. Время будто свернулось в кольцо, и мы ходили по нему кругами без возможности вырваться.

По какой-то необъяснимой причине я не могла просто встать и уйти — мне казалось, что моё тело теперь принадлежит не мне, а какой-то другой девушке. Девушке, которая пострадала, которая кричала и вырывалась ещё несколько минут назад. Или часов. А я — бестелесный дух, оцепеневший от увиденного со стороны. Сейчас моё израненное сердце тянулось к единственному живому существу рядом, к моему мучителю. Вова, вдруг, сказал:

— Пошли, уже поздно.

Но я не шелохнулась. Тогда снова он поднял меня, отряхнул моё платье, распустил волосы и бережно вынул из них листья и палки, потом умело собрал их в хвост.

Он осмотрел в моё лицо и ещё раз вытер его от слёз. Я почти не чувствовала его прикосновений и слышала только какой-то шум в ушах. Вова что-то спрашивал у меня, но я не отвечала. Тогда он просто взял меня за руку и повёл обратно в лагерь, а я послушно плелась рядом. Когда мы перелезли через дырку забора, он остановил меня, повернул к себе

и сказал:

— Слушай, ты это... ты прости меня. Не знаю, что на меня нашло. — он не мог смотреть мне в глаза.

Я вдруг ощутила какую-то непонятную жалость к нему. Будто чувствовала, что из-за моей неосмотрительности ему теперь мучиться раскаянием. Прошлая «я» казалась мне глупой маленькой девочкой, я будто внезапно повзрослела на несколько лет. Я как-то криво улыбнулась ему. Он, видимо, подумал, что у меня сейчас начнётся истерика, потому что со страхом сжал мою руку.

— Не бери в голову. Я сама виновата. — Зачем-то сказала я. Мне почему-то захотелось его приободрить. Бред...

Я развернулась и зашагала в сторону нашего домика.

Малина уже ждала меня в спальне, как всегда недовольная моим отсутствием.

— Ты где была? Я тебя обыскала! Наша команда проиграла! — она окинула меня взглядом. Я выглядела, наверное, как-то странно, потому что она с беспокойством добавила:

— Эй, с тобой всё в порядке?

— Да, всё отлично. — я села на кровать и боль обожгла мою воспалённую кожу. Я не смогла подавить судорожный вздох, что, конечно же, не укрылось от взгляда моей подруги.

— Скажи, — я пыталась придать голосу безразличие — это ты рассказала матери Ани про её связь с вожатым?

Лицо Малины вспыхнуло, она отвела взгляд, но потом с вызовом произнесла:

— Ну и что, если я?

— Да ничего. — Я отвернулась к стене. Потом чётко произнося каждое слово, добавила — Ты просто редкостная сука. — мой голос был абсолютно бесцветным.

Я легла на кровать прямо в одежде. Я так устала. Ужасно устала. Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Кирилл

Я прочитал её исповедь. Прочитал жадно и быстро. Потом перечитал. Один раз. Другой. Третий. Мне казалось, что строчки начали плясать перед глазами — настолько напряжённо я всматривался в них. Да, это было то самое. Она впустила меня. Я буквально видел её душу в этих невесомых электронных строчках. Обнажённый нерв души, до которого я мог мысленно дотронуться, проникнуть, исследовать. Я прикрыл глаза. Мне кажется, это был литературный экстаз.

Ещё со студенческих времён обычный секс наскучил мне своим однообразием и предсказуемостью. Чистая механика без эмоциональной связи уже не приносила былого удовлетворение. Приходилось добавлять к ней всё более изощрённые усовершенствования. Я сейчас говорю не столько о физических извращениях, сколько о психологических. Мне неистово хотелось ощутить с кем-то связь, проникнуть не только в тело, но и в душу. До настоящего момента мне казалось, что я познал практически всё. Но я ошибался.

Проникать в разум моей прекрасной девочки оказалось куда большим наслаждением, чем я мог себе представить. Она бросала мне вызов своей непокорностью и отчаянным сопротивлением. От этого проникновение в её сущность казалось острым, болезненно узким и эротичным. Я с удовольствием смотрел, как прекрасный бутон её души всё больше приоткрывается навстречу моим порывистым толчкам, медленно раскрывая нежные розовые лепестки. И вот наконец-то я был в ней, поселился в ней и теперь полностью контролировал.

В этот момент я почувствовал небывалое единение с ней. Между нами будто пролегли невидимые нерушимые нити. Моя маленькая строптивая девочка сдалась, отдалась на волю победителя. И я сжимал в руке сладостное доказательство победы.

Удивляясь новым ощущениям, я даже не пытался их обуздать. Я будто сошёл с ума. Мне кажется, она понимала это. Наверное, ей нужно было сбежать от меня, когда ещё была возможность. Но, к моему счастью, она уже не сможет это сделать — мы слишком глубоко проникли друг в друга.

Я посмотрел на неё. Она дрожала, будто в ознобе, и не смотрела мне в глаза. Моё сердце пропустило удар, когда я увидел слёзы на её глазах. Мне захотелось прижать её к себе, утешить, убаюкать. Сказать, что всё будет хорошо. Но, вопреки своим желаниям, я должен был ещё немного раздвинуть грани дозволенного.

Я чувствовал, что моя девочка подошла к рубикону, разделяющему прежнюю её жизнь и новую — со мной. Мне нужно было, чтобы она преодолела эту границу, переступила через себя ещё раз. Я чувствовал, что она уже была натянута как струна, боялся тронуть и прогнуть — вдруг порвётся. Но, как я говорил, женщины, порой, проявляют чудеса гибкости. Я должен был попробовать. Собравшись с духом, я сказал:

— Тебе не нужно этого стесняться. Твоя душа прекрасна, а это значит, что весь её опыт тоже по-своему прекрасен. Ведь именно он сделал тебя тобой.

Она благодарно посмотрела на меня. Слёзы застыли в её глазах. Это были слёзы освобождения. Когда человек обнажается настолько, что позволяет кому-то другому пролить свет на свою тьму, то тьма прошлого начинает растворяться в этих ярких лучах свободы. Я

обещал выпустить мою птичку из клетки. И сделал это.

— Послушай, — настойчиво продолжил я. — Нам нужно сделать кое-что ещё. — Я открыл браузер — Я снял блокировку с твоего блога. Теперь нам нужно выложить твой рассказ.

Я увидел, как её глаза округлились в беззвучном ужасе, и она прикрыла рот рукой. Я приблизился к ней и порывисто заключил в объятия. Почувствовав, как она напряжена, я начал массировать её плечи, потом вдохнул запах её волос — этот невесомый и пленительный аромат юности. Я спустился ниже и начал покрывать лёгкими, воздушными поцелуями её бархатную шею. Я ощущал, как она начинает дышать всё глубже и расслабляется от моих ласк. Когда она совсем обмякла и прикрыла глаза от удовольствия, я резко прикусил мочку её уха. Она вскрикнула от неожиданности.

— Сделай это. — я прошептал ей в ухо. Жёстко. Требовательно.

— Моих жертв тебе всегда будет недостаточно? — её голос был тихим и обречённым.

— Я уже раскрыл перед тобой дверцу клетки — тебе осталось лишь упорхнуть. — Спокойно сказал я и прильнул лбом к её лбу.

Но что-то не давало ей совершить этот последний шаг. Она боялась прыгнуть с обрыва, перед которым я её поставил. Моё терпение было на исходе. Я собственноручно мог бы запостить её рассказ, но мне хотелось, чтобы она сама это сделала. Открыла тысячам читателей себя настоящую, наконец-то! Неужели она не видит, насколько прекрасна её внутренняя сущность, свободная от глупых комплексов и предрассудков. Я повысил голос:

— Сделай это! — Я сорвался на яростный крик. — Давай!

Мне кажется, она испугалась моей сумасшедшей одержимости, потому что вздрогнула, взяла ноутбук и трясущимися пальцами нажала на кнопку «Опубликовать». Потом как-то растерянно посмотрела на экран, будто до конца не верила в то, что сейчас произошло.

Я ликовал. Чувствовал, будто огромный невидимый груз упал с плеч. Я вздохнул полной грудью и с восхищением посмотрел на неё. Теперь мы с ней на одной тёмной стороне. Я больше никогда не буду одинок.

Я взял её лицо в свои руки и страстно поцеловал её пересохшие губы. Впился в них, будто она была моим оазисом среди пустыни, к которому я шёл уже больше тридцати лет. Потом я снял с неё наручники. Я знал, что теперь ей некуда бежать — все мосты сожжены. Ей придётся остаться тут со мной. Навсегда.

Я сжимал её в своих руках, целовал каждый уголок и складочку её тела. А она отзывалась. Ох, как сладко она отзывалась! Постанывала, когда я вкушал жаркие берега её нижних губ, между которым скрывалось солёноватое море желания. Мне была нужна только она, моя отважная девочка. Впервые в жизни мне хотелось заниматься любовью.

Кира

Никогда ещё в своей жизни я не чувствовала такой опьяняющей свободы. Мне показалось, что у меня и правда выросли крылья. Теперь я взлетела над своей жизнью и парила в облаках, противостоя встречному ветру.

Сначала я не могла поверить в то, что натворила. Осознание того, что Кирилл только что заставил меня сделать, никак не приходило. Я открыла свои самые тайные уголки не только этому невозможному мужчине, но и ещё тысячам посторонних людей. Выставила себя напоказ, обнажилась перед публикой. Паника подступала к горлу, холодным потом выступая на лбу.

Однако, когда я посмотрела в безумные восхищённые глаза Кирилла, все прочие мысли внезапно покинули мою голову. Я ощущала его бешеный восторг, и это всепоглощающее чувство проникло и в меня, когда наши губы соприкоснулись. Я никогда раньше не испытывала такого страстного желания угодить кому-то и вот, наконец-то, я добилась его одобрения. И даже больше — восхищения. Это опьяняло.

Мне казалось, что все мои нервы оголены до предела, и ток возбуждения уже разносился по моим венам.

Кирилл придвинулся ближе ко мне и стал с какой-то маниакальной поспешностью целовать всё моё тело, заставляя меня изгибаться дугой навстречу его жарким поцелуям. Его руки торопливо блуждали по мне, будто он боялся, что я внезапно могу исчезнуть, и он не успеет меня познать.

Я ощущала его тёплые ладони под своей майкой. Он прижал меня к себе так сильно, что мне стало трудно дышать. Я будто была источником в жаркой пустыне, к которому припал жаждущий путник. Когда мои пересохшие от частого прерывистого дыхания губы встретили его, между нами будто пробежал электрический разряд. Всё моё тело напряглось и подалось навстречу. Я вцепилась в его шею ногтями и притянула к себе.

Я просто утопала в его желании. Кирилл стянул с меня майку и бросил её на пол. На мне не было бюстгалтера. Он испустил восторженный стон, когда прикоснулся к моей обнажённой груди. Сжимая её в ладонях, он опустил губами ниже и захватил ртом твёрдые холмики сосков. Потом сжал их пальцами, немного покручивая. Я почувствовала, как кровь приливает ко мне снизу, заполняет жаром промежность. Мои губки набухли и налились приятным томлением. Сердце неистово билось.

Я робко отстранилась и опустила ладонями вниз его живота. Потом потянула вверх его футболку и сняла её. Моему взору открылась его крепкая грудь, покрытая тёмными узорами татуировок. Я стала изучать их, водя языком по затейливым линиям. Кирилл прикрыл глаза и откинул голову назад от удовольствия. Рисунки, покрывающие его кожу, причудливо переплетались друг с другом. Около шеи я разглядела изображение змея, оплетающего надкусанное яблоко. Это был дьявол-искуситель, заставивший Еву совершить первый в истории человечества грех. Сейчас я чувствовала всю сладость этого опасного плода, но совсем не хотела останавливаться. В безумии, я осмелилась заглянуть в глаза змею, и теперь, загипнотизированная им, уже не могла отступить. Я больше не хотела

возвращаться в свой прежний, спокойный рай. Отправляясь в путешествие вместе с ним в его греховный и тёмный мир, я лишь молилась, чтобы не погибнуть по дороге.

Кирилл открыл глаза и взял моё лицо в свои ладони.

— Ты такая красивая. — с восхищением прошептал он. — Я не могу на тебя насмотреться.

Я немного смутилась, но не опустила взгляд. Сейчас он казался таким искренним и настоящим. Неужели под слоями цинизма и жестокости я наконец разглядела его трепетную и живую душу? Серые глаза блестели от желания и нежности. В его лице больше не было привычной властности и высокомерия. Этот новый, романтичный мужчина безумно нравился мне.

Кирилл снова поцеловал меня, проникая своим языком в мой рот бережно и осторожно. Я не смогла сдержать стон, когда он начал ласкать кончик моего языка своим. Мне хотелось ощутить его там, внизу, поэтому я сжала его волосы и подтолкнула голову ниже. Он понял просьбу и стал опускаться, покрывая по ходу движения поцелуями мои груди и живот. Он расстегнул ширинку на моих джинсах и стянул их вниз вместе с трусиками. Я распахнула бедра ему навстречу, и он впился в моё лоно, ласково посасывая самые чувствительные места. Я с нетерпением начала подаваться бёдрами вперёд, ближе, ещё ближе...я так долго ждала этого!

Он продолжал двигать языком по моему клитору, нежно покусывая его. Я стонала и впивалась ногтями в его волосы. Почувствовав, что моё наслаждение становится всё острее, я уже почти не могла сдерживаться. От его настойчивых ласк кожа покрылась мурашками. Я ощущала приближение скорое разрядки, внизу живота всё налилось томительной истомой.

Внезапно Кирилл отстранился и посмотрел в мои затуманенные желанием глаза:

— Подожди, ещё нельзя. — он расстегнул брюки и снял их.

Я увидела, насколько он возбуждён. Сперва аккуратно касаясь пальцами его горячей твёрдой плоти, постепенно я стала обхватывать его сильнее и требовательнее.

Вскоре он немного отстранился, подхватил меня под попу и уложил на кровать. Я раздвинула бёдра, приглашая его. Мужчина навис надо мной, утыкаясь всей своей твёрдостью в мой вход. Я вся сочилась удовольствием, когда он медленно размазывал влагу по моим лепесточкам. Больше всего на свете мне хотелось ощутить его внутри. Но он медлил. Он дразнил меня. Внутри всё болезненно сжалось от возбуждения, поэтому я начала сама призывно тереться об него, изнемогая от желания. Кирилл хрипло выдохнул:

— Нетерпеливая малышка.

Он больше не медлил и резко вошёл в меня. Я громко застонала от этого сладостного и острого проникновения. Моё узкое лоно крепко сжало его плоть, обвивая и сдавливая. Я чувствовала, что моё тело полностью принадлежит этому мужчине, и мне безумно нравилось ощущать его власть над собой, моими чувствами и разумом. Его ритмичные толчки отдавались сладостной истомой внутри меня. Он двигался очень жадно и резко, иногда внезапно замедляясь, давая мне расслабиться. И когда я полностью расслаблялась и разжимала внутренние мышцы, он, не встречая сопротивления, внезапно всаживался ещё глубже.

Эти непредсказуемые паузы не давали мне возможности взять под контроль своё удовольствие. Оно теперь полностью зависело от его милости. Он крепко сжимал меня в

своих руках, поглаживая горящую кожу. Потом его рука опустилась ниже и сдавила мои ягодицы. Он зафиксировал меня в одном положении и двигался всё резче и резче. Я почувствовала, будто его член стал ещё твёрже внутри меня.

Я уже давно громко кричала от всех переполняющих меня ощущений. Кирилл проник пальцами между нашими телами и начал растирать мой набухший пульсирующий клитор в такт своим движениям. Мои складочки болезненно трепетали от его прикосновений. Эта сладкая мука начала наполнять меня, собираясь острыми электрическими разрядами где-то внутри. Я чувствовала приятную наполненность, каждый раз, когда он проникал в меня особенно глубоко. Мой нежный бугорок сильно пульсировал под его пальцами, когда всё моё тело начало содрогаться в преддверии мощного экстаза.

Будто читая мои мысли, Кирилл с какой-то яростной страстью прошептал мне:

— Давай! Кончи для меня, детка!

И тут я взорвалась. Мне безумно нравилось быть послушной ему во всём. Волна сильнейшего оргазма накрыла меня. Я буквально потерялась в своих ощущениях — билась и дрожала — и только руки Кирилла удерживали меня в реальности.

После мы долго лежали в кровати, обнявшись, и молча курили. Казалось, мы — единственные люди, оставшиеся в мире. Вся окружающая реальность сжалась для нас до размеров кровати, уютно обнимая складками скомканных простыней.

Мы не хотели уходить из этого прекрасного мира наслаждения. Долго лежали и упивались друг другом. Как взволнованные подростки, мы жадно изучали тела друг друга и сладко кончали от этих трепетных прикосновений и поцелуев. В эти моменты мне даже казалось, что мы любили друг друга.

Я чувствовала его обезоруживающую искренность. Мы лежали под одеялом и целовались, когда Кирилл, вдруг отстранился и сказал:

— Знаешь, для меня всё это в новинку. — Он как-то странно смущённо улыбнулся.

Я уставилась на него непонимающим взглядом.

— Только не говори, что я у тебя первая. — Я хихикнула, прикрыв рот ладонью.

Он улыбнулся одними губами, но глаза его оставались серьёзными.

— В каком-то смысле так и есть. — тихо произнёс он.

Вот так признание... Я вдруг почувствовала странный трепет в груди. Неужели он хочет сказать мне то самое слово на букву «л», которое крутится у меня в голове последние несколько дней?

— Да? Что ты имеешь в виду? — Я вдруг тоже посерьёзнела.

— Я хочу сказать, что ещё никогда не чувствовал такого единения ни с кем. — Он отвёл взгляд и вздохнул. — Чувствую себя таким обнажённым...

Я провела рукой по его твёрдому прессу и опустилась чуть ниже. Потом улыбнулась ему и сказала:

— Сейчас ты и правда весьма обнажён. — Я кокетливо приподняла бровь.

— Как и ты, детка. — Он нашёл пальцами мою грудь и слегка сдавил её, от чего вишенки сосков моментально затвердели.

— Но я говорю сейчас не о теле. — продолжил он, лаская мою кожу. — Я чувствую себя слишком открытым перед тобой. Я будто книга в твоих маленьких ручках. Ты можешь перелистывать меня и изучать, с каждой страницей проникая всё глубже. Я не могу сказать, что это состояние мне нравится. — Кирилл внезапно отстранился.

— Тебя это тревожит? — тихо спросила я, заглядывая в его задумчивые серые глаза.

— Чертовски. — Он ухмыльнулся. — Но вместе с тем это новое, немного шаткое положение, добавляет остроты ощущениям. Это какой-то новый вид кайфа. Такой пряный и дерзкий. Прямо как ты, девочка.

Он потянулся ко мне и поцеловал в щёку. Уткнувшись носом в мои волосы, он сделал несколько глубоких вдохов.

— Ты же понимаешь, что я теперь тебя никуда не отпущу? — Я услышала привычные властные нотки в его голосе.

Я кивнула и подумала, что Кирилл был похож на дикого лесного зверя, которого мне удалось приручить. Но каждый раз, когда он чувствовал, что начал проявлять слабость, то выпускал когти, демонстрировал зубы и вновь скрывался в зарослях.

Мне нравилось эта наша странная связь. Я понимала, что обладаю какой-то непонятной властью над его душой. И это новое, необычное ощущение ещё сильнее привязывало меня к этому непостижимому человеку. Но это притяжение меня больше не пугало. Отныне я не хотела самостоятельности, и ощущала себя неотъемлемой частью его сущности.

Я осталась с Кириллом ещё на день. А потом ещё. Так, мы не заметили, как провели вместе несколько дней. Мы вставали лишь только для того, чтобы поесть или принять душ. Мне казалось, что я ещё никогда не подпускала никого так близко к себе. Я всю жизнь боялась обжечься, боялась, что мне причинят боль, поэтому держала всех на расстоянии, не желая доверять свои секреты. Теперь же совершив этот отчаянный рывок в тёмную неизвестность, я обнаружила, что не одна в темноте. Он был со мной. Моё солнце. Он озарял меня своим жарким светом, прогоняя прочь тёмных демонов прошлого.

Спустя несколько дней, как-то утром Кирилл в очередной раз пришёл ко мне в спальню из своего кабинета. Он проводил там достаточно много времени ночью, когда я спала. Вообще, мне казалось, что он почти не спит — он либо был со мной, либо писал что-то, запершись в кабинете.

Он вошёл, сел возле меня и стал читать газету. Потом поднял на меня свои задумчивые глаза и произнёс:

— Ты должна уйти из университета. — это был не вопрос, а, скорее, утверждение.

Он сказал это невзначай, мимоходом. И я, уже привыкшая к его безумию, весело ответила:

— Да? И чем же я должна заниматься?

— Ты будешь писателем, как и я. — Ни намёка на шутку в его голосе не было.

— С чего ты взял, что я хочу быть как ты? — Я ухмыльнулась.

Всё время в его квартире я пребывала в состоянии странного опьянения. Прошлая жизнь теперь казалась мне далёкой и нереальной

— Ты не производишь впечатление психически здорового человека. — добавила я и мило улыбнулась ему.

— Ты тоже, — парировал он. — Раз ты находишь такое удовольствие в моём обществе. — Он приблизился и провёл пальцами по моим губам.

Я прикрыла глаза и кончиком язычка дотронулась до его пальцев.

— Вот видишь — Кирилл томно шептал мне в ухо, проникая пальцами в мой рот. — Ты совсем как я, мой маленький сумасшедший шляпник.

Он провёл влажными кончиками пальцев по моим губам. Потом потянулся к

прикроватной тумбочке и взял мой телефон.

Кирилл протянул его мне и сказал:

— Звони декану.

— Сейчас? — Я разочаровано открыла глаза. — Я надеялась на продолжение.

— Да, сейчас.

Он сжал до боли мой сосок через ткань майки. Я охнула от уже ставшей привычной боли с привкусом наслаждения. Он начал массировать мои затвердевшие холмики, властно и требовательно скручивая их большим и указательным пальцами: то один, то другой. Я не могла здраво мыслить от резких, как разряды тока, волн возбуждения, пронизывающих моё тело. Свободной рукой Кирилл искал что-то в моём телефоне, пока я сладко страдала от его грубых ласк. Будто в бреду я увидела, как он набирает чей-то номер и подносит к моему уху. Я уже начинала постанывать от удовольствия. Мои соски горели и стали очень чувствительными от его щипков.

Когда послышались гудки в трубке, Кирилл приложил указательный палец к моему рту, призывая меня быть тише. Я с ужасом почувствовала, как лицо Кирилла опускается между моих ног, а пальцы отодвигают в сторону узкие полоски трусиков. В этот момент я услышала в трубке голос декана:

— Алло?

Я постаралась унять бьющееся сердце и усмирить дыхание. В это время в трубке всё настойчивее спрашивали:

— Алло? Кира, это вы? Я вас слушаю.

— Да... Анатолий Степанович... — я закусила губу, когда почувствовала горячий язык Кирилла на внутренней стороне бедра.

— Вы где пропадаете? — Декан задыхался от негодования. — Вы понимаете, что мне постоянно звонит ваш научный руководитель? Вы просрочили сдачу диссертации. Вам теперь придётся ждать ещё полгода, прежде чем вы сможете подать новое заявление...

В тот момент мне было не очень интересно, куда и что я должна подавать, голос декана тонул в сладкой истоме, постепенно захватывающей моё тело. Кирилл переместился языком на мой клитор и начал покусывать его, вызывая резкие спазмы удовольствия внизу живота.

— Кира? Вы тут? — Вывел меня из забытья голос Анатолия Степановича.

— Ааа? Да... О, да... — Я схватила Кирилла за волосы, когда он особенно сильно прикусил нежную кожу.

— То есть, да, я здесь. — Я попыталась придать голосу твёрдости.

— Вы стали очень рассеяны. — продолжал отчитывать меня начальник. — Такая небрежность недопустима для преподавателя МГУ, вы понимаете?

— Да! — вскрикнула я слишком громко, потому что в этот момент Кирилл погрузил в меня сразу два пальца. Видимо, им было очень тесно, потому что Кирилл развёл их внутри, расширяя мою узкую щёлочку.

Я попыталась убрать его руку и вырваться, но он захватил моё запястье и завёл руку за спину в захвате. Он поднялся и приблизился губами к моему свободному уху и тихо прошептал:

— Давай, переходи к сути дела.

Он продолжал двигать во мне пальцами, разводя их в стороны и заставляя моё лоно произвольно сжиматься.

— Какая ты узкая, девочка. — Шептал он мне, пока я слушала недовольный голос в

трубке.

Я хотела, чтобы наш разговор с деканом поскорее закончился, поэтому набрала побольше воздуха в лёгкие и выпалила:

— Анатолий Степанович, я ухожу. Спасибо вам за доверие и всё такое, но я решила посвятить свою жизнь другой профессии. — я прикусила нижнюю губу, чтобы не сорваться на стоны.

В трубке стояла оглушающая тишина. Видимо, начальник опешил от удивления.

— Я не могу сейчас говорить. — Продолжила я сдавленно и очень надеялась, что он примет эти странности за горечь от потери работы.

— Я заеду за документами. И тогдааа... — Кирилл вытворяет что-то невообразимо приятное внутри меня.

— До свидания! — уже кричу я в трубку.

И, не дождавшись ответного прощания, нажимаю на «отбой». Отдаюсь на милость победителя, не сдерживая громкие стоны. Я вся пульсирую от его страстных проникновений. Хватаю его за волосы и притягиваю ещё ближе, одновременно подаваясь бёдрами вперёд. Ещё несколько толчков внутри меня, взмахов языка, и я сладко кончаю, насаженная на его пальцы.

— Ты молодец. — Кирилл довольно смотрит на меня снизу вверх.

— А ты просто псих. — Я пытаюсь звучать сердито, но не могу сдержать удовлетворённую улыбку на губах.

Через несколько минут, выйдя, наконец, из приятного оцепенения, я начинаю осознавать всю серьёзность произошедшего. Я поднимаю хмурый взгляд на мужчину передо мной.

- Зачем ты вынудил меня уволиться? — настойчиво спрашиваю я.

Кирилл равнодушно пожимает плечами:

— Тебе там нечего делать. Это сборище старых пердунов, слишком испуганных жизнью, чтобы делать что-то реально полезное. Они либо завидуют чужому таланту, либо слишком боятся предпринять какие-то действия, чтобы жить по-настоящему. Тебя я вижу по-другому.

— Как же ты меня видишь? — Вопреки здравому смыслу, мне сложно на него дуться.

— Как свою спутницу, музу, вдохновение. — он мечтательно улыбнулся и поцеловал мою руку.

— Или как свою пленницу? — я скептически посмотрела ему в глаза.

— Это одно и то же. — он ласково поцеловал меня в лоб. Потом поднялся и направился на кухню. Уже около двери он обернулся и сказал:

— Кира, через несколько дней мы с тобой поедem в путешествие. Ты когда-нибудь бывала в Европе?

— Что? — я с изумлением посмотрела на него. — нет, не бывала, но...

— О, это большое упущение с твоей стороны. — он говорил о поездке, будто это был уже решённый вопрос. — Мы продолжим твоё образование там. Я буду твоим гидом.

Я в изумлении уставилась на него.

— Кирилл, послушай, я не могу... — Я развела руками. — Мне же надо дела доделать, забрать документы... До сих пор не верю, что так легко бросила дело всей своей жизни.

Лицо Кирилла стало суровым:

— Дело твоей жизни — это я. Мы улетаем через неделю. Я уже подготовил тебе загранпаспорт.

Он вышел, оставляя меня наедине с мыслями. Я чувствовала духоту, невозможность вздохнуть. Как так получилось, что этот неуравновешенный мужчина встал у руля моей жизни и теперь вот так просто принимает за меня все решения. Я сама дала ему такую власть над собой, и теперь он обвил меня щупальцами и тянет вниз, утаскивая на дно. Мой монстр может дышать в морской пучине, в то время как я задыхаюсь и утопаю. Он никогда меня не отпустит. Никогда.

Кира

Четыре дня пролетели незаметно. Всё это время я оставалась добровольной пленницей во владениях своего похитителя. Мне казалось, что мы с Кириллом всегда жили вместе. Утром он любил читать вслух газеты. Я не знала, откуда у него такое странное пристрастие к низкопробной прессе. Мы вместе смеялись над забавными заметками, астрологическими прогнозами и светскими сплетнями. Один раз он признался мне, что когда-то давно и сам не гнушался писать подобную дребедень за деньги. Я округлила глаза в притворном отвращении и сказала, что его авторитет в моих глазах теперь не получится восстановить, за что получила лёгкий шлепок газетой ниже спины.

Однажды вечером мы сидели на кухне, как вдруг зазвонил мой мобильный телефон. Когда я взяла его, то увидела незнакомый номер.

— Алло? — сказала я.

Мне никто не ответил.

— Я слушаю? — повторила я.

Но ответа не последовало. Я слышала только напряжённое дыхание собеседника. Я положила трубку, но вскоре телефон опять зазвонил. Я увидела тот же номер.

— Да? — уже более настойчиво ответила я.

Никто не ответил, и я снова отключилась. Однако, когда телефон зазвонил в третий раз, Кирилл подошёл ко мне и вопросительно уставился.

— Кто это? — Спросил он, сузив глаза.

Я неопределённо развела руками.

— Не знаю, ошиблись номером, наверное. — Пожала плечами я.

Кирилл ещё какое-то время пристально смотрел на меня, от чего мне стало как-то неуютно. Потом он отвёл взгляд и хмуро уставился в газету.

— Эй, ты что? — Я протянула вперёд руку, чтобы взять его ладонь, но он поспешно убрал её со стола.

— Да что такое? — Настаивала я.

Кирилл потёр переносицу и, наконец, поднял на меня свой тяжёлый взгляд.

— Пожалуйста, будь со мной откровенна. — как-то слишком спокойно произнёс он. — Кто тебе звонил?

— Да я же сказала, что не знаю! — Эта ситуация казалась мне странной. Почему он делает проблему на пустом месте?

Он посмотрел в мои удивлённые глаза и немного смягчился.

— Я просто подумал. — Он вздохнул. — вдруг, ты готовишь побег за моей спиной?

Его слова мне показались настолько нелепыми, что я невольно рассмеялась.

— Что ты такое говоришь? — Я продолжала улыбаться. — Скорее уж ты от меня сбежишь.

Последние слова я попыталась произнести небрежно, хотя они выражали именно то, что больше всего беспокоило меня.

— Знаешь, я будто главный герой из сказки «Красавица и Чудовище». — Кирилл горько

усмехнулся. — Удерживаю тебя около себя, не позволяю меня покинуть.

— Кира... — Он серьёзно посмотрел в мои глаза.

От звука своего имени, которое не так уж часто слетало с его губ, я вздрогнула и посмотрела на него. Я ждала продолжения его слов, но он лишь сжал мою руку в своей. Потом быстро встал, подошёл ко мне и поцеловал. Я, немного опешившая от его чувственности, ответила на его поцелуй. Догадываясь о том, что он так и не смог мне сказать, я прошептала в его рот:

— Поверь, я не сбегу.

Он облегчённо выдохнул и ещё сильнее прижал меня к себе.

Кроме этого странного случая, всё остальное время Кирилл пребывал в прекрасном расположении духа. Периодически он возвращался к своим прямым обязанностям: наставлению неопытной ассистентки. Иногда он скатывался на небольшие лекции, с жаром рассуждая на ту или иную тему. Я всегда с удовольствием слушала его. Мне нравились наши долгие беседы. Ум Кирилла был не менее сексуальным, чем его тело.

Правда, бывало так, что во время наших споров я теряла нить повествования, мечтательно разглядывая своего прекрасного писателя. Когда он с жаром доказывал мне что-то, то в его глазах вспыхивали искры страсти. Мне нравился ход его мыслей, но порой я специально раззадоривала его, невзначай бросая несколько контраргументов.

Несмотря на кажущуюся лёгкость нашего общения, меня в тайне не покидало смутное беспокойство. Казалось, что этот умный и привлекательный мужчина скоро пресытится моим обществом и тогда... Всё внутри мучительно сжималось от этого «тогда».

Я не могла представить, что буду делать без него. Он изменил всю мою жизнь и теперь засел так глубоко под кожей, что я с беспокойством ощущала, будто моя личность растворяется в нём. Я была замком из песка, подтачиваемый набегавшей волной. Ребёнок построил замок слишком близко к воде, и теперь волны потихоньку начали растворять его черты. Незаметно забирая частички песка обратно в море, они оставляли после себя лишь неприглядный холмик. При взгляде на эту бесформенную массу невозможно было предположить, что здесь когда-то возвышался пример архитектурного искусства, уникальная личность. Чувствовала себя теперь мокрым песком в ногах Кирилла, из которого он лепил что-то новое. Я лишь боялась, что это занятие наскучит ему слишком скоро, и он оставит меня.

От зыбкости моего положения минуты близости с ним воспринимались ещё острее. Мне казалось, что каждый раз может стать последним. Мы упивались друг другом, часами не вылезая из постели. Смотрели фильмы, читали книги, открывали всё новые грани личностей друг друга.

Кирилл посвящал мне стихи — замечательные своей простотой лирические строки, от которых моё сердце сладко сжималось. Я знала, что этому удивительному человеку трудно напрямую выразить свои чувства. Но, несмотря на это, я ощущала себя счастливой, желанной и даже... любимой?

За два дня до отъезда я поняла, что мне необходимо покинуть наш уютный мир, чтобы вернуться в свою жизнь и навести там порядок. Нужно было забрать свои вещи из квартиры и распрощаться с университетом. Я выторговала у Кирилла сутки на приготовления, и мы договорились, что я вернусь вечером на следующий день. У него тоже были некоторые дела

утром, а после обеда он должен был отвезти рукопись нового романа к редактору.

Кирилл ни под каким предлогом не соглашался показать мне свой новый роман.

— Всё в своё время. — загадочно говорил он и тут же переводил беседу на другую тему.

Мне было очень любопытно, ведь я так до сих пор и не читала ни одной из его книг. Я собиралась восполнить этот пробел во время нашего путешествия. Кирилл всё время уходил от темы, но я смогла добиться уступки: он покажет мне новую книгу через месяц, когда редактура закончится, и роман будет готов к печати в России.

— Мы тогда будем на юге Франции, и ты не сможешь сбежать от меня, даже если тебе не понравится. — мечтательно говорил он.

— Вообще-то, я немного знаю французский, и уж точно смогу сказать таксисту, что мне нужно в аэропорт. — дразнила его я.

— А кто сказал, что мы будем в черте города? — сказал Кирилл и заговорщицки подмигнул мне.

Мы расстались утром, после того как он вручил мне ключи от своей квартиры. Заставил пообещать, что, если я вернусь раньше на следующий день, а его не будет дома, то я обязательно дождусь его возвращения. Мы долго целовались около двери, в то время как приложение по вызову такси уже в третий раз прислало уведомление о том, что «машина ожидает» меня.

Я спускалась в лифте, безумно улыбаясь своему отражению в зеркале. Я не могла дождаться, когда с моей прежней жизнью будет покончено, и мы с Кириллом сможем уйти в закат. Смутно ощущая возможную скоротечность его интереса ко мне, я понимала своё шаткое положение, но упрямо отгоняла непрошенные сомнения. Я была полностью и безвозвратно влюблена в него, и мне казалось, что силы моей любви хватит на двоих.

Я выпорхнула на улицу и стала осматривать припаркованные машины в поисках такси, когда услышала женский голос позади себя:

— Кира?

Я обернулась и увидела яркую блондинку в солнечных очках. Это была Вера, бывшая жена Кирилла. Вот это сюрприз.

— Доброе утро. — она стояла, прислонившись спиной к белому Лексусу. Вера открыла пассажирскую дверь. — Садитесь, я вас подвезу. Нам нужно поговорить.

Я с недоверием посмотрела на неё и сдержанно ответила:

— Спасибо, не нужно. Меня тут ждёт такси. — я неопределённо помахала рукой в сторону припаркованных автомобилей.

— Кира, поверьте, наш разговор нужен скорее вам, чем мне. — она холодно улыбнулась. — Я просто не могу стоять в стороне. Садитесь.

Интересно, это от Кирилла она научилась говорить с малознакомыми людьми в приказном тоне? Мне стало любопытно, для чего его бывшая жена поджидала меня. От одной поездки ничего страшного ведь не случится? Повинуясь внезапному порыву, я села к ней в машину.

— Хорошая машина. — Я оглядела дорогой кожаный салон.

— Подарок Кирилла. Перед разводом. — она усмехнулась. — Он хотел, чтобы мы остались друзьями. — Вера издевательски передразнила тон Кирилла.

Пока мне не очень нравилась наша беседа, и я молча смотрела в окно. Вера, видимо, почувствовала моё напряжение, поэтому продолжила более нейтральным тоном:

— Кира, послушайте, я знаю, что я вам неприятна. Но на самом деле мы на одной стороне.

— На какой стороне? — Я вопросительно изогнула бровь.

— На стороне противоположной Кириллу. — Добавила она с чувством.

— Я не собираюсь обсуждать с вами наши отношения! — Сквозь зубы процедила я, жалея об этой поездке. И чего я ожидала от обозлённой женщины?

— Конечно, ведь вы его любите! — Она горько усмехнулась, глядя на дорогу. — Он очень очарователен, когда хочет этого. Но не забывайте, что я знаю его гораздо дольше вашего. Вы пока ещё не поняли, что он собой представляет.

— И что же он собой представляет? — я даже не пыталась унять скепсис в голосе.

Вера нервно выдохнула и сказала:

— Он — психически ненормальный, опасный человек с тёмным прошлым.

Я хмыкнула и постаралась придать себе невозмутимый вид. Но внутри себя я почувствовала укол беспокойства. Я и правда, непростительно мало знала о человеке, ради которого отказалась почти от всего в своей жизни.

Вера тем временем продолжила.

— Вы никогда не задумывались, почему он скрывает от вас своё прошлое? Вы знаете, что он сидел в тюрьме?

— Да, знаю! — с вызовом бросила я. На самом деле я точно этого не знала, но догадывалась после той драки с пьяной компанией.

— Значит, вы уже читали его романы? И они вас не отпугнули? — она неверящим взглядом посмотрела в мою сторону.

— Нет, пока ещё не читала. Но скоро собираюсь. Не могу представить, чтобы что-то в них могло меня отпугнуть. — я старалась звучать уверенно.

Вера замолчала, уставившись в окно. Между нами повисла неловкая пауза.

— Знаете, я ведь тоже его любила когда-то. Оправдывала. — внезапно сказала она. — Представляете, я списывала все его странности на неординарность творческой личности! — она горько усмехнулась. — Он вас заставляет делать вещи, которые вам не хочется делать? Переступать через себя? Всё во благо некой высшей цели?

Я поёжилась и промолчала. Мне было неприятно осознавать, что в словах Веры была доля правды. Последние три месяца я только и делала, что переступала через себя, выпрыгивала из штанов, чтобы угодить его странным, не всегда адекватным требованиям.

— Самое ужасное, что это для него всего лишь эксперимент! — продолжала Вера.

Невольно я взглянула на неё и увидела, что её глаза полны слёз.

- Отношения для него — эксперимент. — сбивчиво продолжала она. — Ему забавно наблюдать, на что женщины готовы ради него, ради любви. На самом деле Кириллу всё это не надо. Он просто использует нас как подопытных крыс и выбрасывает, когда мы перестаём его забавлять.

Я не могла поверить в её слова и просто продолжала молча сидеть с неистово колотящимся сердцем.

Незаметно мы подъехали к моему дому. Я попыталась открыть дверь, но Вера её заблокировала.

— Выпустите меня! — я продолжала упрямо дёргать ручку, не в силах больше слушать её.

— Прочитайте его романы. В них вся его жизнь. Слово в слово. Это не вымысел, не фантазия автора. Его книги так хороши, потому что в них описана исключительно правда. Последний роман, «Ревность», — о наших с ним отношениях. — Вера уже не могла сдерживать слёзы, и я с ужасом видела, как сильно начала дрожать её нижняя губа.

О, Боже! Неужели Кирилл и правда принёс этой красивой женщине столько страданий?

— Понимаете, — всхлипывая, продолжала она, — он заставил меня сделать всё это. Я не знаю, как так вышло. — я видела, что моя собеседница пытается держать себя в руках из последних сил. Она дрожала всем телом. — Я была будто в трансе рядом с ним, сама не своя.

От её слов я будто приросла к креслу. Не могла пошевелиться. Я ведь и сама всю последнюю неделю испытывала нечто похожее на гипноз рядом с Кириллом!

— Он... — она подавила нервный всхлип, — Он заставлял меня спать с другими мужчинами. И не ради себя, как я тогда думала, не потому что у него такие извращённые вкусы. Я бы могла это принять. Он это делал ради долбанного вдохновения! Он меня использовал ради вдохновения! — она сорвалась на крик.

Через пару минут Вера утёрла лицо рукавом и бесцветно произнесла:

— После этого он подробно описал всё в романе. Использовал моё настоящее имя, и теперь все знают. Мои друзья и коллеги перешёптываются за моей спиной. Мои родители... — Она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

— Понимаете, Кира, у меня ничего не осталось. Я на работе беру всё время ночные смены, чтобы с коллегами не пересекаться. — Вера затравленно посмотрела на меня. — Я бы убила его, если бы могла. Но я не могла. Поэтому я была обязана, просто обязана предупредить его следующую жертву.

Внезапно я вспомнила странные телефонные звонки. Неужели это она пыталась поговорить со мной?

— Это вы мне звонили? — Ошеломленно спросила я.

Вера немного смутилась, опустила взгляд и тихо произнесла:

— Да... я... — она пыталась подобрать слова, но я перебила её.

— Я не верю вам! Вы преувеличиваете!

Да эта женщина просто ненормальная! Я не находила слов и начала задыхаться от негодования. Нет! Нет! Нет! Всё это не может быть правдой!

— Просто прочитайте романы. — Вера взяла себя в руки и продолжала уже более спокойно. — Вы сами всё поймёте.

Она разблокировала замок дверей. И тихо сказала:

— Он и про вас написал уже.

— Что? Почему вы так думаете? — Теперь уже меня начала бить дрожь.

— Я слишком хорошо его знаю. — Слегка высокомерно заявила Вера. — Я видела, с какой одержимостью он на вас смотрел тогда в больнице. Но вы должны убедиться сами. У него всегда только один экземпляр рукописи. Я знаю, где он хранит её.

Она открыла сумочку и порылась в ней. Потом протянула мне визитку.

— Возьмите. Позвоните, когда прочитаете.

— Я не позвоню. — Я сжала визитку в руке — До свидания!

Я выскочила из машины и, не чувствуя под собой ног, побежала домой. Бежала так быстро, будто за мной по пятам следует вся стая адских гончих. С колотящимся сердцем я

ворвалась в свою квартиру, не глядя захлопнула дверь и подбежала к столу. Трясущимися руками достала фирменный пакет книжного магазина, открыла его и вытащила содержимое. Сегодня я не поеду в университет. Я никуда не поеду.

Кирилл

Давно не чувствовал себя таким живым. Даже привычная пробка на Кутузовском проспекте не раздражала. Мне хотелось поскорее покончить со всеми делами, вернуться домой, схватить в охапку мою девочку и отнести её в спальню. Странная новая привязанность к этой упрямой девчонке немного тревожила меня. Я не знал, как долго смогу скрывать от неё другую, более тёмную сторону своей личности. Последние несколько дней я пытался отогнать от себя эти опасные мысли и просто наслаждался моментом.

Её искренность, её живая заинтересованность во мне просто опьяняли. Я чувствовал всю глубину чувств моей девочки и не мог не поддаться этим новым захватывающим ощущениям. Никогда прежде я не разрешал никому так глубоко проникнуть к себе в душу. Сначала меня настолько пугала наша связь, что я пытался отгородиться от неё привычным равнодушием. Но притяжение моей Луны, моей спутницы, было настолько сильным, что в этой схватке я потерпел поражение. Неожиданно её тёплые прикосновения к моему холодному сердцу смогли растопить лёд. Она была моим тёплым весенним солнышком, которое наполняло своим ярким светом вековую пустоту в моей замёрзшей душе.

Подобно глубокой холодной реке в апреле, я внезапно почувствовал, как тронулся лёд. Холодная корка на моём сердце становилась всё тоньше и тоньше. Я пытался обезопасить себя, продолжать контролировать ситуацию, но теперь, доверившись ей, видя её готовность идти за мной, мои переживания стали растворяться.

Если бы кто-то сказал мне три месяца назад, что я найду родственную душу в этой неопытной и наивной девчонке, я бы рассмеялся этому человеку в лицо. Однако теперь я уже не представлял жизни без моей музыки.

Пока я представлял, как буду обучать Киру ремеслу писателя в Европе, зазвонил телефон. Это была Алина. Я закатил глаза. Последнее время мы с Алиной не всегда находили общий язык. Она взбесилась от новости о том, что я не намереваюсь вернуться в Москву к первому сентября, чтобы, как примерный мальчик, пойти на новую работу в университет. Но мне было плевать на её мнение, о чём я не преминул ей сообщить. Мы послали друг друга ко всем чертям, и вроде бы конфликт был исчерпан.

Однако вскоре она начала мне названивать с целью ускорить процесс сдачи рукописи. Алина знала, что я никогда не поддавался на её уговоры сдать роман редактору раньше, чем я был полностью уверен в завершённости работы. Тем не менее, ей нравилось заниматься мозгоклюйством. Если бы эта женщина не была лучшим литературным агентом Москвы, я бы давно послал её далеко и надолго. Вот и теперь она домогалась меня ранним, по моим меркам, утром:

— Да! — Рывкнул я в трубку.

— Кирилл, я не поняла, где рукопись? Ты чем там занимаешься вообще? — Недовольно осведомилась Алина.

— Собираюсь в путешествие. — Я решил позлить её.

— Это я знаю. — Слышу, как она затягивается сигаретой. — А ты уже все вопросы утряс с нерешенными моментами? А то ты всё кормишь завтраками. Доделай уже работу! —

Злилась ведьма.

— Алина, не надо мне указывать. Я это не люблю, ты знаешь. — Я говорил тихо, пытаюсь подавить закипающую внутри злость.

— Кирилл, послушай — Сказала Алина уже более миролюбиво. — Я просто беспокоюсь, что мы не успеем всё сделать до твоего отъезда. Я так поняла, основная проблема в имени главной героини? Просто выбери любое и всё!

Мысленно проклинал длинный язык моего редактора, который уже успел разболтать Алине о моих трудностях.

— Это не так просто, как ты думаешь. Но не беспокойся. — Сегодня вечером я сдам рукопись. — Я отключил телефон.

Я действительно не мог решиться на этот последний шаг. В книге я использовал настоящее имя Киры. Я никогда не уступал достоверности в угоду приватности. Но в последнюю неделю я начал всё больше сомневаться. Я планировал держать Киру в Европе на момент выхода моей книги, подальше от папарацци и таблоидов. Но, конечно же, нежелательная слава дойдёт до неё и там. Я помогу ей преодолеть шок, который обрушится на неё. Но, мне кажется, в итоге Кира сможет меня понять. Как писатель писателя. Конечно, сперва она будет вне себя. Возможно, даже не будет со мной разговаривать какое-то время. Но когда страсти улягутся, уверен, мы сможем решить наши вопросы мирным путём. В итоге она всегда уступает.

Очень много времени в жизни уходит на наискучнейшие дела. Будто нам, людям, и так не отмерена всего пригоршня лет на этом свете, чтобы ещё и тратить её на решение занудных насущных проблем. Заглянув сначала в туристическое агентство, а потом отстояв очередь в банке и заехав на СТО, к обеду я наконец-то направился домой. Набрал Киру, но она не взяла трубку. Набрал несколько раз подряд — ответа не было. Меня начали раздражать эти длинные гудки в телефоне. Какого чёрта? Мы же договорились созвониться в обед. Наверное, она уже у меня дома, открыла дверь своим ключом, который я ей буквально навязал вчера, и ждёт моего возвращения. Или, может быть, принимает ванну... Воображение нарисовало её обнажённое тело, расслабленно лежащее в ванне с пеной. Меня бросило в жар от этих мыслей.

Я понял, что что-то не так, когда подъехал к дому и увидел несколько пожарных машин возле подъезда. Выскочил из машины. Навстречу мне уже бежали несколько человек. Я узнал знакомых охранников, работающих в нашем комплексе. Они что-то кричали мне, но я уже и так понял в чём дело. Горел мой пентхаус. Я поднял голову вверх и увидел окно своего кабинета. Из него валил густой чёрный дым.

Всё происходило как в замедленной съёмке. Мои мысли были только о Кире. Она уже должна была вернуться к этому времени. Ужас ледяной хваткой сдавил лёгкие. Я попытался забежать в подъезд, но там было всё оцеплено — полицейские и пожарные никого не пускали. Жильцов эвакуировали, все сновали туда-сюда.

Я заметил, как подъехал фургон с репортёрами с новостного канала. Чёрт, только их не хватало! Я нашёл главного в этой суматохе и попытался добиться от него какой-то ясности. Но ни у кого не было точной информации. Кира, Кира, Кира... мысль о моей девочке сверлила мозг. Где же она?! Она не брала трубку. Это могло значить только одно. Она в квартире. Я сделал отчаянную попытку прорваться через ограждение, крича всем вокруг, о том, что в квартире есть человек. Нужно во чтобы то ни стало привлечь их внимание! Трое

пожарных схватили меня сзади, не давая войти в здание. Я ударил локтём в нос одному из них, бешено пытаюсь вырваться. Да как же они не понимают?! Она там! Меня скрутили и уложили лицом на землю. Краем глаза я наблюдал, как репортёры снимают всю эту картину. Чудесные заголовки меня ждут завтра во всех газетах! Ко мне подошёл кто-то из власти имущих, склонился надо мной и сказал что-то. Я пытался прислушаться, потому что звон в ушах мешал мыслить трезво.

— Кирилл, вы меня слышите? — пытается достучаться до меня какой-то мужчина.

— Вы не понимаете! — Кричу я. — Там девушка! В квартире моя девушка!

— Мы обследовали всю площадь вашей квартиры дважды и никого там не обнаружили.

Возгорание началось в кабинете, его площадь составила девять квадратных метров. У вас в кабинете нет системы пожаротушения.

Я вспомнил, что сам отказался от установки датчиков задымления, так как любил курить, сидя у окна в кабинете

— Но остальная квартира оборудована разбрызгивателями, поэтому пожар не распространился далеко. — Продолжил вводить меня в курс дела мужчина.

Я не совсем понимал, что он сейчас мне говорит. Только уловил, что Киру они там не обнаружили. Внезапное облегчение сделало меня каким-то ватным. Я был рад, что уже лежу лицом на асфальте, иначе не уверен, что смог бы стоять. Удерживающие меня люди, видимо, почувствовал, что я перестал сопротивляться, поэтому отпустили меня. Я встал. Начиная мыслить более трезво, я спросил:

— Вы не разобрались, в чём причина возгорания? — Я поднялся и начал отряхивать свою одежду.

— Экспертиза будет готова сегодня. Но пока мы считаем, что это был поджог.

— Что? — Я не поверил своим ушам. — Вы уверены? Не неисправные приборы, не проводка? Не непотушенная сигарета?

— Нет, это совершенно точно был поджог. Тут и полиция приехала, хотят вас опросить.

В голове начали крутиться шестерёнки. Поджог, значит?..

Кира

Я встала с кровати через двадцать два часа после встречи с Верой. Сейчас восемь утра, и я должна действовать. Мне кажется, что каждая клеточка тела ноет от тупой усталости. Я не спала, так как весь прошлый день, всю ночь и часть утра я провела за чтением. Мне кажется, будто мои внутренности стянули в тугий узел. Всё, что говорила вчера мне Вера, оказалось правдой.

Мне казалось, будто меня ударили по голове чем-то очень тяжёлым. Я чувствовала громкий звон в ушах, а при резких поворотах перед глазами всё начинало кружиться. Потрясение было таким сильным, что я не могла никак сообразить, что теперь мне нужно делать. Моя предательская душа продолжала цепляться за призрачную надежду на то, что Вера ошиблась в главном — в наших с Кириллом отношениях. Нет, он не мог хладнокровно использовать меня, записывать дословно наши с ним диалоги с целью их позже напечатать. Какая-то глупость! Нелепица! Я даже рассмеялась вслух. Нет, этого не может быть. Я люблю его. Он тоже меня любит. Хотя он, конечно, никогда не говорил мне об этом. Но я знаю это, я чувствую. Я не могу в нём сомневаться, ведь он — мой мир. Единственная константа, которая не даёт мне сойти с ума последние три месяца. Или сводит меня с ума? Ехидный голос где-то внутри шепчет мне: «Ты полюбила психопата». Хорошо, я должна убедиться. Я докажу Вере, что она ошибается.

Я иду в коридор и отыскиваю на полу визитку Веры. Набираю номер:

— Алло — бодрый голос отвечает мне немного взволнованно. Хорошо, она не спит.

— Вера, это Кира.

— Да, я поняла.

— Скажите, где Кирилл хранит рукопись?

Мы договариваемся встретиться с Верой через час. Она хочет подвезти меня до дома Кирилла. Я чувствую такое оцепенение, что даже рада её компании. Мы едем молча, но я периодически чувствую тревожные взгляды Веры на себе. Я не знаю, что ей сказать.

Бывало ли в вашей жизни, что какое-то, казалось бы, незначительное событие приводит к совершенно непредсказуемым последствиям? Будто снежный ком цепляет за собой всю вашу жизнь и, набирая обороты, несётся с вершины вниз, к подножию, сметая абсолютно всё на своём пути. Я вспомнила, как мы встретились с Кириллом впервые. Окажись я в той курилке на десять минут позже, ничего бы не случилось. Или если бы я проявила в тот день твёрдость, отказалась выставлять незаслуженную оценку и ушла домой, то... Насколько все наши поступки в жизни предопределены? Можем ли мы решать хоть что-то сами, или только идём по невидимому лабиринту, периодически наталкиваясь на стены, пытаюсь найти выход? Все наши решения известны заранее, или мы сами творим свою судьбу здесь и сейчас?

Последние три месяца мою судьбу творил Кирилл. А я только послушно шла за ним, как Исаак шёл за своим отцом. Он тоже слепо доверял отцу, не зная, что тот хочет принести его в жертву. Неужели Кириллу от меня тоже нужно было только слепое повиновение? Моя жертва.

Несмотря на то, что все факты сейчас были против него, я всё ещё продолжала глупо верить. Верить в него. Будто он лидер культа, а я — его преданный адепт и любой, даже самый ужасный его поступок заранее оправдан и прощён.

Мы подъехали к дому. Было около девяти утра. Я знала, что Кирилл уже уехал — его машины не было на привычном месте. Вера, видимо, тоже это заметила, потому что сказала:

— Ну что, ты готова? — Мы, не договариваясь, перешли на «ты».

— Нет. Но это и не важно. — я продолжаю сидеть в машине.

— Хочешь, я с тобой пойду? — Вера взволнованно смотрит на меня.

— Нет, я должна сделать это сама. Подождёшь меня тут?

— Да. Я позвоню, если увижу машину Кирилла.

— Спасибо. — я напряжённо смотрю ей в глаза — Спасибо тебе за равнодушие.

— Я знаю, что ты до сих пор надеешься на то, что я ошибаюсь. — Вера вздыхает. — Кто знает, может быть, ты права? Может быть, его рукопись — это исторический роман про жизнь Генриха Восьмого и его шесть жён? — она выдавливает улыбку.

— Да, я продолжаю надеяться. — тихо отвечаю я. — Потому что не знаю, как жить в противном случае.

Я открываю дверь и выхожу. Поднимаясь на лифте, я начинаю чувствовать усталость от бессонной ночи и постоянного напряжения всего прошедшего дня. Когда я захожу в квартиру Кирилла, то первое, что я вижу — огромный букет лилий. И подпись: «Для моей вечной спутницы, моей Луны».

Он ждал, что я приду. На мгновение мне хочется отказаться от поиска истины и просто пойти лечь спать в нашей спальне, забыть всё то, что я узнала за последние сутки. Просто закрыть глаза и надеяться, что всё само собой образуется. Я захожу в спальню. Так много счастья я видела в её стенах за последнюю неделю. Закрываю глаза и слышу наш беспечный смех, чувствую запах свежих вафель и утреннего кофе. Сейчас мне кажется, что всё это было с какой-то другой девушкой, в какой-то другой жизни.

Я захлопываю дверь в спальню. Запечатываю дверь к счастливым воспоминаниям в своей душе. Направляюсь в кабинет. Вера рассказала, что Кирилл никогда не пишет романы на ноутбуке, но по старинке использует печатную машинку. Самый нижний левый ящик стола. Закрыт на замок. Но я знаю, что ключ от него находится под книгой Фаулза «Коллекционер». Во она, крайняя в верхнем ряду. Я выдвигаю ящик. Моя правда белеет аккуратной стопкой листов А4 на дне. Я вижу название на титульном листе: «Подчинение», автор — Кирилл Миронов.

Сажусь на пол рядом со столом. Дрожащими руками перелистываю страницу. На следующей идёт посвящение: «Луне моей жизни. Не борись с нашим притяжением». Какого чёрта?! Я не уверена, что смогу выдержать правду. В груди становится очень больно, будто где-то в глубине открылась кровоточащая рана. На секунду прикрываю глаза, ожидая, что мне станет легче. Но легче не становится. Я сижу в зловещей тишине какое-то время. Сердце глухо бухает где-то под рёбрами. Ощущая неотвратимо накатывающее оцепенение, я заставляю себя распахнуть тяжёлые веки и продолжить чтение:

«Подчиняющийся в начале пути подобен строптивому морю — бушует и бьётся о берег. Но когда он смиряется со своим положением и успокаивается, то начинает ласково лизать пятки, зазывая в свою солёную глубину.

Я не умею писать о любви, мне она кажется слишком сложным чувством, поэтому, с

упорством механика я разбираю её на составляющие.

В любви Киры ко мне главной составляющей было подчинение. Я не сразу добился его. Как опытный садовник, я не ожидал плодов на дереве, которое никто никогда не поливал. Поэтому я бережно взрыхлял почву и удобрял. Я безжалостно отсекал ненужные ветви и ласково поощрял верные побеги, чтобы привести своего подопечного в правильную форму. Однако не могу забрать себе все лавры. Надо отметить, что мне повезло — почва попалась весьма плодотворная — когда-то в неё уже заронили верное зерно, которое само прорастало в течении долгих лет. Что же, мне осталось немного: удобрить, полить, постричь, а потом наслаждаться спелыми сочными плодами».

К горлу подступает тошнота. Я не могу сдержать позывы, и меня рвёт прямо в корзину для бумаги. Отдышавшись, я перевожу взгляд обратно к рукописи и с упорством мазохиста ещё и ещё раз перечитываю эти жестокие строки.

Я не могу поверить своим глазам. Мне кажется, будто, зайдя в этот кабинет, я перенеслась в параллельную вселенную. В этой вселенной мой романтичный, заботливый и страстный принц превратился в жестокое чудовище, которое питается чужими страданиями.

Неужели всё это время это был он? Будто два разных человека скрыты в его прекрасном теле. Один из них — умный, внимательный и чуткий. Готовый постоять за честь девушки, готовый поделиться самыми сокровенными мечтами и страхами. Другой — подлый, циничный и чёрствый. Он шантажирует, предаёт, использует. Которого из них полюбила я?

В попытке понять, я пролистала несколько страниц и наткнулась на описание нашей встречи в курилке. Всё до последнего слова — правда. Как это мерзко. Меня опять стало подташнивать, но я сдержалась.

Очень скоро я потеряла способность воспринимать информацию — к глазам подступили слёзы. Жгучие слёзы обиды, досады и отвращения белой пеленой встали перед глазами. Теперь я могла выхватывать лишь отдельные строки из общей нити повествования:

«Я вижу лишь очередную простужку в кроссовках и джинсах.»

«По истине виктимное поведение женщин само притягивает агрессоров.»

«Мне было приятно смотреть, как покорно она выслушивает мои колкости»

«Мужчины хотят покорности, а уж каким именно способом они её добьются, каждый выбирает сам.»

Строчки начинают плясать перед глазами, и я не могу сфокусировать зрение.

«Кем бы я не был в тот момент, когда сжал пальцы на её горле, впечатав в стену, мне это понравилось.»

«До Киры я никогда не ощущал потребности физически подавлять женщину.»

«Меня интересовало полное поглощение личности. Когда подчиняющийся добровольно переступает через свои лимиты, чтобы угодить тебе. Не это ли полная власть?»

«Мне нужно было выбрать объект исследования, некую неопытную душу...»

Перед моим взором закручивается в тугую спираль калейдоскоп из ярких обрывчатых фраз.

«Я должен был проникнуть в её разум, прочно укрепиться там, стать её внутренним голосом.»

«Мне показалось, что я что-то сломал в ней тем вечером, и она никогда не будет прежней.»

— Да, ты сломал меня!!! — внезапно для самой себя кричу я в пустоту комнаты.

Как я могла не видеть в нём столько садистской жестокости? Ему даже не нужны были

все мои жертвы — они просто потешали его это, давая топливо для писательства. Я перелистнула ещё несколько страниц и увидела подробное описание нашего похода в «театр», прогулки по Арбату...

Вот и мой рассказ. Я внутренне вскипела! Да как он посмел! Он хочет меня распять перед толпой, раздеть и закидать камнями? Это было самое личное воспоминание, я никому об этом не рассказывала. А он взял и бросил его в ноги людям. Он просто безжалостен. В этот момент внутри всё похолодело, и мне показалось, будто чья-то незримая рука начинает сжимать в яростной хватке моё сердце. Я не могла слелать вдох.

А потом накатила боль. Сильная, жгучая. Мне было просто необходимо дать выход этой боли, иначе бы моё сердце разорвалось. Я схватила печатную машинку со стола и запустила ею в книжный шкаф, перевернула письменный стол, разбила вазы, награды, которые мирно пылились на полках в углу кабинета. Потом очередь дошла до книг. Я разрывала страницы. Многие книги оказались редкими, с автографами каких-то писателей, но моя ярость была прямо пропорциональная их ценности. Когда в кабинете уже почти не осталось ничего для того, чтобы разбить, я обратила своё внимание на минибар, который прятался в углу комнаты, за шкафом. В нём было около дюжины бутылок с крепким алкоголем. Я стала открывать каждую из них, делать несколько больших глотков и с силой разбивала их об пол. Вскоре пол кабинета стал полностью покрыт осколками стекла и мокрыми, облитыми дорогим алкоголем обрывками бумаги.

На секунду я остановилась и обвела глазами помещение. Я вдруг ощутила себя обессиленной. Мои ноги подкосились, и я опустилась на пол. Среди обломков мебели, стекла и рваных страниц я отыскала рукопись, обняла её и легла. Моё Солнце оказалось обжигающим. Я как Икар, который подлетел слишком близко к светилу, опалив при этом крылья. Мой писатель оказался слишком ярким и болезненно горячим для меня. Я думала согреться в его тепле, но вместо этого начала плавиться. Огонь Кирилла оказался слишком жгучим, я не смогла его выдержать — он проник ко мне внутрь и теперь выжигал. «У бурных чувств неистовый конец» — пронеслись в голове строки из Ромео и Джульетты.

Я ощущала, что конец моих чувств уже близок. Моя огненная любовь переплавилась душу, избавила её от лишних примесей. Слишком сильные чувства, подобно закалённой огнём стали, окрепли и сковали меня так сильно, что я, заслонённая ими, перестала видеть реальность. Но теперь оковы спали. Я прозрела.

Мой маленький мир был спалён дотла. Ты прав, Кирилл, я никогда не буду прежней. Я стала сильнее благодаря тебе. Ты вёл меня тернистой дорогой, и по пути я чуть не потеряла себя. Ты освободил меня. Ты думал, что я — птичка, вылетевшая из клетки. Но ты сделал из меня дракона, огнедышащего монстра, который не остановится ни перед чем, чтобы отомстить своему создателю.

Я ощутила, как во мне вспыхивает последний пожар тех чувств, которые он пробудил во мне. Я должна была выплеснуть их, чтобы потом уже погасить навсегда.

Сложив рукопись в свою сумку, я оставила в руках только титульный лист с названием «Подчинение». Достала из кармана зажигалку и поднесла её к середине листа. Щёлкнула кнопкой и смотрела, как алые языки пламени начинают лизать страницу, а вскоре перебрасываются на неё. Пальцами, сжимающими листок, чувствовала жар огня. Когда он стал невыносимым, я бросила страницу прямо на гору разодранных книг. Политые крепким алкоголем, они быстро занялись, и вот, уже весь кабинет был объят всполохами пламени.

Я подошла к двери, оглянулась назад и с удовольствием наблюдала, как огонь пожирает

стол и печатную машинку. Хотелось, чтобы внутри меня тоже не осталось ничего. Ничего, кроме выжженной пустыни, где, посыпанные пеплом былых чувств, тлеют жаркие угли мести. Птичка улетает на свободу.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net